30

Семевский
„Семейство
Монсов"

Петербург
1862

N. 179.

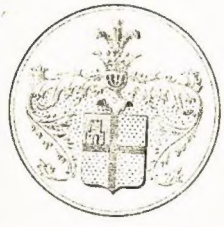
№ 16371/8°

Народный Комиссариат по Просвещению

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

СЕМЕЙСТВО

МОНСОВЪ



ДБ
200
С30

СЕМЕЙСТВО

МОНСОВЪ

1688—1724

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

М. И. Семевскаго

А. Д. Н.
ЦЕСАРЕВИЧА
НИКОЛАЯ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1862

№ 179.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 іюля 1862 года.

Цензоръ *Ѳ. Веселаго*

(Оттиски изъ журнала «Время» 1862, №№ II, III, IV, V и VI)

СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ

1688—1724

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ)

I

АННА МОНСЪ

1692—1703

Въ 1698 году въ послѣднихъ числахъ августа, Москва тревожно ждала государя изъ его долговременнаго, заграничнаго путешествія. Чувство тревоги и страха волновало всѣхъ отъ великаго боярина и «генералисимуса» Шейна до послѣдняго стрѣльца, томившагося въ колодкахъ за извѣстное дѣло подъ воскресенскимъ монастыремъ... Въ толпахъ «сѣраго» народа бродили разные слухи и толки; тѣ и другіе были вызываемы нелюбовью къ Петру и его нововведеньямъ, тѣ и другіе были поддерживаемы полуторагодичной отлучкой монарха. «Царя Петра Алексѣевича не стало за моремъ!» таинственно говорили тетки и сестры государя и вслѣдъ за ними вѣсть эту разносили горожанки, стрѣльцы и стрѣльчихи повторяли и вѣрили ей, даже бояре-правители, охваченные, по выраженію государя: «бабьимъ страхомъ». «У насъ на верху (т. е. во дворцѣ) позамялось, шептала одна изъ враждебныхъ Петру царевень своей постельницѣ, хотѣли было бояре государя-царевича удушить...» «Государь, передавала стрѣльчихамъ одна изъ боярскихъ боярынь, государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ... И въ то число, какъ было бояре хотѣли государя-царевича удушить, его подмѣнили и платье его на другаго надѣли, и царица узнала, что не царевичъ; а царевича сыскали въ иной комнатѣ.

Толки эти, начавшіеся чуть не со времени отъѣзда Петра, приняли громадные размѣры и были искрой, брошенной въ народъ. «Нынѣ вамъ худо, писала Софья стрѣльцамъ, а впредь будетъ еще хуже. Идите къ Москвѣ. Что вы стали?..» И стрѣльцы откликнулись на призывъ: «въ Москву, въ Москву! перебьемъ бояръ, разоримъ Кукуй (нѣмецкую слободу), перерѣжемъ нѣмцевъ!..»

Нѣмцы остались цѣлы; уцѣлѣлъ и ненавистный народу Кукуй городокъ: стойкость Гордона и пушки Де-Граге спасли кукуйцевъ отъ народной мести; стрѣльцы были смяты, разбиты, перехвачены и 2 іюля 140 облихованы кнутомъ, а 130 человѣкъ, по указу Шейна и бояръ-правителей, вздернуты на висѣлицы.

Но розыскъ и казни были слишкомъ поспѣшны, милосерды и необстоятельны для столь важнаго дѣла, такъ по крайней мѣрѣ казалось Петру; «съ печалью и досадою отъ болѣзни сердца» слалъ онъ еще изъ Амстердама горькія укоризны кесарю Ромодановскому за послабленіе мятежникамъ; и вотъ съ твердымъ намѣреніемъ «вырвать сѣмя Милославскаго, угасить огнь мятежа» спѣшилъ государь въ столицу: «Сей ради причины, писалъ онъ Ромодановскому, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы и не чаяете.»

Бояре однако чаяли и чаяли для себя грозную сиверку.

Во вторникъ, 25 августа, въ 6 часовъ пополудни, только-что прозвонили отъ вечерни, въ боярскихъ палатахъ, дворцовыхъ теремахъ, затѣмъ по всей Москвѣ пролетѣла вѣсть: государь пріѣхалъ! Петръ съ Лефортомъ и Головинымъ возвратились въ столицу. Проводивъ великихъ пословъ до ихъ жилищъ, навѣстивъ нѣсколько боярскихъ семействъ, царь спѣшилъ насладиться радостями любви въ семействѣ виноторговца, одного изъ жителей Кукуягородка, Ивана Монса. Анна Монсъ, младшая дочь виноторговца, нѣсколько лѣтъ тому назадъ успѣла приковать къ себѣ сердце суроваго монарха. Казалось разсѣянія заграничной жизни, долговременность разлуки должны были погасить любовь Петра къ Аннѣ Ивановнѣ; это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что во все время съ марта 1697 года по августъ 1698 года т. е. во время путешествія своего, государь ни разу не вспомнилъ объ Аннѣ, по крайней мѣрѣ этого не видно изъ многочисленной переписки съ его нѣмецкими и русскими слугами. Но видъ Кукуй-городка должно быть воскресилъ въ памяти Петра тѣ пріятные часы, которые онъ проводилъ въ семействѣ Монсъ, и вотъ онъ спѣшитъ обнять одну изъ красавицъ нѣмецкой слободы... «Крайне удивительно, писалъ австрійскій посолъ Гварьентъ, крайне удивительно, что царь противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія еще одержимъ

прежнюю страстью; онъ тотчасъ по пріѣздѣ посѣтилъ нѣмку Монсъ...» (1)

Но любовь любовью, а дѣло дѣломъ. Ночь проведена была въ деревянномъ домикѣ въ Преображенскомъ. (2) На слѣдующіе же дни Петръ поспѣшилъ принять всѣхъ и каждаго въ комъ только имѣлъ нужду; впрочемъ ни изъ его разговоровъ, ни изъ его поступковъ нельзя еще было замѣтить какіе уроки вынесены государемъ изъ его поѣздки, какія важныя нововведенія должна ждать отъ него Россія. Въ первые дни онъ только и дѣлалъ, что хваталъ своихъ бояръ за бороды и ловко ихъ отхватывалъ ножницами, «это были первые — восклицаетъ г. Устряловъ — и самые трудные шаги къ перерожденію Россіи!» Затѣмъ изъ впечатлѣній, вынесенныхъ царемъ изъ за границы, стриженые сановники услышали похвалы венеціанскому послу. Петръ очень хвалилъ его за вкусныя блюда и вкуснѣйшіе напитки. Кромѣ посла-гастронома изъ заграничныхъ знакомыхъ Петръ очень сблизился съ королемъ польскимъ. Четырехдневныя попойки и пиршества (на обратномъ пути къ Москвѣ) до такой степени сдружили Петра I съ Августомъ II, что они обмѣнялись кафтанами. «Я люблю Августа, говорилъ царь боярамъ, щеголяя предъ ними въ платьѣ новаго пріятеля, люблю его больше всѣхъ васъ; люблю не потому, что онъ польскій король, а потому-что мнѣ нравится его личность.»

Такъ говорилъ Петръ въ бесѣдахъ съ сподвижниками и слугами; но заявляя предъ ними пріязнь къ Августу, онъ спѣшилъ однако отпраздновать радость встрѣчи съ московскими друзьями. Устроить пиръ самый роскошный и разгульный было дѣломъ веселаго Лефорта. 2 сентября къ нему собралось до 500 человѣкъ гостей; на пирушку, по указу царя, были созваны всѣ нѣмецкія дамы, находившіяся въ Москвѣ. Разумѣется смѣло можно предположить, что не забыли пригласить и Анну Монсъ, настоящую *царицу* празднества. Заздравные тосты, клики пирующихъ, музыка, пальба изъ 25 орудій, залпами встрѣчали каждый тостъ, и самая горячая пляска не переставала до поздняго утра... Но оставимьте танцующихъ, поищемъ государя... Вотъ онъ сидитъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма за бутылками и ковшами; Петръ окруженъ друзьями и слугами, шумна бесѣда «кумпаніи»; хмѣль развязалъ языки, и генералисимусъ, бояринъ Шейнъ, неосторожно пробалты-

---

(1) Guarient. Депеши его къ имп. Леопольду I, 1698 г. въ X приложеніи ист. Петра. соч. Устрялова. Т. III. стр. 621.

(2) Преображенское лежитъ на лѣвомъ берегу Яузы, за сокольничьимъ полемъ, въ 7 верстахъ отъ Кремля. Нынѣ 2-ой кварталъ покровской части.

вается о разныхъ производствахъ и отличіяхъ, за деньги и въ большомъ числѣ сдѣланныхъ имъ въ своемъ отрядѣ. Царь вспыхиваетъ. Выскочивъ изъ за стола, онъ распрашиваетъ о слышанномъ солдатъ, стоявшихъ на караулѣ... Отвѣты солдатъ увеличиваютъ его негодованіе; съ страшнымъ гнѣвомъ государь выхватываетъ шпагу и бьетъ ею по столу: «какъ колочу я теперь по столу, кричитъ Петръ, такъ разобью я весь твой отрядъ, а съ тебя, генералисимусъ, сдеру шкуру!»

Еслибы можно было перенестись въ это общество, созванное по указу царя веселить его и самимъ веселиться, еслибы можно было взглянуть на лица разстанцовавшихся нѣмокъ-красавицъ и нѣмцевъ-кукуйцевъ, мы бы увидѣли какой испугъ овладѣлъ ими при звукахъ громоваго голоса Петра; какой ужасъ оледѣнилъ общее веселье, когда увидѣли зловѣщіе размахи сабли въ рукахъ гнѣвнаго властелина. Генералисимусу грозила явная опасность; одинъ мигъ и — если не шкура, то голова его легко могло бы скатиться подъ столъ; Петръ, какъ мы уже знаемъ, былъ вообще недоволенъ послѣдними распоряженіями Шейна относительно стрѣльцовъ... Князь-кесарь Ромодановскій и князь-папа Зотовъ дерзнули удержать государя. Тотъ не унимался; нѣсколько разъ хватилъ по головѣ князь-папу, и на половину отрубилъ пальцы князю-кесарю; два удара, направленные въ Шейна, пали на Лефорта, удары были чувствительны, но несмертельны... «Всѣ, такъ повѣствуетъ очевидецъ, были въ величайшемъ страхѣ»; (1) каждый изъ русскихъ страшился попасть на глаза государю, да едва ли были храбрѣе нѣмцы и нѣмки, особенно послѣднія. Анна Ивановна (если только она была на балѣ) не дерзнула смягчить гнѣвъ властелина: за это опасное дѣло взялся молодой фаворитъ (2) и взялся успѣшно (dilato haud dubie inaliud tempus furore): голова Шейна, а также остальные пальцы его неудачнаго защитника Ромодановскаго остались цѣлы. Въ молодомъ фаворитѣ мы узнаемъ Алексашку; того самаго Алексашку, который нѣсколько недѣль спустя заявилъ особенную ловкость въ отрубаніи стрѣлецкихъ головъ... (3) Этотъ фаворитъ, укрощающій гнѣвъ самодержца, этотъ юноша-палачъ съ выразительнымъ личикомъ и огненными глазами, — знаменитый Меньшиковъ...

---

(1) Guarient. 622, 625, 626. *Нартовъ*, если не очевидецъ, то современникъ Петра, передаетъ подробности пира довольно сходно съ разсказомъ Guarient. Смотр. въ Москвит. 1842 г. № 4 стр. 458—460.

(2) Слова: «der junge Favorit aber» Guarient пишетъ цыфирью.

(3) Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 году. «Отеч. Зап.» 1861 г. № 5 стр. 120.

Въ то время, когда пируетъ и изволитъ гнѣваться его царское величество, когда безвѣстная нѣмка съ бойкимъ фаворитомъ раздѣляютъ его вниманіе и ласки, что же дѣлаетъ злополучная, забытая царица?

Извѣстно, что еще въ бытность свою въ чужихъ краяхъ Петръ приказывалъ довѣреннѣйшимъ изъ бояръ, убѣдить царицу «во свободѣ» удалиться въ монастырь (1). Царица не соглашалась; надо думать, что духовникъ и патріархъ, лица, на которыхъ собственно и легло щекотливое порученіе убѣждать Авдотью Ѳедоровну, дѣйствовали съ недостаточнымъ усердіемъ. Петръ взялся самъ за это дѣло и не далѣе какъ на шестой день по пріѣздѣ, четыре часа провелъ въ секретной бесѣдѣ съ женой. Видно *лаконическая* рѣчь Петра не могла склонить бѣдную женщину къ насильному постригу и къ вѣчной разлукѣ съ единственнымъ сыномъ; по крайней мѣрѣ Петръ былъ очень гнѣвенъ и незамедлилъ вымѣстить гнѣвъ на духовныхъ совѣтникахъ царицы: въ теченіи двухъ часовъ патріархъ молилъ о помилованіи его за то, что онъ не исполнилъ царскаго указа запереть царицу въ монастырь; оробѣвшій архипастырь винилъ бояръ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, которые многими доводами не допустили его до этаго. Оправданіе патріарха еще больше разгнѣвало царя; три духовныя лица были немедленно, по его указу, посажены въ преображенскія тюрьмы. Что же до патріарха, то онъ едва успѣлъ откупиться большими деньгами (2)...

На другой день послѣ описаннаго нами бала приступлено къ рѣшительной мѣрѣ относительно царицы: любимѣйшая сестра Петра, царевна Наталья, оторвала отъ матери ея родное дѣтище; царевичъ Алексѣй отвезенъ былъ въ Преображенское. Мать строго допрашивали: почему ты не исполнила нѣсколько разъ присланныхъ изъ Амстердама повелѣній идти въ монастырь? кто тебя отъ этого удерживалъ? — Царица смиренно отвѣтила, что только долгъ матери дѣлалъ ее ослушницей царскихъ повелѣній; она незнала на кого оставить единственнаго сына. — «Затѣмъ, пишетъ Guarient, — ей оказали милость: дозволили выбрать одинъ изъ двухъ названныхъ монастырей для постриженія и оставили за ней право носить свѣтское платье. Царицу увезли въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичій монастырь (3).

Что было причиной развода Петра съ женой? — Извѣстно, что

---

(1) Царица Авдотья Лопухина. Очеркъ изъ Русской исторіи. «Русскій Вѣстникъ. 1859 г. № 9.

(2) Guarient. с. 623.

(3) Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздалѣ — мѣсто заточенія А. Ѳ. Лопухиной, ст. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. № 12.

г. Устряловъ оставилъ этотъ вопросъ, — вопросъ небезинтересный и довольно важный для характеристики Петра, перѣшеннымъ. Почтенный историкъ довольно произвольно навязываетъ Петру сомнѣнія въ томъ, не была ли царица Авдотья въ заговорѣ съ Софьею; съ неменьшимъ же произволомъ онъ набрасываетъ на нее тѣнь подозрѣнья: не участвовала ли де она въ замыслахъ Соковнина, и за всѣмъ тѣмъ все-таки сознается, «что чѣмъ провинилась царица предъ мужемъ — остается тайной». Намъ кажется, что не зачѣмъ и доискиваться разъясненія этихъ тайнъ догадками объ участіи Авдотьи въ какихъ-то замыслахъ и заговорахъ; не только сочуствовать имъ, но даже и знать о нихъ — царица не могла. Не надо забывать, что она была матерью двухъ сыновей, прижитыхъ отъ своего «лапушки Петруши», не надо забывать, что она горячо любила мужа — о чемъ свидѣтельствуютъ ея письма и ея ревность къ государю; малѣйшаго же участья царицы въ какихъ бы то ни было заговорахъ было бы достаточно для строгой казни; будь это участіе и Петръ не сталъ бы церемониться, тратить время на убѣжденья жены удалиться «въ свободѣ», на личныя объясненія съ нею, не сталъ бы и дѣлать ей послабленій даже и на первое время, какъ-то: разрѣшеніе носить свѣтское платье въ монастырѣ и проч. — Нѣтъ, натура Петра въ такихъ случаяхъ ве сдерживалась ничѣмъ, никакими связями родства, никакими приличіями... доказательства этого всѣмъ извѣстны. И такъ не въ мнимомъ и ничѣмъ не доказанномъ сочувствіи царицы Авдотьи къ дѣлу противниковъ своего державнаго супруга, надо искать причину ея ссылки и заточенья: причина заключалась въ томъ, что Авдотья Ѳедоровна ни мало не соотвѣтствовала идеалу Петра; они — не сошлись характерами. Мы представляемъ себѣ Авдотью Ѳедоровну идеаломъ такъ называемыхъ *до петровскихъ* женщинъ, образцомъ царицъ московскихъ XVII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, скромная, тихая, весьма набожная, она *обвыклась* съ теремнымъ заточеніемъ; она нянчится съ малютками, читаетъ церковныя книги, бесѣдуетъ съ толпой служанокъ, боярынь и боярышень, затѣмъ сѣтуетъ и печалится на вѣтренность мужа. Жгучей, страстной, порывистой натурѣ Петра была нужна не такая женщина, — ему нужна была не безмолвная, вельми цѣломудренная царица, одна изъ тѣхъ царицъ, къ которымъ, по словамъ Котошихина, не допускали иноземныхъ пословъ, изъ боязни, что государыня царица не сказала бы какой-нибудь глупости, «и отъ того пришло бъ самому царю въ стыдъ» (1)...

---

(1) Московскаго государства, говоритъ Котошихинъ, женской полъ грамотѣ неученые, и не обычайтому есть, а природнымъ разумомъ простоваты, и на отго-

Она глупа! говаривалъ Петръ о первой супругѣ (1), слѣдовательно онъ прямо считалъ ее такой царицей, «отъ которой пришло бъ ему въ стыдъ»; и такъ — ему нужна была женщина, взросшая не въ русскихъ понятіяхъ. Ему нужна была такая подруга, которая бы умѣла не плакаться, не жаловаться, а звонкимъ смѣхомъ, нѣжной лаской, шутливымъ словомъ кстати отогнать отъ него черную думу, смягчить гнѣвъ, разогнать досаду; такая, которая бы не только не чуждалась его пирушекъ, но сама бы страстно ихъ любила, плясала бы до упаду, ловко и бойко осушала бы бокалы. Статная, видная, ловкая, крѣпкая мышцами, высоко-грудая, съ страстными огненными глазами, находчивая, вѣчно веселая словомъ женщина не только по характеру, но даже и въ физическомъ отношеніи не сходная съ царицей Авдотьей, — вотъ что было идеаломъ Петра: его подруга должна была умѣть утѣшить его и пляской и красивымъ иноземнымъ нарядомъ, и любезной ему, нѣмецкой иль голандской рѣчью съ какимъ-нибудь посломъ ли иноземнымъ, съ купцомъ ли заморскимъ иль иноземцемъ-ремесленникомъ... Понятно, что такая женщина не могла встрѣтиться Петру въ семействахъ бояръ; въ концѣ XVII столѣтія, въ Россіи онъ ее могъ только найти въ нѣмецкой слободѣ... Анна Монсъ, какъ ему показалось, подошла къ его идеалу, она-то и сдѣлалась послѣднимъ поводомъ къ заточенью царицы (2). И мы убѣждены, вопреки г. Устрялову, что ни какихъ *болье важныхъ побужденій*, кромѣ названныхъ нами, не было со стороны Петра; но и ихъ было достаточно для Петра и — онъ отринулъ отъ своего ложа жену, даровавшую ему наслѣдника престола.

Какъ бы то ни было, но фактъ, къ великому соблазну народа, совершился: царь развелся съ женой, — и затѣмъ съ необыкновенной энергіей началъ «гасить огнь мятежный». — Кремлевскія стѣны покрываются трупами; московскія площади обливаются кровью стрѣльцовъ, возставшихъ противъ «иноземческаго» царя, противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній; почти всѣ стрѣльцы героями

воры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ — и потому мочно дознатца, отъ чего бъ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ: таяъ же какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало. И толкобъ царь въ то время учинилъ такъ, что .. посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посолствѣ, а она бъ выслушавъ посолства, собою отвѣту не учинила бъ никакого, и отъ того пришло бъ самому царю въ стыдъ. *Котошихинъ*. стр. 46.

(1) *Нартовъ* въ Москвит. 1842 г. № 11 стр. 140.

(2) Тоже думаетъ *Щербатовъ* въ соч. «О поврежд. нравовъ» стр. 29.

умираютъ за старую Русь, погребаемую Петромъ; не даромъ же и доселѣ народъ поетъ про стрѣлецкіе казни:

Изъ Кремля, Кремля крѣпка города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли Красной площади,
Пролегала тутъ широкоя дорожка;
Что по той по широкой, по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца большаго боярина,
Что большаго боярина, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ — не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей — озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ;
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ;
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
«Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ».
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Онъ противится царю, упрямствуетъ;
Отца, матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

Въ продолженіи одного октября мѣсяца, въ разные дни, восемь длиннѣйшихъ процесій стрѣльцовъ протянулись по улицамъ столицы: ихъ везли и вели на кровавое побоище; Москва приобыкалась къ подобнымъ картинамъ:

Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, — повѣсить;
Его бѣлы руки и ноги скованы,

По правую руку идетъ страшенъ палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная...

Но не легки еще были подобныя картины для русскаго народа, не легко было и самому виновнику страшныхъ зрѣлищъ — царю Петру Алексѣевичу: «отъ мысли о бунтовавшихъ стрѣльцахъ, говаривалъ онъ въ это время, гидръ отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ; помысля о томъ, заснуть не могу. Такова сія кровожаждущая саранча!» (1)

По свидѣльству одного изъ близкихъ къ нему людей, Петра дергали тогда по ночамъ такія конвульсіи во всемъ тѣлѣ, что онъ клалъ съ собой въ постель одного изъ деньщиковъ и только держась за его плечи, могъ заснуть; судорожное подергиванье головы, шеи и личныхъ мускулъ въ Петрѣ усилились со времени избіенія стрѣльцовъ (2). «Юный фаворитъ» былъ съ нимъ неразлученъ; Петръ сильно привязался къ нему; онъ видѣлъ въ Алексашкѣ будущаго надежнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ слугъ, ничѣмъ не связаннаго съ ненавистной для него стариной; въ Меньшиковѣ для Петра выростало поколѣніе *его* ставленниковъ, *его* птенцовъ...

— Къ Алексашкѣ Меньшикову, говорилъ между прочимъ московскій гость Романовъ одному изъ своихъ знакомыхъ, государева милость такова, что никому таковой нѣтъ.

— Што-жъ, отвѣчалъ знакомый, молитва о томъ Алексашки къ Богу, что государь къ нему милостивъ.

— Тутъ Бога и небыло; чортъ его съ нимъ снесъ . . . . . что вольно ему, что чорту въ своемъ озерѣ возиться, желаетъ, что хочетъ (3)...

Въ то время, какъ Петръ скасовываетъ стрѣльцовъ, а въ народѣ бродятъ истолкованія чувствъ и симпатій Петра, обратимся къ той, въ обществѣ которой отдыхалъ Петръ въ это полное крови и ужаса время. Постараемся прослѣдить съ какого времени и при какихъ обстоятельствахъ возникло расположеніе Петра къ Аннѣ Монсъ, какова была эта женщина, окончательно остудившая его къ царицѣ, и ускорившая рѣшеніемъ ея горькой участи; что это за женщина которой, по свидѣтельству иноземцевъ, отдавъ сердце, Петръ не-

---

(1) *Нартовъ*. «Москвитян.» 1842 г.

(2) Нартовъ «Москвитян.» 1842 г. № 4 стр. 466—467.

(3) Изъ дѣлъ преображ. приказа: дѣло гостя Романова, по извѣту тяглеца Золотаря. 30 августа 1698 г. Розыскъ тянулся годъ; богатый гость послалъ Александру Меньшикову боченокъ съ 1000 рублями, царь замѣтилъ посланнаго и деньги отправлены въ преображенскій приказъ. Алексашкѣ однако удалось удержать у себя 200 рублей; но заступничество его опоздало: Романовъ умеръ въ тюрьмѣ. Будущій птенецъ Петра съ юныхъ лѣтъ обыкался принимать взятки.

премѣнно раздѣлилъ бы съ ней и корону всея Россіи (1), еслибы только на его любовь красавица отвѣтила такою же страстью? Нечего и говорить, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Анна Ивановна выступаетъ изъ ряда дюжинныхъ любовницъ великихъ персонъ и заслуживаетъ нѣсколькихъ страничекъ въ очеркахъ *частной жизни Петра-великаго.*

На правомъ берегу Яузы, изстари, еще со временъ Ивана Грознаго особою слободою поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй; нѣмецкая слобода была какбы особый городокъ, рѣзко выдѣлявшійся, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по образу жизни своихъ обитателей. Разоренный и уничтоженный «въ нужное и прискорбное время» т. е. вначалѣ XVII вѣка «Кукуй городокъ» (2) снова возникъ при царѣ Алексѣѣ (3).

Шотландцы, голандцы, англичане, французы и другіе иноземцы, доселѣ раскинутые по всей Москвѣ, водворены были теперь въ Новоиноземческой слободѣ. Отведенные подъ нее пустыри быстро покрылись прекрасными домиками, огородами и садами; надъ слободой возвысились иноземческія кирки и жизнь совершенно особная потекла на Кукуѣ. Тутъ были люди всѣхъ націй, разныхъ вѣроисповѣданій, языковъ, «художествъ и ремеслъ». Подлѣ дома генерала подымалось жилище и нѣмецкаго гостя; близъ доктора жилъ какой-нибудь виноторговецъ, даже золотыхъ дѣлъ мастеръ, плотникъ и другіе ремесленники; генералы и полковники иноземцы большею частью жили въ слободѣ; изъ негоціантовъ здѣсь были замѣтнѣе другихъ дома Кельдермана «московскаго государства повѣреннаго и чести достойнаго» Даніэля Гартмана, Яна Любса, золотыхъ дѣлъ мастера Монса и др. Тутъ-же жили семейства покойныхъ служилыхъ иноземцевъ, какъ напр. генерала Гамильтона и другихъ (4). Несмотря на сословныя отличія и разность занятій, иноземцы, говоря вообще, жили не замкнуто въ своихъ семьяхъ, или въ небольшихъ кружкахъ. Жизнь общественная при первыхъ благопріятныхъ для иноземцевъ обстоятельствахъ получила въ Кукуй-городкѣ широкое развитіе, особенно тогда, когда московское правительство въ лицѣ Петра, стало имъ покровительствовать.

---

(1) *Helbig* Russische Günstlinge, стр. 110—112.

(2) Такъ прозывалась слобода отъ близь протекавшаго ручья Кукуя.

(3) П. с. з. т. I № 85.

(4) О Гамильтонѣ въ статьѣ: «Фрейлина Гамильтонъ». Отеч. Зап. 1850 г. № IX.

Почти всѣхъ хорошенькихъ дамъ и дѣвицъ, — а красавицами изобиловала слобода, — можно было встрѣтить на любой вечеринкѣ у какого-нибудь негоціанта. Вечернія сходки были безпрерывны; на нихъ обыкновенно старики и важные иноземцы собирались въ отдѣльномъ покоѣ, дымили трубками, да осушали стаканы, а молодежъ безъ устали танцовала въ сосѣднихъ покояхъ; тутъ были и безконечный польскій, и гросъ-фатеръ, и какой-то танецъ съ поцѣлуями; пляски — зачастую начатыя въ 5 часовъ пополудни — оканчивались къ 2 часамъ утра; устали и церемоній незнали; простота и свобода доходила до грубости; ссоры, драки между подгулявшими кукуйцами были ежедневно... Тѣмъ не менѣе, люди пріѣзжіе невольно дивились тому, какъ весело проводили время жители иноземческой слободы; непроходило почти ни одного вечера, чтобъ они не сходились другъ къ другу съ женами, дочерьми, племянницами... Въ то время, когда русская боярыня или боярышня отвѣшивала поклоны за торжественными обѣдами московской знати, либо церемонно лобызалась съ почетными гостьми, по волѣ хозяина дома, въ то время, когда отъ этихъ теремныхъ красавицъ трудно было добиться другихъ отвѣтовъ кромѣ «да», «нѣтъ», «не знаю», въ это время на другомъ берегу Яузы, въ семействахъ и общихъ собраніяхъ иноземцевъ царила относительная свобода, веселье и простота. Мудрено ли послѣ этого, что пылкій Петръ, никакъ немогши примириться съ обрядностью и торжественностью русскаго быта тогдашнихъ бояръ, всей душой полюбилъ частную и общественную жизнь иноземцевъ.

Мы не станемъ, вслѣдъ за г. Устряловымъ, увѣрять, что молодого монарха съ первыхъ же годовъ тянула на Кукуй городокъ жажда получить отъ иноземцевъ «образованіе для себя и для своего народа»; кто знаетъ молодость Петра (а г. Устрялову она извѣстна лучше чѣмъ кому-нибудь другому), тотъ хорошо знаетъ и то, что государь, по крайней мѣрѣ въ первое время, ласково протянулъ руку чужеземнымъ пришельцамъ вовсе не съ такою высокою цѣлью, а просто ради веселаго и пріятнаго препровожденія времени. Но дѣйствительно эти веселыя пирушки на Кукуѣ сдѣлались школою для Петра, и притомъ такой школой, изъ которой вынесенное далеко и далеко не все было доброе; здѣсь то Петръ, по выраженію народа, излишне «почалъ вѣровати въ нѣмцевъ», не даромъ же народъ съ такой ненавистью и озлобленіемъ относился къ кукуйцамъ (1).

Впрочемъ Петръ мало интересовался симпатіей или антипатіей

---

(1) *Аделунгъ* о Мейербергѣ изд. 1827 г. стр. 207—209; *Олеарій, Берхгольцъ, А. Гордонъ, Устряловъ* и др.

народа; нѣмецкая слобода довольно рано сдѣлалась для него отраднѣйшимъ уголкомъ въ Москвѣ; здѣсь онъ задолго еще до заграничной поѣздки переходилъ отъ одной потѣхи къ другой, здѣсь слагались у него планы смѣлыхъ походовъ его на берега Чернаго моря (1), здѣсь за чарами пива и водки выслушивалъ онъ длинные и, безъ сомнѣнія, хвастливые расказы иноземцевъ о красотахъ заморской жизни; здѣсь наконецъ Петръ вкусилъ радости любви...

Іоаннъ Монсъ, уроженецъ города Миндена, что на Везерѣ (2) по извѣстіямъ Корба (3), былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ; по словамъ другихъ писателей, между прочимъ Гваріента, Монсъ былъ виноторговецъ. Быть-можетъ оба ремесла служили средствомъ существованія этого семейства. Оно прибыло въ Россію во второй половинѣ XVII столѣтія; Монсъ пріѣхалъ изъ города Миндена съ двумя атестатами отъ городскихъ властей о его способностяхъ и ученіи, съ женой, весьма заботливой хозяйкой и съ нѣсколькими дѣтьми. Расказы и письма кукуйцевъ, прежнихъ выходцевъ изъ заграницы, родственныя связи и наконецъ, что самое важное, надежды на обогащенье привлекли Монса въ отдаленную Московію. Въ грамотахъ, привезенныхъ имъ съ собой, сказано было, что Іоанъ въ имперскомъ вольномъ городѣ Вормсѣ два года обучался съ большимъ успѣхомъ «бочарному мастерству» (4); безъ сомнѣ-

---

(1) «По указу государеву» нынѣ (въ 1697 году) намъ гостямъ, говорили недовольные купцы, указано устроить корабли на Воронежѣ; а чортъ ли его государя несетъ подъ Царь-городъ, жаль силы что пропадетъ, а онъ государь хоть бы и пропалъ мало горя! (Дѣл. преобр. приказа 1698 г.) Подобные толки показываютъ, какъ неохотно принималъ народъ даже тѣ повѣленія нелюбезнаго ему государя, которыя явно клонились къ пользѣ и величію Россіи.

(2) *Helbig* Russische «Günstlinge» говоритъ, что *Mons de la Croix* былъ родомъ изъ Франціи, сынъ содержателя таверны (Weinschenke), отецъ его поселился сначала въ Ригѣ, а оттуда перешолъ въ Москву. По словамъ другихъ Монсъ былъ по происхожденію фламандецъ. Нужно однако замѣтить, что прибавленіе къ его фамиліи de la Croix встрѣчается гораздо позже и только въ письмахъ, относившихся къ его второму сыну, знаменитому Виллиму Ивановичу.

(3) Diarium itineris in Moscoviam. Viennæ. 1700 стр. 106. Въ своемъ дневникѣ 1698 и 1699 годовъ. Корбъ часто упоминаетъ о *domicella Mons.*

(4) Двѣ грамоты, привезенныя Монсомъ были: а) свидѣтельство отъ бургомистра и совѣта гражданъ Миндена въ томъ, «что почтенный и уважаемый Іоаннъ Георгій *Монстъ*, законнорожденный сынъ бывшаго оберъ-вахмистра кавалеріи Тилемана Монста и Маргариты Монстъ, урожден. Роббенъ, можетъ быть принятъ во всѣ цехи, гильдіи, общества и колегіи; въ чемъ и выдано ему Іоанну-Георгу Монсту это метрическое свидѣтельство. Городъ Минденъ, 7-го августа, 1657 года. Второй документъ выданъ Монсту: б) отъ Ганса Леонгардта-Бендта, гражданина имперск. вольн. города Вормса, мастера изъ бочарнаго цеха. Бендтъ выданною изъ цеха грамотою свидѣтельствовалъ, что «Іоаннъ-Георгій Мунстъ изъ Миндена, сынъ Тильмана Мунста», бывшаго вахмистера короля шведскаго,

нія, это же ремесло, а затѣмъ болѣе выгодная спекуляція винторговля и дали средство Монсу къ безбѣдному существованію. У него было три сына; изъ нихъ намъ извѣстны: Филимонъ и Вилимъ, и двѣ дочери Модеста, въ русскомъ переводѣ Матрена и Анна. Съ домомъ старика Монса хорошо былъ знакомъ съ самаго пріѣзда своего въ Россію (1676 г.) знаменитый Лефортъ; гуляка, поклонникъ женской красоты, онъ часто бывалъ у виноторговца и ухаживалъ за хорошенькими дочерьми; изъ нихъ старшая скоро вышла замужъ за иноземца Ѳедора Балка. Если вѣрить Гваріенту, а не вѣрить ему нѣтъ основанія, младшая изъ сестеръ Монсъ сдѣлалась любовницей ловкаго женевца. «Монсы, по словамъ Гюйсена, принимали Лефорта очень гостепріимно. Потомъ, когда при стрѣлецкомъ возстаніи Лефортъ выказалъ свою приверженность царю и былъ за то награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ изъ похвальнаго великодушія (слова Гюйсена) остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастія».

Такъ объясняетъ причину возвышенія Монсовъ Гюйсенъ, извѣстный воспитатель царевича Алексѣя и авторъ хвалебныхъ брошюръ о Петрѣ I. Дѣло, какъ кажется, было проще; ни о какомъ похвальномъ великодушіи рѣчи небыло; Лефортъ всегда старался потѣшать своего державнаго питомца, доставлялъ ему всякаго рода развлеченія и, разумѣется, какъ на веселую и пріятную утѣху указалъ на красавицу Монсъ... Анна Ивановна, по словамъ болѣе правдиваго Гваріента, сдѣлалась фавориткою обоихъ друзей (1).

Почти одновременно съ любовью къ Монсъ около 1692 года начинается охлажденіе Петра къ его законной супругѣ; онъ неохотно съ ней переписывается, не отвѣчаетъ на ея письма, не обращаетъ вниманія на ея упреки; въ 1693 году государь бьетъ ея брата Аврама Лопухина, бьетъ по щекамъ за ссору его съ Лефортомъ; вскорѣ царица съ глубокой скорбью пишетъ къ мужу: «Только я бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія...» Но свѣтъ

въ 1657 году отданъ былъ мнѣ на два года для обученія его бочарному ремеслу. Впродолженіе всего этого времени Мунстъ былъ усерденъ въ ученіи, благонравенъ въ поведеніи и совершенно изучилъ бочарное ремесло 1659 г.» Оба свидѣтельства писаны на пергаментѣ съ приложеніемъ черныхъ восковыхъ печатей, налитыхъ въ деревянную оправу и привѣшанныхъ на шолковыхъ лентахъ. Этотъ Іоаннъ Монстъ, Мунстъ или Монсъ — (одно и тоже лицо) живъ былъ еще въ 1703 году, что видно изъ сохранившейся долговой его росписки генералъ-фурьеру Іоанну Гольцу — въ 100 рейхсталерахъ — 1703 года; онъ умеръ не позже 1705 года.

(1) *Устряловъ* истор. Петра I, т. III, прилож. X стр. 621.

не внемлетъ ея пѣснямъ, и между поѣздками на Бѣлое море, между великими потѣхами въ окрестностяхъ Москвы, ищетъ отдыха не у нея «безчастной», а въ обществѣ Лефорта и своихъ друзей, въ домѣ красавицы Кукуй-городка. Можно представить себѣ послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ смотрѣла цар. Авдотья на нѣмецкую слободу; и станемъ ли мы винить ее вслѣдъ за г. Устряловымъ за то, что она считала кукуйцевъ за нехристей и развратниковъ: вѣдь слободская нѣмка оторвала отъ ея ложа «лапушку свѣтъ Петрушеньку». Между тѣмъ государь два раза слеталъ подъ Азовъ:

Подъ тотъ ли подъ славной подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Ахъ подъ тѣ ли подъ раскаты, подъ высокіе...

А тутъ путешествіе заграницу; Петръ оставляетъ жену подъ надзоромъ бояръ и духовныхъ, имъ и поручаетъ удалить ее въ монастырь; чтоже до Анны Монсъ, то ее осыпаетъ подарками и въ знакъ благоволенія береть съ собой ея старшаго брата Филимона (1). Народъ незамедлилъ подмѣтить разрывъ царя съ царицей и глухо заговорилъ о томъ, будтобы бояре бьютъ уже государыню по щекамъ...

Таковы были отношенія Петра къ двумъ женщинамъ, когда вѣсть о стрѣлецкомъ возстаніи заставила его преждевременно возвратиться въ Москву. Мы видѣли, какъ съ перваго же вечера вспыхнула въ немъ прежняя страсть къ Аннѣ Ивановнѣ. Отсюда значеніе ея все болѣе и болѣе растетъ. На сколько же заслуживала безвѣстная нѣмка любовь Петра?

Иностранцы и преимущественно нѣмцы отзываются о ней съ большими похвалами; Helbig напримѣръ сводитъ отзывы *всѣхъ* объ Аннѣ Монсъ и на основаніи этого свода выходитъ, что «эта особа служила образцомъ женскихъ совершенствъ: съ необыкновенной красотой она соединяла самый плѣнительный характеръ; была чувствительна, не прикидывалась страдалицей; имѣла самый обворожительный нравъ, невозмущаемый капризами, не знала кокетства, плѣняла мужчинъ, сама того не желая, была умна и въ высшей степени добросердечна» (2). Кромѣ этихъ отмѣнныхъ качествъ, по увѣреніямъ тѣхъ же нѣмцевъ, Анна была до такой степени цѣло-

---

(1) «Филимонъ Монсовъ» въ «Спискѣ всякихъ чиновъ людямъ, которые нынѣ въ посольствѣ 1697 г.» значится пажомъ при первомъ послѣ, т. е. при генералъ-адмиралѣ Францѣ Яковлевичѣ Лефортѣ. *Устряловъ*, III, стр. 572.

(2) «Russische Günstlinge»: Кейзерлингъ, урожденная Монсъ де ла Круа, стр. 110—112.

мудренна, что на любовныя предложенія Петра отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ.

Эти восторженные отзывы нѣмцевъ, вызванные желаніемъ возбудить сочувствіе къ судьбѣ своей единоземки, разлетаются при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами и съ разсказами безпристрастныхъ современниковъ. Такъ цѣломудріе было не въ характерѣ Анны Ивановны: съ легкой руки Лефорта она всецѣло отдалась Петру; объ этомъ заговорили вездѣ: въ домахъ иноземцевъ, въ избахъ простолюдиновъ, въ колодничьихъ палатахъ.

— Относилъ я венгерскую шубу къ иноземкѣ, къ дѣвицѣ Аннѣ Монсовой, говорилъ между прочимъ нѣмецъ, портной Фланкъ аптекаршѣ Якимовой, и видѣлъ въ спальнѣ ея кровать, а занавѣски на ней золотныя...

— Это не ту кровать ты видѣлъ, прервала аптекарша: — а вотъ есть другая, въ другой спальнѣ, въ которой бываетъ государь; здѣсь-то онъ и опочиваетъ...

Затѣмъ аптекарша пустилась въ «неудобь-сказываемыя» подробности.

— Какой онъ государь, говоритъ о Петрѣ колодникъ Ванька Борлютъ въ казенкѣ преображенскаго приказа одному изъ своихъ товарищей-колодниковъ, какой онъ государь! Бусурманъ! въ среду и пятницу ѣстъ мясо и лягушки... царицу свою сослалъ въ ссылку, и живетъ съ иноземкою Анной Монсовой...» (1)

Петръ рѣшительно сталъ смотрѣть на нее какъ на будущую свою супругу-царицу; смерть Лефорта, лишивъ его любимѣйшаго друга, въ тоже время избавила царя отъ совмѣстника и вывела изъ неловкаго положенія «*вѣрную*» ему Анну (такъ она подписывала свои письма). Въ концѣ апрѣля 1699 года государь отправился въ послѣдній походъ подъ Азовъ и его суб-супруга поспѣшила завязать съ нимъ нѣжную переписку; къ сожалѣнію, изъ нея уцѣлѣло только пять писемъ Анны Монсъ (2), но ихъ довольно, чтобъ судить о характерѣ корреспонденціи и о характерѣ писавшей; что до отвѣтовъ Петра, то они не дошли до насъ: ихъ, какъ кажется, уничтожили въ годъ разрыва государя съ его фавориткой. Уцѣлѣвшія письма Анны къ государю писаны порусски, за исключеніемъ подписей и маленькихъ приписокъ ея руки частью на нѣмецкомъ, частью на голландскомъ языкахъ, но такъ какъ Анна порусски писать не умѣла, то русскій текстъ писанъ рукой секретаря (3).

---

(1) Столбцы преображ. приказа $^{1230}/_{48}$—$^{1243}/_{58}$.

(2) Онѣ напечатаны нами въ «Русск. Вѣстн.» 1860 г. № 17 въ приложеніи, къ ст. «Наталья Ѳедоровна Лопухина».

(3) Едвали не Адамомъ *Вейде;* по крайней мѣрѣ онъ отсылалъ и даже при-

Въ этихъ письмахъ (1) мы находимъ обычныя пожеланія: «милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу» желаю «многолѣтняго здравія и счастливаго пребыванія», затѣмъ убѣдительнѣйшая просьба: «дай государь милостиво вѣдати о своемъ государскомъ многолѣтномъ здравіи, чтобъ мнѣ бѣдной, о такомъ великомъ здравіи всѣмъ сердцемъ обрадоваться»; впрочемъ подобныхъ просьбъ расточать кажется доводилось немного, такъ какъ въ пяти письмахъ Анны мы находимъ двѣ ея благодарности государю за его отвѣты: «челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ обрадовалъ и далъ милостиво вѣдать о своемъ многолѣтномъ здравіи чрезъ милостивое твое писаніе, объ которомъ я всѣмъ сердцемъ обраловалась, и молю Господа-Бога» и проч. «и дай-богъ, чтобъ намъ вскорѣ видѣть милостивое пришествіе твое»; изъ этихъ церемонныхъ, офиціальныхъ фразъ можно думать, что Петръ не доводилъ еще Анну до излишней съ нимъ короткости, но однако тутъ же мы находимъ знаки нѣжныхъ заботъ «Аннушки» о своемъ героѣ. Она хлопочетъ, по его просьбѣ, достать нѣсколько склянецъ какой-то «цедрсоли»; «вельми печалится», что неудается ее достать, жалѣетъ, что у нее «убогой крыльевъ нѣтъ», а «еслибы у меня убогой, пишетъ Монсъ, крылья были и я бы тебѣ милостивому государю сама принесла» (цедреоль).

Въ ожиданіи, пока выростутъ крылья или по крайней мѣрѣ добудетъ завѣтный напитокъ «вѣрнѣйшая до своей смерти» Анна Ивановна (sein getreue dinnerin bet in mein dot) посылаетъ «четыре цитрона и четыре апельсина», чтобъ государь «кушалъ на здоровье», а наконецъ посылаетъ и цедрооли двѣнадцать скляницъ, причемъ проситъ не гнѣваться: «больше бъ прислала, да не могла достать.»

Съ такими нѣжными заботами относительно государя, казалось бы Анна Ивановна рѣшительно должна была приковать къ себѣ эту пылкую натуру: такъ и случилось, но не надолго. Красавица, ангелоподобное существо, какой изображаютъ ее чувствительные нѣмцы, не любила Петра; она и отдалась-то ему только изъ корысти, ради собственной прибыли и возвышенія своей фамиліи. Еще не успѣвъ заявить ничѣмъ, кромѣ посылкою апельсинъ, цитроновъ и цедрооли, никакими болѣе важными подвигами преданность сво-

---

писывалъ отъ себя въ письмахъ Анны Ивановны къ государю. Интересные анекдоты о немъ у *Helbig*'а, стр. 98—102.

(1) Отъ 28 мая, 8 іюня, безъ числа, 28 іюля и отъ 11 сентября; на двухъ изъ нихъ означенъ адресъ: «Asoff» An Myn heer groot commandeur Peter Alexewitz; на одномъ обозначенъ Anno 1699 г., но по общему характеру писемъ можно догадываться, что онѣ всѣ принадлежатъ къ одному 1699 году.

ему благодѣтелю, Анна уже торопилась вмѣшаться въ разныя тяжбы и ходатайствовать предъ государемъ въ дѣлахъ, которыя вовсе до нее не касались. Много ли уцѣлѣло ея писемъ къ Петру; а въ двухъ изъ нихъ она проситъ за вдову Петра Салтыкова въ дѣлѣ ея съ Лобановымъ, молитъ о перенесеніи этого дѣла изъ одного приказа въ другой и о томъ, чтобъ не чинить правежъ людямъ Салтыковой (1); впрочемъ на первые разы Монсъ проситъ осторожно съ оговорками: «пожалуй государь не прогнѣвайся, что объ *дѣлахъ* докучаю милости твоей.» И между тѣмъ продолжала докучать нетолько о чужихъ дѣлахъ, но спѣшила позаботиться о составленіи собственнаго достатка: «благочестивый великій государь, царь Петръ Алексѣевичъ, писалъ секретарь подъ диктовку Монсъ: многолѣтно здравствуй! о чемъ государь и милости у тебя государя просила, и ты государь поволилъ приказать Ѳедору Алексѣевичу (Головину) выписать изъ дворцовыхъ селъ, волость; и Ѳедоръ Алексѣевичъ по твоему государеву указу, выписавъ, послалъ къ тебѣ, государю, чрезъ почту; и о томъ твоего государева указу никакого не учинено. Умилостивися государь царь Петръ Алексѣевичъ для своего многолѣтняго здравія и *для многолѣтняго здравія царевича Алексѣя Петровича* свой государевъ милостивый указъ учини...» Не находя еще убѣдительнымъ такой, въ высшей степени странный (въ устахъ виновницы ссылки царицы) аргументъ, какъ подарокъ волости — «для многолѣтняго здравія царевича», Анна Ивановна собственноручно приписала: «я прошу мой милостивѣйшій государь и отецъ не презри мою нижайшую просьбу, ради-бога, пожалуй меня, твою покорнѣй шею рабу до моей смерти А. М. М.» (2).

Всѣ эти убѣжденія и заклинанія были не болѣе какъ приличіемъ; Анна Ивановна могла обойтиться и безъ нихъ: Петръ съ полной готовностью выполнялъ всѣ ея просьбы, и мало этого, несмотря на извѣстную свою бережливость, въ отношеніи къ женщинамъ доходившую до скупости, осыпалъ красавицу щедрыми подарками; довольно упомянуть объ одномъ изъ нихъ, чтобъ судить объ остальныхъ: государь подарилъ ей свой портретъ, осыпанный

---

(1) Извѣстно, что помѣщики и помѣщицы въ дѣлахъ о собственныхъ своихъ долгахъ выставляли кредиторамъ на правежъ крѣпостныхъ своихъ людей.

(2) «Ich versuche mein gnadigste herr und Vader seyt mein gnadige bitt nit af um gottes Willen posalu mene sein underdanigste dienerrin bet in mein dot A. M. M. dem 11 September.» Въ подписяхъ Анны два М. быть-можетъ означало: «Монсъ-фонъ-Монстенберъ» или же другое ее имя Маргарита, но прибавленія *de la Croix* въ ея подписяхъ ни разу намъ невстрѣтилось, равно какъ нѣтъ этого прибавленія ни въ одномъ изъ подлинныхъ писемъ ея матери и старшей сестры.

драгоцѣнными камнями на сумму въ 1000 рублей! Кромѣ этого, Анна Ивановна получила нѣсколько имѣній съ разными угодьями и выпросила себѣ ежегодный пенсіонъ (1); вниманіе къ ней государь распространилъ до того, что на счетъ казны выстроилъ ей въ нѣмецкой слободѣ близь кирки огромный каменный палаццо.

Недовольствуясь этимъ и увлекаемая частью собственными склонностями къ стяжанію, частью убѣжденіями матери, Анна Ивановна, какъ уже мы видѣли, стала мѣшаться въ разныя тяжбы; она и ея родные не жалѣли своихъ кліентовъ и собирали отъ нихъ много драгоцѣнностей... Подобныя вмѣшательства тѣмъ легче были для Монсъ, что, по свидѣтельству Гюйсенъ, даже въ присутственныхъ мѣстахъ было принято за правило: если madame и mademoiselle Montzen имѣли дѣло и тяжбы собственныя или друзей своихъ, то о томъ дѣлались особенныя reflexion salva justitia, и вообще Монсамъ въ дѣлахъ до ихъ имѣній должно было оказывать всякое содѣйствіе (2). Они этимъ снисхожденіемъ такъ широко воспользовались, продолжаетъ Гюйссенъ, что принялись за ходатайство по дѣламъ внѣшней торговли и употребляли для того нанятыхъ стряпчихъ (адвокатовъ и ходатаевъ по дѣламъ).»

Дѣла довольно разнообразнаго свойства обдѣлывались при посредничествѣ Анны Ивановны; раскажемъ со словъ современника одно изъ такихъ дѣлъ. Въ 1699 г. состоялъ въ Москвѣ на службѣ, артиллерійскій полковникъ — иноземецъ Krage, какъ кажется именно тотъ который пушечными залпами подъ воскресенскою обителью спасъ Кукуй отъ огня и ножа стрѣльцовъ; однажды пьяный гайдукъ Krage въ присутствіи барина избилъ и изуродовалъ минера Серьера. Гайдука наказали кнутомъ; минеръ неудовольствовался этимъ и по выздоровленіи подалъ на полковника счетъ, что стоило ему леченье; хлопоты свои Серьеръ началъ чрезъ фаворитку царя, frayen Monsin и «ея дочь, говоритъ Плейеръ (3); но австрійскому послу два раза удалось защитить полковника: минеръ получилъ отказъ

---

(1) Она получала въ годъ съ матерью 708 рублей, сумма по тому времени немаловажная.

(2) Разсказывая это, Гюйссенъ — такъ наивенъ, что рѣшается увѣрять, будто бы все это дѣлалось потому только, что государь далъ обѣщаніе Лефорту при его смерти покровительствовать Монсамъ. Цитуемое соч. Гюйссена было написано въ 1706 г. противъ брошюры Нейбауера: «Schreiben eines vornehmen deutschen officirers an einen Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handtierung der frembden officirer so die Moscovitter in jarer Dienste lacken. 1704 г. см. «От. Зап.» 1860 г. № X ст. «Нейбауеръ и его брошюра» и № III: «Баронъ Гюйссенъ».

(3) *Устр.* III прил. XI. дон. Otto Pleyer отъ 10 дек. 1699, ст. 643—645.

въ своей претензіи; но на бѣду случилось, что Krage какъ-то поссорился съ дѣвицею Монсъ и тѣмъ навлекъ на себя ненависть всего семейства; въ то время, когда Krage неосторожно ссорился съ Монсъ, противникъ его вызвался у этой госпожи завѣдывать ея дѣлами и хозяйствомъ, и такъ умѣлъ къ ней подбиться, что та, по выраженію Плейера «настойчиво ходатайствовала за него у царя; и Петръ вопреки двукратному отказу въ претензіи минера, приговорилъ Krage къ штрафу въ 560 рублей.

Государь, подъ вліяніемъ кукуйцевъ, по выраженію народному все болѣе и болѣе «онѣмечивался»; въ этомъ вліяніи разумѣется значительную долю имѣла и обворожительная Анна Ивановна; въ январѣ 1700 года на всѣхъ воротахъ Москвы появились строгія объявленія всѣмъ, мало-мальски зажиточнымъ русскимъ людямъ зимою ходить въ венгерскихъ кафтанахъ или шубахъ, лѣтомъ же въ нѣмецкомъ платьѣ; мало этого отнынѣ ни одна русская дворянка не смѣла явиться предъ царемъ на публичныхъ празднествахъ въ русскомъ платьѣ... (1).

И «все то, заговорилъ народъ, найде намъ скорбь и туга велья по зависти діавольской и пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ; влѣзли окоянніи татски, яко хищницы волцы въ стадо христово!»

Военныя тревоги, страшная борьба съ «сѣвернымъ героемъ» занимавшая молодого государя давали полный просторъ дѣйствовать въ собственную пользу «пришельцамъ иновѣрныхъ языковъ»; этой цѣли вѣрна была все время Анна Ивановна. Обогатившись отъ щедротъ своего благодѣтеля, сластолюбивая нѣмка скоро забыла всѣ благодѣянія государя забыла, что шканы и гардеробъ ея наполнены ею же выпрошенными драгоцѣнными подарками... она измѣнила ему и отдала свое сердце — саксонскому посланнику Кенигсеку... Эта личность намъ мало извѣстна; знаемъ только, что въ 1702 году онъ поступилъ въ русскую службу и сопровождалъ Петра въ его походахъ; новая связь, была искусно скрыта и недостойная подруга Петра была до такой степени нагла, что ужь измѣнивши ему, не стыдилась еще выпрашивать и получать отъ него подарки. А подарки были не малоцѣнны. Такъ въ январѣ 1703 г.

---

(1) Otto *Pleyer* стр. 648—649. Объ удовольствіяхъ Петра въ нѣмецкой слободѣ, въ 1702 году, см интересныя записки Корнелія *Брюина;* выдержки изъ нихъ, съ примѣчаніями довольно странными напечатаны *Свиньинымъ* въ «От. Зап.» 1829 г. ч. XXXIX с. 346—365. ч. XI с. 46 и 394. Здѣсь помѣщены описанія разныхъ казней въ Москвѣ за 1702 годъ, шутовская свадьба царскаго любимца Филатки съ княжною Шаховскою, свадьба въ которой осмѣивались русскіе свадебныя обычаи и т. п. событія.

Анна Ивановна получила въ свое владѣніе село Дудино въ Козельскомъ уѣздѣ, 295 дворовъ со всѣми угодьями (1).

Петръ свѣдалъ объ измѣнѣ «вѣрной до смерти» Аннушки, совершенно случайно. Эта случайность расказывается иноземными писателями и писательницами съ всевозможными романическими прикрасами; благодаря имъ Анна Ивановна дѣлается какой-то страдалицей-героиней, вызывающей сочувствіе. Напомнимъ чувствительнѣйшій изъ подобныхъ расказовъ; онъ принадлежитъ леди Рондо, писавшей пятнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Анны Монсъ: «Петръ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ большою нѣжностью любилъ дочь одного офицера, по имени Мунса и казалось былъ взаимно любимъ ею. Въ одинъ несчастный день онъ пошолъ осматривать крѣпость, строившуюся на морѣ, въ сопровожденіи своихъ и иностранныхъ министровъ; на возвратномъ пути польскій министръ случайно упалъ въ воду съ подъемнаго моста и утонулъ, несмотря на всѣ усилія спасти его. Императоръ приказалъ вынуть всѣ бумаги изъ его кармановъ, запечаталъ ихъ въ присутствіи всѣхъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ вышалъ портретъ; государь поднялъ его и — представьте его удивленіе! Портретъ изображалъ его любезную. Онъ разламываетъ конвертъ, развертываетъ бумаги и находитъ въ нихъ многія письма руки ея къ умершему, написанныя въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, оставивъ общество, государь приказалъ позвать измѣнницу...» за тѣмъ леди передаетъ со словъ какой-то придворной дамы подробности объясненія Петра съ Анною; государь горько укоряетъ невѣрную: та плачетъ, но плачетъ не отъ раскаянья, а отъ глубокой скорби о покойникѣ; Петръ, тронутъ этой страстью, самъ проливаетъ слезы и говоритъ рѣчь, въ которой хотя прерываетъ съ ней связь, но тѣмъ не менѣе великодушно прощаетъ ее, обнадеживаетъ, что она ни въ чемъ не будетъ нуждаться; послѣ того Петръ въ скоромъ времени выдаетъ замужъ свою любезную за одного чиновника, которому даетъ мѣсто въ отдаленной провинціи; «монархъ, заключаетъ раскащица, заботился объ ихъ счастіи до конца жизни и оказывалъ къ нимъ постоянно свою любовь (2).

Расказъ этотъ въ своихъ подробностяхъ совершенно опровергается Миллеромъ, ученымъ, какъ извѣстно, занимавшимся русской исторіей по архивнымъ подлиннымъ источникамъ; въ одномъ изъ рукописныхъ примѣчаній своихъ на письма леди Рондо, Миллеръ такъ передаетъ трагическій случай: «при осадѣ Шлюсельбурга

(1) Каб. дѣла пол. II. кн. XCII. с. 117.

(2) Lettres *d'une dame* anglaise. Roterdam. 1777 г.

въ 1702 году, Петръ узналъ, что обворожительная «domicella Mons» ему не вѣрна и что она вела переписку съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Кенигсекъ провожалъ государя въ этомъ походѣ и однажды, поздно вечеромъ, проходя по узенькому мостику, переброшенному чрезъ небольшой ручей, оступился и утонулъ. Первая забота государя при извѣстіи о смерти Кенигсека — была осмотрѣть бумаги, бывшія въ карманахъ покойника; въ нихъ государь надѣялся найти извѣстія относительно союза его съ королемъ Августомъ и вмѣсто нихъ нашолъ нѣжныя письма своей фаворитки. Domicella Mons слишкомъ ясно выражала свою преступную любовь къ Кенигсеку; сомнѣнія быть не могло. О портретѣ, продолжаетъ Миллеръ, тайная исторія умалчиваетъ. Послѣ этого случая государь не хотѣлъ уже знать невѣрную фаворитку, и она такимъ образомъ лишилась большого счастья, котораго непремѣнно бы достигла, еслибы сумѣла превозмочь неосторожную наклонность къ Кенигсеку (1).

Въ разказѣ Миллера только одно неясно: или годъ смерти Кенигсека выставленъ невѣрно, вмѣсто 1703 г. — 1702 или Петръ I не тотчасъ по смерти саксонско-польскаго посла узналъ о связи его съ Анною Монсъ; такъ по крайней мѣрѣ можно думать по прочтеніи слѣдующаго мѣста въ письмѣ государя къ Ѳ. Апраксину: «Шлюсельбургъ. 15 апрѣля, 1703 года... здѣсь все изрядно милостію божіею, *только зѣло несчастливый случай учинился за грѣхи мои:* первый, докторъ Леймъ, а потомъ *Кенисенъ*, который принялъ уже службу нашу, и Петелинъ утонули внезапно, и такъ вмѣсто радости — печаль» (2); трудно допустить, чтобы Петръ изъявлялъ такое сожалѣніе о человѣкѣ, который разбилъ его любовь — къ преемницѣ ц. Авдотьи; явно, что во время отпуска письма, Петръ еще ничего не зналъ о измѣнѣ Монсъ; быть можетъ бумаги покойника сохнули, или были еще запечатаны. Вѣрно однако то, что щеголять великодушіемъ Петръ и не думалъ: Анна Ивановна и ея сестра (вѣроятно способствовавшая интригѣ) были заперты въ собственномъ домѣ и отданы подъ строгой надзоръ князя-кесаря съ запрещеніемъ посѣщать даже кирку. Въ это бѣдственное для себя время, Анна Ивановна всячески старалась вновь возбудить страсть

---

(1) Примѣчанія *Миллера* на письма леди Рондо. За сообщеніе этихъ замѣчаній свидѣтельствуемъ нашу признательность В. Ѳ. Ратчу.

(2) *Голиковъ* XIV с. 62. Фамиліи здѣсь исковерканы — неизвѣстно Петромъ ли, или издателемъ его писемъ. Кенисенъ, читай Кенигсекъ, Леймъ, читай *Клеммъ;* лейбъ-медикъ царевича Алексѣя, Готфридъ Клеммъ — утонулъ вначалѣ 1703 года, въ Невѣ, близъ Шлисельбурга. Смотр. *Рихтера:* исторію медицины въ Россіи. 1820 ч. III с. 113—114.

къ себѣ государя. Въ бумагахъ семейства Монсъ, мы находимъ разныя гадальныя тетради, рецепты привораживаній, колдовства, списки чародѣйныхъ перстней, и т. п. вещей. Анна Ивановна, женщина въ высшей степени суевѣрная, вмѣстѣ съ матерью, по выраженію современника: «стали пользоваться запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества». Колдовство не помогло, оно вызвало только извѣтъ на Монсъ и слѣдственное о томъ дѣло (1). «Хотя за подобные поступки, писалъ въ 1706 году защитникъ и панегиристъ Петра Гюйссенъ, за колдовство и ворожбу въ другихъ государствахъ было бы опредѣлено жесточайшее наказаніе, однако его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ чтобъ этотъ процесъ былъ совершенно прекращенъ, но ex capite ingratitudinis отъ Монсовъ отобраны деревни, и каменный палаццо отошолъ впослѣдствіи подъ анатомическій театръ. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брильянтами...» (2).

Опала надъ Анной Ивановной и ея семействомъ продолжалась до 1706 года; указомъ отъ 3 апрѣля сего года изъ С. Петербурга, государь «далъ позволеніе Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ въ кирху ѣздить». (3) Мужъ Матрены Ивановны, полковникъ Балкъ отправленъ былъ въ Дерптъ комендантомъ, «а остальные члены семейства — писалъ Гюйссенъ въ 1706 году — живутъ свободно, но уже не могутъ расчитывать и не имѣютъ права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена.»

Подобныя разсчеты съ стороны Анны Ивановны были-бы большою глупостію: съ 1705 года сердце Петра принадлежало уже новой безвѣстной иноземкѣ, но то была знаменитая впослѣдствіи Екатерина Алексѣевна!

Зато и сердце ея предшественницы въ это время было также не свободно; измѣнивъ живому герою, Анна Ивановна тѣмъ легче забыла умершаго; въ 1706 году за ней ухаживаетъ и объ ней заботится прусскій посланникъ баронъ Фонъ-Кейзерлингъ. Его ходатайству Анна Ивановна обязана была полученіемъ высочайшаго разрѣшенія посѣщать кирхи, затѣмъ по усиленнымъ просьбамъ

---

(1) Мы его не нашли въ современныхъ бумагахъ.

(2) Если дѣло идетъ о портретѣ государя, то и онъ небылъ отнятъ; по крайней мѣрѣ онъ значится еще въ спискѣ драгоцѣнностей Анны Монсь за 1712 и 1714 года.

(3) *Голиковъ. XIV.* с. 270 и 381.

того же влюбеннаго барона, Монсъ была совершенно освобождена. Въ комъ же находилъ Кейзерлингъ оппозицію своимъ стараніямъ, кто не могъ допустить мысли объ освобожденіи прежней царской фаворитки? самъ ли Петръ, или его окружающіе? Разумѣется частью самъ государь, столь неохотно забывавшій какія бы то небыло прегрѣшенія своихъ подданныхъ но болѣе всего дѣйствовалъ противъ освобожденія Монсъ знакомый уже намъ «Алексашка.» Меньшиковъ изъ рѣзваго, миловиднаго юноши обратился теперь въ статнаго мужчину; наивность, съ которой онъ бралъ сотняшки рублей, замѣнилась взяточничествомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, ловкость, съ какой онъ отрубалъ головы стрѣльцовъ, вымѣстилась необыкновеннымъ исскуствомъ вести придворныя интриги и поддерживать свое значеніе. Онъ приблизилъ къ Петру Екатерину, онъ навсегда могъ разсчитывать на нее какъ на самую ревностную свою защитницу, и понятно, все, что могло ослабить интимныя нѣжныя отношенія Петра къ Екатеринѣ, то всячески было устраняемо Меньшиковымъ. Онъ встревожился, узнавъ объ усиліяхъ барона освободить красавицу «Кукуя»; въ ней любимѣйшій птенецъ Петра видѣлъ еще опасную соперницу Екатеринѣ; такъ что Кейзерлингъ въ 1707 году въ Варшавѣ, по извѣстію Миллера, имѣлъ по этому поводу непріятности съ Меньшиковымъ, и государь встрѣтилъ хлопоты Кейзерлинга съ большимъ неудовольствіемъ (1), и только впослѣдствіи позволилъ себѣ смягчиться. Забытая Анна Ивановна была освобождена, но вслѣдствіе тѣхъ же препятствій только въ 1711 году сочеталась она первымъ законнымъ бракомъ: счастливымъ обладателемъ ея руки сдѣлался фонъ-Кейзерлингъ (2).

По увѣреніямъ иностранцевъ, Петръ любилъ Анну Ивановну до самаго брака ея съ Кейзерлингомъ, и притомъ не только не получалъ отвѣта на свою любовь, но даже нашолъ въ ней сильнѣйшій отпоръ, что такъ рѣдко случалось, восклицаетъ Helbig «съ великородным liebhaber». «Меншиковъ и Екатерина — продолжаетъ тотъ же писатель — рисковали потерять все, еслибы красавица уступила.

---

(1) Объ этомъ неудовольствіи, даже гнѣвѣ, упоминаетъ *Нейбауеръ;* въ 1704 году онъ грозилъ, что «о поступкѣ царя съ дѣвицею Монсъ, съ своей возлюбленной, когда къ ней нѣсколько сталъ близокъ посланникъ Кейзерлингъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ.»

(2) Свадьба была 18 іюня 1711 года; въ бумагахъ, относящихся до фамиліи Монсъ, есть «роспись серебра, которое пишетъ мать Анны, дочь моя Анна-Маргарита Монсъ принесла въ приданое 18 іюня 1711 года». Въ этой росписи обозначено разныхъ серебряныхъ вещей — ложекъ, чайниковъ, бокаловъ, блюдъ, солонокъ и т. п., всего 50 фунтовъ серебра.

Меншиковъ употреблялъ весь свой умъ, чтобъ воспрепятствовать намѣреніямъ Петра. Ему вѣроятно пришлось бы отступить предъ пылкой страстью своего властителя, еслибъ самая твердость дѣвушки не помогла желаніямъ Меншикова и Екатерины. Если Екатерина при посредственной любезности съумѣла возвыситься до званія русской императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прекрасная Монсъ съ своими превосходными (!) качествами гораздо бы скорѣе достигла этой великой цѣли. Но она предпочла судьбу и geliebten (возлюбленнаго) т. е. Кейзерлинга. И первая и послѣдній очень и очень превосходили происхожденіе и ожиданія дѣвушки, но все же были къ ней ближе, чѣмъ престолъ и царь: она тайно обручилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ, продолжаетъ Helbig, когда только-что собирался отправиться куда-то на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ Анна жаловалась на неотвязчивость монарха. Это несчастное открытіе превратило любовь его въ гнѣвъ. Государь отправился на балъ, встрѣтилъ красавицу и представилъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствія. «Больно вилѣть, — восклицаетъ разскащикъ — что этотъ великій человѣкъ, которому охотно простятъ какую-нибудь опрометчивость, имѣлъ низость потребовать подаренный домъ обратно. Чтобы не подвергнуть ее новымъ непріятностямъ, Кейзерлингъ рѣшился тотчасъ же на ней жениться, но въ это самое время впалъ въ жестокую болѣзнь, которая и свела его въ могилу; впрочемъ онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщаніе: уже будучи на смертномъ одрѣ, онъ обвѣнчался съ прекрасной Монсъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Вдова его осталась въ Москвѣ, гдѣ скончался ея супругъ, Она проводила свои дни вдали отъ двора, съ достоинствомъ, въ тиши домашней жизни, и погружонная въ воспоминанія о своихъ послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, и умерла тамъ же.»

Мы не безъ умысла привели весь этотъ романическій эпизодъ изъ интереснаго сочиненія Helbig'a; дѣло въ томъ, что книга эта въ послѣдніе годы служила однимъ изъ употребительнѣйшихъ источниковъ не только для составителей монографій изъ русской исторіи XVIII вѣка, но даже и для Herrmann'a, автора одной изъ лучшихъ «Geschichte d. russisch. Staats» (¹), а между тѣмъ всѣ разсказы автора «Russische Günstlinge» требуютъ лйибшокорь тики и нужно пользоваться ими съ крайней осторожностью; тайный совѣт-

(¹) *Herrmanns* называетъ книгу Helbig'a «Russische Günstlinge Tübingen», 1809 г. (въ V части его русской исторіи, с. 109, прим. 79) «сочиненьемъ весьма пригоднымъ для русской исторіи.»

никъ при саксонскомъ посольствѣ, акредитованный въ 1787 году къ петербургскому двору, Helbig, конечно имѣлъ случай собрать много интереснаго, но онъ слишкомъ увлекся анекдотической стороной быта прошлыхъ царствованій и здѣсь пользовался изустными разсказами, дошедшими до него зачастую въ совершенно искаженномъ видѣ, какъ легенды или придворныя сплетни. Доказательство отыскать не трудно; въ приведенномъ выше разсказѣ все или искажено, или спутано: о Кенигсекѣ не упомянуто ни слова, Кейзерлингъ сдѣланъ виновникомъ окончательнаго разрыва Петра съ Анной Ивановной; опала надъ ней, вопреки Helbig'у, разразилась надъ Монсъ гораздо раньше; легкомысленная сластолюбивая нѣмка является у г. тайнаго совѣтника героиней чувствительнаго романа, что опять противорѣчитъ истинѣ; за тѣмъ Кейзерлингъ умеръ вовсе не такъ скоро, и вопреки Helbig'у, скончался не въ Москвѣ, а въ Столпе, на дорогѣ въ Берлинъ 11 декабря 1711 года (1); за тѣмъ насколько «достоинства» было въ характерѣ Анны Ивановны, и насколько погрузилась она на закатѣ дней своихъ въ «размышленія о послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ», мы увидимъ изъ ея собственныхъ писемъ. Эти письма не имѣютъ отношенія къ Петру, но онѣ осветятъ намъ ту женщину, которая была окончательной виновницей заточенія законной царицы, и которая впродолженіи почти десяти лѣтъ сама царила въ сердцѣ преобразователя Россіи. (2)

Въ концѣ 1711 года семейство Монсъ было разбросано въ разныхъ мѣстахъ: старуха-мать лѣтъ пятнадцать уже лежала въ постели, въ страданіяхъ отъ какой-то хронической болѣзни; съ ней въ собственномъ деревянномъ домикѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, жила

---

(1) Замѣчанія на письма г-жи Рондо, историка *Миллера* и подл. письма г-жи *Кейзерлингъ*. Тайный совѣтникъ Кейзерлингъ скончался въ г. Столпе, въ квартирѣ доктора Астмана. Въ томъ же декабрѣ 1711 г. присяжнымъ нотаріусомъ города Столпе составлена была опись вещамъ Кейзерлинга. Изъ нея видно, что при покойникѣ было много драгоцѣнностей, между прочимъ извѣстный уже намъ портретъ Петра-перваго, царскій подарокъ Аннѣ Ивановнѣ, нѣсколько перстней, осыпанныхъ бриліантами, золотые часы, цѣпочка и проч. Гардеробъ тайнаго совѣтника, какъ видно изъ описи, отличался большой роскошью, здѣсь были кафтаны дорогого сукна, обшитые по швамъ позументами, парчевыя жилеты, разныя шолковыя вещи и проч. Съ нимъ же было, вѣроятно для подарковъ, болѣе дюжины дорогихъ собольихъ и другихъ мѣховъ.

(2) Что до иностранныхъ писателей, то мы не нашли нужнымъ цитовать изъ нихъ другіе разсказы о романической судьбѣ Монсъ; разсказъ сходный съ Helbig-овскимъ, см. въ «Voyage en Russie» *Chantreau*. Paris. 1794 t. I. c. 67—70.

Анна Ивановна съ двумя малютками (Кейзерлингами?); тревоги житейскія и дѣйствіе страстей поколебали здоровье молодой женщины; она таяла какъ свѣчка, харкала кровью, и зачастую понѣскольку мѣсяцевъ лежала въ постели. Старшая сестра ея, съ которой мы еще не разъ встрѣтимся, бойкая, разбитная Матрена Ивановна, была въ это время съ мужемъ въ Эльбингѣ, занятомъ русскими войсками. Балкъ былъ назначенъ туда комендантомъ. Старшій и младшій братья скончались въ 1710—1711 годахъ, а средній братъ Виллимъ Иванычъ, въ качествѣ генеральсъ-адъютанта, состоялъ при государѣ и былъ безпрестанно командируемъ съ мѣста на мѣсто, съ разными порученіями. Въ 1711—1713 годахъ мы его видимъ въ Курляндіи, въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ; въ подобныхъ же командировкахъ проходила служба племянника его, однолѣтняго съ нимъ Петра Ѳедоровича Балка.

Вся семья была очень дружна; всѣ заботились о семейныхъ интересахъ, и между ними шла самая оживленная переписка; особенно горячо принимала въ ней участіе мать Монсовъ, старуха, вѣчно жалующаяся на судьбу свою, на бѣдность и проч; въ этой корреспонденціи разумѣется интереснѣе всего для насъ письма Анны Ивановны; постараемся собрать изъ нихъ болѣе интересныя черты (1).

11 декабря 1711 года, въ бытность свою за границей, скончался баронъ Кейзерлингъ. Насколько опечалились Монсы, неизвѣстно, зато извѣстно, какъ сильно встревожились они, узнавъ что на деньги, драгоцѣнныя вещи и остальное движимое и недвижимое имѣніе покойника, находившееся въ Курляндіи и въ Пруссіи, заявилъ претензію старшій братъ покойнаго — ландмаршалъ прусскаго двора; боязнь лишиться богатаго наслѣдства до такой степени встревожила Анну Ивановну, что она даже забыла приличнымъ образомъ оплакать покойника и вся отдалась заботамъ удержать за собой и деньги, и имущество; то и другое составило предметъ ея думъ, о томъ и другомъ плакалась она въ своихъ письмахъ.

«Любезный, писала она къ брату, 14 февраля 1712 года, отъ

---

(1) «Письма отъ матери Монсовой, такожде и отъ Анны Монсовой», за этимъ русскимъ заглавіемъ въ сборникѣ подъ заглавіемъ: «уголовное с. дело 1724 г.» переплетены въ большомъ безпорядкѣ между прочими бумагами, къ Монсу относящимися, колекція нѣмецкихъ писемъ къ нему отъ матери, сестеръ, его друзей и товарищей по нѣмецкой слободѣ. У насъ приведены въ своемъ мѣстѣ частью въ полномъ переводѣ, частью въ экстрактахъ, любопытнѣшіе изъ этихъ документовъ. Писемъ Анны Монсъ къ брату Виллиму неболѣе восьми, отъ матери же болѣе двадцатичетырехъ.

всего сердца любимый братецъ! Желаю, чтобы мое печальное письмо застало тебя въ добромъ здоровьѣ; что до меня съ матушкой, то мы то хвораемъ, то здоровы; нѣтъ конца моей печали на этомъ свѣтѣ; незнаю чѣмъ и утѣшиться» (1); и затѣмъ однако, должно быть для утѣшенія, проситъ привезть вещи и деньги ея мужа въ Москву, «потомучто лучше, замѣчаетъ Анна Ивановна, когда онѣ у меня, чѣмъ у чужихъ людей». Главнымъ ходатаемъ ея по дѣламъ съ Кейзерлингомъ-старшимъ былъ нѣкто Лаусонъ; ему расточали Анна Ивановна и ея мать особыя знаки уваженія и вниманія; Виллиму строго предписывалось ничего не предпринимать безъ его совѣта; ему посылались (впрочемъ весьма недорогіе) подарки прямо отъ имени Анны, у него спрашивалось обо всемъ; такъ напримѣръ, Анна просила брата спросить Лаусона: «отдавать ли ея деверю, Кейзерлингу, портретъ царя, прежде чѣмъ деверь пришлетъ вещи покойника изъ Курляндіи?» Мать даже просила сына «кромѣ себя и Лаусона никому не довѣрять, никого не слушать, со всѣми, кромѣ его, быть осторожнымъ.» Ради интересовъ дочери, старуха убѣдительнѣйше просила сына оказывать камердинеру (покойнаго Кейзерлинга) столько добра, сколько можетъ; помни, что отъ этого человѣка зависитъ сильно помочь или сильно повредить». При всемъ томъ, ни вещи, ни деньги не получались. Къ одному горю другое — Штраленбергъ (камердинеръ покойника) разсказывалъ заграницей, что жена его, оставленная въ Москвѣ у г-жи Кейзерлингъ, страдаетъ отъ ея грубаго обращенія. «Прошу тебя, любезный братъ, писала Кейзерлингъ къ Виллиму, не вѣрь этому лгуну Штраленбергу; онъ безпрестанно дѣлаетъ мнѣ новыя непріятности, такъ что я умираю съ досады... Передай ему, что его жена горько плакала, услыхавъ о томъ, какъ безстыдно лжетъ ея мужъ, будтобы я дурно съ ней обращаюсь. Напротивъ, призываю Бога свидѣтелемъ, ей очень хорошо у меня; когда она была больна, я пригласила доктора на свой счетъ, и избавляя ее отъ всякихъ расходовъ, подарила ей черное платье.»

Еще ближе къ сердцу принимала огорченія, наносимыя Аннѣ Ивановнѣ, ея мать; изъ писемъ старухи видно, что она любила Анну, едвали неболѣе всѣхъ остальныхъ дѣтей: «съ чего Штраленбергъ взялъ, восклицала она по поводу его сплетень, какъ онъ смѣетъ увѣрять, будтобы жена его ужасно страдаетъ у твоей сестры? Онъ безсовѣстный лжецъ! пора бъ ему зажать ротъ; чтобы чортъ побралъ этого мерзавца съ его страстью лгать, сестра твоя отъ него уже и такъ много натерпѣлась... Моя дочь сдѣлала для его

---

(1) Почеркъ Анны Ивановны довольно четкій, красивый; но орфографія слаба. Подпись ея: «вдова: А. М. Кейзерлингъ, урожденная Монсъ».

жены по крайней мѣрѣ столько же, сколько онъ для своего господина«. Кромѣ этого неблагодарнаго «много безпокойствъ, какъ жаловалась въ другомъ письмѣ старуха, причинялъ ея дочери какой-то «безбожный» Салтыковъ...»

Съ одной стороны старшій братъ Кейзерлинга, съ другой его камердинеръ, своими поступками сильно заставляли опасаться «печальную» вдову, что многое изъ имущества супруга ускользнетъ изъ ея рукъ; вслѣдствіе этого она нашла нужнымъ самой съѣздить если не заграницу, то въ Петербургъ, чтобъ привесть это дѣло къ благополучному окончанію; сборамъ этимъ предшествовали собственноручныя ея распоряженія о продажѣ разныхъ вещей покойника. Ни малѣйшей печали, любви и даже уваженія къ покойному не высказывается въ письмахъ Анны Ивановны. Такъ напримѣръ въ одномъ изъ писемъ къ брату, отъ 1 марта 1712 года, сдѣлавъ распоряженіе о продажѣ лошадей за назначенную ею же плату, затѣмъ распорядившись о взятіи кой-какихъ вещей, оставленныхъ ея мужемъ въ Курляндіи, она только послѣ всего этого проситъ брата: «напиши мнѣ пожалуста: привезутъ ли тѣло моего мужа въ Курляндію? Вели чтобъ гробъ обили краснымъ бархатомъ и золотымъ галуномъ», и тутъ же спѣшитъ приписать о дѣлѣ для нея важнѣйшемъ: «ради-бога, побереги шкатулку съ бумагами, чтобы ничего не потерялось, а старшему зятю моему скажи, чтобы онъ прислалъ мнѣ только портретъ его величества съ драгоцѣнными камнями.»

«Мы все больны, плакалась между тѣмъ старуха; твоя сестра (т. е. Анна Ивановна) пять недѣль не вставала съ постели и харкаетъ кровью, что изъ этого будетъ, одинъ Богъ знаетъ! Она хочетъ имѣть здѣсь всѣ свои деньги, постарайся объ этомъ, равно и о томъ, чтобы всѣ ея вещи были привезены сюда... Ради-бога, не вези съ собой негодяя камердинера, а то будетъ ему худо. Твоя сестра безутѣшна, помоги ей Богъ!

«Твоя сестра еще больна, писала недѣлю спустя мать Монса; ты вѣроятно слышалъ уже, что ландмаршалъ (братъ Кейзерлинга) хочетъ взять себѣ вещи покойника; не допусти до этого, привези ихъ съ собою, не давай себя уговорить ни въ чемъ, эти Кейзерлинги очень хитры, а камердинеръ (покойника) съ ними заодно». Несмотря на всѣ наставленія, дѣло не подвигалось: «Смотри чтобъ твоя бѣдная сестра не лишилась своей собственности, безпрестанно напоминала старуха... Зачѣмъ ты письмо послалъ въ Ригу, оно три недѣли было въ дорогѣ... и сестра должна была заплатить шесть рублей за письма твои и камердинера!.. Зачѣмъ ты лошадей отправилъ въ Эльбингъ, смотри чтобы онѣ не пропали»...

Не могъ угодить Виллимъ Ивановичъ и сестрѣ своей Аннѣ;

какъ кажется, страдая чахоткой, она была очень раздражительна и болѣзнь вмѣстѣ съ корыстолюбіемъ, одной изъ рѣзкихъ чертъ ея характера, вызывали съ ея стороны рядъ упрековъ: «отъ твоего письма, писала она брату 8 мая 1712 года, я въ отчаяньи: ты потратилъ много времени попустому. Незнаю, что за причина, что мое дѣло въ такомъ дурномъ положеніи, незнаю по чьему совѣту уѣхалъ ты въ Берлинъ?..» — А тутъ на бѣду Виллимъ Ивановичъ, человѣкъ молодой, щеголь и вѣтренникъ, не могъ удержаться, чтобъ не занять нѣсколько сотень рейхсталеровъ изъ хранившихся у Лаусона сестриныхъ денегъ. При извѣстіи объ этомъ, Анна Ивановна запылала негодованіемъ: «я была до крайности поражена, писала она къ нему, при извѣстіи, что ты занялъ уже до 700 рейсхталеровъ!.. Боже мой! неужели это значитъ поступать по братски? Этакъ ты меня совсѣмъ разоришь! Подумалъ ли ты, сколько слезъ я проливаю во вдовьемъ своемъ положеніи и сколько у меня расходовъ? Какой же ты послѣ этого оберегатель моихъ интересовъ и моей собственности? Матушка очень огорчена твоимъ поведеніемъ. Напиши, на что тебѣ нужны были деньги? Оканчиваю письмо, слезы мѣшаютъ мнѣ писать. Призываю Бога на помощь, да исправитъ онъ тебя, быть можетъ ты станешь лучше обо мнѣ заботиться...» Что до матери, то она просто на просто грозила сыну самымъ сильнымъ проклятіемъ, если онъ не перестанетъ тратить деньги своей «несчастной сестры.» — «Прошу тебя, писала съ своей стороны старшая сестра Монсъ, — дѣлай все въ пользу Анны, не упускай время. Одинъ Богъ знаетъ, какъ больно мнѣ слышать упреки матушки, что мы не соблюдаемъ интересовъ нашей сестры...» «Если не лучше будутъ дѣйствовать, говоритъ въ другомъ письмѣ Матрена Балкъ, въ дѣлѣ любезной нашей сестры, то маршалъ Кейзерлингъ достигнетъ своей цѣли и присвоитъ себѣ вещи. Видно, ты не очень то заботишься о данномъ тебѣ порученіи, за что и будешь отвѣчать предъ нашей сестрой.»

Общія хлопоты привели наконецъ къ болѣе успѣшному результату; этому безъ сомнѣнія способствовало и то, что сама г-жа Кейзерлингъ съ матерью пріѣхали заграницу лѣтомъ 1712 года; онѣ прогостили нѣсколько недѣль въ г. Эльбингѣ у своего зятя Балка и отсюда имѣли болѣе удобствъ вести свой процесъ; общими стараніями Монсовъ, генералъ-адъютантъ, младшій братъ покойнаго Кейзерлинга, уговоренъ былъ протестовать противъ беззаконныхъ претензій ландмаршала, своего старшаго брата, и этотъ протестъ много сдѣлалъ по дѣлу Анны Ивановны у короля Прусскаго. Дѣло впрочемъ протянулось съ годъ, такъ что Анна Ивановна по возвратѣ въ Москву, скоро нашла нужнымъ ѣхать въ Спб. «Но я незнаю,

жаловалась мать, что мнѣ дѣлать съ ней; я все больна и никакъ не могу съ ней пуститься въ дорогу.» О поѣздкѣ между тѣмъ сильно хлопотала Анна Ивановна; разсчетливая до скупости, и въ тоже время съ претензіями на нѣкоторыя права въ качествѣ прежней фаворитки государя, она писала къ вице-адмиралу, а также и къ графу Головкину, чтобы тѣ выхлопотали ей даромъ подводы: люди датскаго посланника, говорила она брату, получали даровыя подводы, отчего же мнѣ не получить?» Поводъ однако не давали; старуха мать почти въ каждомъ изъ своихъ писемъ къ сыну, напоминала, чтобы тотъ похлопоталъ, но Виллимъ Ивановичъ не былъ еще въ той силѣ, въ какой мы увидимъ его въ послѣдствіи, а птенцы Петра не считали нужнымъ оказывать вниманіе забытой красавицѣ. Что до нея самой, то давно вытѣснивъ изъ сердца образъ Петра и оставивъ его въ своей шкатулкѣ, такъ какъ онъ былъ осыпанъ драгоцѣнными камнями, Анна Ивановна забыла и Кейзерлинга: въ 1713—1714 годахъ, она уже не вспоминаетъ о немъ, даже по поводу его имѣнія: она занята плѣннымъ шведскимъ капитаномъ Миллеромъ (1).

Капитанъ, одинъ изъ полтавскихъ плѣнниковъ, проживалъ въ Нѣмецкой слободѣ, познакомился съ Анной Ивановной и имѣлъ счастіе быть послѣднимъ въ ряду избранниковъ ея сердца. «Печальная» вдова намѣревалась выдти за него замужъ! а пока осыпала его подарками; видно красота ея сильно поблекла, если она находила нужныхъ прибѣгать къ этому средству, чтобъ привязать къ себѣ своего новаго рыцаря. Такъ «въ приносѣ отъ иноземки Анны Монцовой пожитковъ ея къ капитану» были: «камзолъ штофовой, золотомъ и серебромъ шитый; кувшинецъ, да блюдо, что бороды

(1) Всѣ приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ подлинныхъ нѣмецкихъ писемъ *Модесты Монсъ* (матери): 15 февраля, 27 марта, 8 мая, 19 Іюня и 9 нумеровъ неизвѣстныхъ чиселъ 1712 г. *Анны Кейзерлингъ* урожд. *Монсъ*, письма 14 февраля, 1 марта, 8 мая, 19 Іюня и два неизвѣстныхъ числъ 1712 года; материнскія и дочернія письма, отправляемы были изъ нѣмецкой слободы, особенно нескладно писала старуха; всѣ ея письма необыкновенно неразборчивы и наполнены повтореніями объ одномъ и томъ же, при внимательномъ разборѣ ихъ можно догадываться, что старуха была слаба разсудкомъ и памятью. *Матрены Балкъ* урожд. *Монсъ* письма изъ Эльбинга отъ 23 іюня, 3, 7, 10 и 14 іюля, и 14 сентября 1712 года. *Петра Балка* письмо изъ Эльбинга отъ 17 сентября 1711 г. Генералъ-адъютанта *Кейзерлинга* письмо изъ Гарца отъ 1 іюля 1712 г. Также смотр. показаніе, данное въ сенатской конторѣ 19 августа, 1715 г. челядникомъ капитана Мюллера (т. е. Миллера), шведа Иванова о пожиткахъ «Монцовой.» Историкъ Миллеръ ошибочно утверждаетъ что Анна Кейзерлингъ *вышла замужъ* за капитана *Мюллерса*, она была только *сговорена* съ *Миллеромъ*. *Беркг.* IV 125. Вещи покойнаго Кейзерлиинга отправлены были его вдовѣ изъ г. Столпе 7 марта 1714 года: процесъ былъ выигранъ.

брѣютъ серебряныя» и другія вещи. Впослѣдствіи послѣ смерти уже сестры, хлопоча отнять ихъ у Миллера, Виллимъ Ивановичъ увѣрялъ: «что тотъ притворствомъ вѣрился (вкрался?) въ домъ къ сестрѣ моей и въ болѣзни сестры моей, взялъ, стакався съ дѣвкою шведкою, которая ходила въ ключѣ у сестры моей, взялъ многія пожитки». Монсъ жаловался, что Миллеръ, пользуясь болѣзнію его матери и излишнею довѣренностью къ нему Анны Ивановны, увѣрилъ ее, будтобы имѣетъ въ Швеціи жалованныя отъ короля маетности; выманивалъ у нея деньги и разные подарки. Обманомъ или другимъ чѣмъ, какбы то нибыло, но Миллеръ дѣйствительно очень сблизился съ Анной Ивановной: они были сговорены и свадьбѣ помѣшала только смерть невѣсты. Вдова Кейзерлингъ скончалась въ августѣ 1714 года, въ Нѣмецкой-слободѣ, на рукахъ больной старухи-матери и пастора; въ безпамятствѣ предсмертной агоніи, она пожалѣла только о *нѣкоторой сиротѣ* и о возлюбленномъ; ему завѣщала она часть своего имущества.

«Имущества было довольно. Однихъ алмазовъ, брильянтовъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей осталось въ черепаховой шкатулкѣ Анны Ивановны на сумму, по своему времени, громадную а именно на 5,740 рублей; въ спискѣ этихъ вещей были подарки Лефорта, Петра, Кенигсека, фонъ Кейзерлинга, небыло только подарковъ Миллера, потомучто «полоненникъ шведской» самъ принималъ ихъ отъ Анны. Изъ всѣхъ драгоцѣнностей цѣннѣе всѣхъ былъ подарокъ государя; онъ значится въ спискѣ такъ: «образъ съ разными съ драгими каменьями, около охваченъ — въ 1000 рублей». Затѣмъ по цѣнности замѣчательны: «умершаго господина фонъ *Келзерлинка* персона въ алмазахъ — 700 руб.» Остальныя вещи были алмазныя: лацъ-кенъ, сердечко съ короной, серьги, крестъ, перстни, пряжки, запонки, булавки, шпажка и зубочистка алмазныя; тутъ же были нитки жемчугу, изъ которыхъ, *четыре нитки* покойница завѣщала *сиротѣ нѣкоторой*; золотые и серебряные часы, табакерки, кольца, все это украшено брилліантами, изумрудный перстень и т. п. (1) вещи эти

(1) «Роспись алмазнымъ вещамъ, которыя были» въ скрынкѣ, черепахою оклееной. Эта роспись драгоцѣнностямъ Анны Ивановны, дошла до насъ въ шести спискахъ, и всѣ они руки старухи Монсъ. Въ описи ея собственныхъ вещей значится портретъ ея дочери, какъ можно думать — портретъ Анны Ивановны; нельзя не пожалѣть, что онъ недошолъ до насъ, либо быть-можетъ и уцѣлѣлъ въ какой нибудь колекціи, но состоитъ въ отдѣлѣ *неизвѣстныхъ* портретовъ. Говоря о имуществѣ Анны Ивановны, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о ходатаѣ по ея дѣламъ, Лаусонѣ, тѣмъ болѣе, что мы къ нему уже не возвратимся. Мы видѣли съ какимъ довѣріемъ и уваженіемъ и мать и дочь относились къ нему и какъ заискивали въ немъ; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Монсы въ немъ нуждались; но вотъ умираетъ Анна Ивановна .. «Я

были достояніемъ той женщины, которая такъ горько плакалась за растрату братомъ нѣсколькихъ сотенъ рейхсталеровъ...

Какбы то нибыло, но проводивъ въ могилу бренныя останки той женщины, имя которой, благодаря любви Петра, попало въ исторію, скажемъ о ней окончательное мнѣніе: оно вытекаетъ изъ представленныхъ матерьяловъ. Ихъ достаточно, чтобъ видѣть въ Аннѣ Монсъ, страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку разчетливую до скупости, алчную до корысти, при всемъ этомъ суевѣрную, лишонную всякаго образованія, даже мало грамотную (очемъ свидѣтельствуютъ ея подлинныя письма). Кромѣ плѣнительной красоты въ этой авантюристкѣ небыло никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не съумѣла оцѣнить любовь великаго государя, не съумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу. Страстью къ Аннѣ Монсъ, Петръ показалъ, что и великіе люди неизъяты человѣческихъ слабостей, что страсть и имъ слѣпитъ очи, и имъ затемняетъ разсудокъ. Безвѣстная нѣмка, женщина во всѣхъ отношеніяхъ недостойная, Анна Монсъ, послужила причиной къ совершенію нѣсколькихъ событій, въ высшей степени важныхъ въ исторіи великаго Петра: царица Авдотья Ѳедоровна ссылается въ заточеніе; наслѣдникъ престола преждевременно лишается материнскаго надзору, а вслѣдствіе этого затаиваетъ въ душѣ своей ненависть къ отцу, гонителю матери; эта ненависть растетъ, заставляетъ Алексѣя окружать себя сторонниками, столько же непріязненными его отцу, начинается борьба малозамѣтная, въ высшей степени стра-

---

крайне скорблю, писалъ Лаусонъ къ матери, 1 окт. 1714 г., изъ Кенигсберга, крайне скорблю о кончинѣ высокопочтенной тайной совѣтницы фонъ-Кейзерлингъ и тѣмъ болѣе сочувствую печали матери, что самъ лишился въ вашей любезной дочери своей милостивой и уважаемой покровительницы, но тутъ дѣлать нечего, мы должны только благодарить Бога, что онъ сократилъ ея страданія...» Вмѣстѣ съ заявленіями печали и сочувствія, Лаусонъ съ нѣмецкою акуратностью представилъ отчетъ въ приходохъ и расходахъ, довѣренныхъ ему суммъ покойной Кейзерлингъ, при этомъ онъ просилъ позволенія удержать у себя за свои трехълѣтніе труды 200 рехсталеровъ; но теперь Лаусонъ не нуженъ, и вотъ старуха Монсъ сначала ничего не отвѣчаетъ на его просьбу, а потомъ рѣшительно требуетъ чтобъ тотъ прислалъ и эти деньги. Поручая это дѣло сыну, въ апрѣлѣ 1716 года, въ бытность того въ Германіи, мать вопреки всѣмъ своимъ прежнимъ восхваленіямъ Лаусона, называетъ его теперь воромъ, мошенникомъ, вообще человѣкомъ до такой степени нечестнымъ, что будтобы онъ, Лаусонъ, въ счетахъ всегда выставлялъ 10 вмѣсто 5. Всѣ эти обвиненія мать Монсоеъ но подтверждаетъ актами и топчетъ въ грязь человѣка, такъ недавно превозносимаго, за какіе-нибудь 200 талеровъ! Письмо Модесты *Монсъ*. М. 12 апр. 1716 года.

дательная со стороны царевича, не важная по ходу, которая быть-можетъ приняла бы болѣе серьозные размѣры, еслибы некончилась катастрофою 1718 года. Съ другой стороны любовь къ Аннѣ Монсъ заставляетъ Петра обратить вниманіе на ея семейство, а въ немъ между прочимъ и на брата Анны, Виллима. Государь приближаетъ его къ себѣ, возвышаетъ на высокую степень придворныхъ званій и въ немъ находитъ человѣка, который разбиваетъ его семейное счастье, отравляетъ послѣдніе дни его жизни и — это еще догадка — дѣлается одной изъ причинъ преждевременной кончины Петра-великаго.

II

ГЕНЕРАЛЬСЪ-АДЪЮТАНТЪ

(1708—1716)

Въ то время когда Петръ зачастую посѣщалъ и изволилъ нерѣдко «оночивати за золоченьими занавѣсами» въ каменномъ палаццо Анны Ивановны, въ покояхъ жалованнаго дома рѣзвился четырнадцатилѣтній хорошенькій мальчикъ; это былъ ребенокъ живой, пылкій и весьма чувствительный; послѣднее доказывало, что на мальчика имѣло большое вліяніе то, что онъ съ ранняго дѣтства окруженъ былъ женщинами: обѣ сестры (много его старше) любили и баловали ребенка. Баловень этотъ былъ извѣстный впослѣдствіи Виллимъ Ивановичъ (1). Старшій братъ его Филимонъ, какъ мы уже знаемъ, взятъ былъ государемъ на службу и несмотря на опалу, постигшую сестеръ Монсъ, Филимонъ служилъ довольно успѣшно: въ 1711 году онъ былъ капитаномъ. По его слѣдамъ и безъ сомнѣнія по его же предложенію, принятъ былъ на службу братъ его Виллимъ: военная служба вообще представлялась иноземцамъ нѣмецкой слободы въ тогдашнее время надежнѣйшимъ путемъ къ достиженію всякихъ благъ, слѣдовательно желанія другого пути со стороны Виллима и быть не могло. Виллимъ принятъ на службу въ бытность Петра въ Польшѣ, въ мѣстечкѣ Горкахъ (2), въ августѣ 1708 года. Первоначально принятъ онъ въ арміи въ каче-

(1) Онъ родился въ Россіи въ 1688 году, что видно изъ письма его матери отъ 28 февраля 1717 года.

(2) Горки принадлежали стольнику литовскому графу Сапѣгѣ и были куплены у него Меншиковымъ.

ствѣ «валентира». Генералъ Боуръ замѣтилъ молодого, красиваго «валентира» и взялъ его къ себѣ въ «флигель-адъютанты». Странная роль выпала на долю нѣмца-генерала Боура: онъ отличался, надо думать, большимъ вкусомъ и былъ поклонникъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ Боуръ вывелъ Екатерину, Боуръ же выдвигаетъ на путь къ отличіямъ и знаменитаго впослѣдствіи Монса...

Предъ будущимъ фаворитомъ съ этого времени дѣйствительно открывалась карьера несравненно блистательнѣйшая, нежели выпадала на долю какого-нибудь боевого офицера. Монсъ былъ постоянно на виду, на него возлагались кой-какія командировки и малѣйшій успѣхъ въ ихъ выполненіи, расторопность, бойкость — немедленно награждались. Монсъ былъ на виду въ упорномъ бою подъ Лѣснымъ, въ славной побѣдѣ полтавской; здѣсь и тамъ исправлялъ должность генеральсъ-адъютанта, и когда шведы были отброшены къ Переволочнѣ, Монсъ ѣздилъ къ нимъ съ трубачемъ для переговоровъ. Во время движенія русской арміи къ Ригѣ Виллимъ Ивановичъ командируемъ былъ во многія партія съ козаками; между прочимъ на него возложено было порученіе отбить у непріятеля командира козаковъ, князя Лобанова. «Усмотря добрые поступки» роднаго брата нѣкогда любимой красавицы, государь въ бытность свою въ Помераніи осенью 1711 года «удостоилъ» его чиномъ лейбъ-гвардіи лейтенанта»; въ новомъ чинѣ Монсъ назначенъ былъ оставаться въ качествѣ «генеральсъ-адъютанта отъ кавалеріи» (1) при государѣ, ѣздилъ курьеромъ къ королю датскому, участвовалъ при атакѣ Фридрихштадтской и вообще, какъ мы уже видѣли, былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ съ разными порученіями отъ государя (2).

Между тѣмъ карманъ Монса находился въ незавидномъ состояніи; адъютантъ перебивался небольшими деньжонками, что́ можно видѣть изъ записокъ его къ друзьямъ; въ одной изъ нихъ напримѣръ онъ между прочимъ проситъ возвратить ему девять рейхсталеровъ, въ которыхъ «очень нуждается» (3). Отъ матери и сестеръ,

---

(1) Такой титулъ значится на нѣкоторыхъ письмахъ къ нему за это время отъ сестры и другихъ лицъ.

(2) Записка неизвѣстной руки о службѣ Виллима Монса, въ его бумагахъ; угол. дѣло 1724 г., л. 423; патентъ его на званіе камергера, и *Голиковъ* V, стр. 116.

(3) Письма Монса отъ 30 ноября 1709 г. изъ мѣстечка «Drei Mühlen» и изъ нѣмецкой слободы отъ 14 марта 1711 года. Писалъ Монсъ обыкновенно на нѣмецкомъ языкѣ; на русскомъ онъ изъяснялся довольно бойко, но читать и писать неумѣлъ.

женщинъ скупыхъ, вѣчно жаловавшихся на бѣдность, поддержка была небольшая; что до братьевъ, то онъ ихъ потерялъ довольно рано. «Находясь теперь здѣсь въ Москвѣ, — писалъ Монсъ къ сестрѣ и зятю своему Балку 14 марта 1711 года, — съ прискорбіемъ извѣщаю васъ, что любезный старшій братъ нашъ скончался; смерть его тѣмъ для меня чувствительнѣе, что я почти одновременно лишился обоихъ братьевъ» (1). На одномъ изъ нихъ осталось 15 рублей долгу, и средства Виллима Ивановича были такъ плохи, что онъ долженъ былъ уступить за эти деньги лошадь покойника (2). Такимъ образомъ Монсъ начиналъ почти такъ, какъ начинала большая часть его единоземцевъ: бездомные, жалкіе бѣдняки, они ждали какого-нибудь «фавора», чтобъ обогатиться, и ловкостью, вкрадчивостью умѣли добиться этого фавора.

При Петрѣ, въ особенности непосредственно при немъ служить было нелегко: государь требовалъ самой строгой исполнительности во всемъ; безъ его позволенія никто изъ ближнихъ служащихъ не смѣлъ отлучаться отъ него ни днемъ, ни ночью. Днемъ дѣйствительно и невозможно было урваться ни одному деньщику, но по ночамъ они, какъ разсказываетъ одинъ изъ деньщиковъ, таскались часто по шинкамъ и своимъ пріятельницамъ; «его величество, — повѣствуетъ Нартовъ, — свѣдавъ о такомъ распутствѣ, велѣлъ для каждаго деньщика (т. е. для своихъ флигель-адъютантовъ) сдѣлать шкапъ съ постелью, чтобъ въ ночное время ихъ тамъ запирать и тѣмъ укротить ихъ буйство и гулянье.» Однажды въ самую полночь государю понадобилось послать однаго изъ флигель-адъютантовъ, бережно запертыхъ по шкапамъ. Государь идетъ съ фонаремъ наверхъ, отпираетъ ключемъ шкапъ за шкапомъ и не находитъ въ нихъ ни одного флигель-адъютанта. «Мои деньщики летаютъ сквозь замки, но я крылья обстригу имъ завтра дубиной!» Стрижки однако не было; государь всталъ въ хорошемъ расположеніи духа, увидѣлъ флигель-адъютантовъ на мѣстахъ, стоящихъ въ трепетномъ ожиданіи «нещаднаго побіенія», и это смягчило Петра. «Смотрите-жъ», сказалъ онъ между прочимъ: — «впредь со двора уходить безъ приказа моего никто да не дерзнетъ, инако преступника отворочаю такъ дубиной, что забудетъ по ночамъ гулять и забывать свою должность!..»

Съ Монсомъ же, какъ кажется, «отворачиваній дубиной» не случалось. Онъ старательно выполнялъ свою должность, а она

---

(1) О младшемъ братѣ мы ничего не знаемъ.

(2) Письма къ Монсу г. Гифмира. Ревель, 7 и 12 марта 1711 г.

охватывала самыя разнородныя порученія (1). Такъ между прочимъ доводилось ему вѣдать царскими лошадьми, провожать подводы съ закупленнымъ заграницей для Петра венгерскимъ виномъ; Монсъ долженъ былъ прикупать новое, всячески беречь драгоцѣнный напитокъ и проч. (2) Такого рода порученія показывали нѣкоторую довѣренность къ Монсу, который между тѣмъ сколачивалъ себѣ фортуну разными средствами; такъ въ 1712 году, въ бытность свою въ Митавѣ генеральсъ-адъютантъ пріобрѣлъ благосклонное вниманіе вдовствующей герцогини курляндской, обзавелся деньгами, и совершенно довольный, шутливо писалъ къ одному изъ пріятелей въ нѣмецкую слободу: «Рекемендую себя дѣвицѣ Труткемъ и ожидаю тебя съ нею сюда; я уже приготовилъ карету и шестерикъ лошадей; ей будетъ здѣсь на чемъ кататься (3)...»

И при дворѣ государя онъ уже получалъ нѣкоторое значеніе. Такъ въ 1713 году заботливая сестрица Матрена писала къ нему: «Прошу васъ пожалуйста сдѣлайте, чтобъ сынъ мой Петръ (Балкъ) у царя доброю оказіею былъ; понеже лучше, чтобъ онъ у васъ былъ; я надѣюсь, что онъ вскорѣ у васъ будетъ, понеже мужъ мой пошлетъ его съ дѣлами въ С. Петербургъ.» Матрена Ивановна просила не объ одномъ сынѣ: волею Петра заброшенная съ старикомъ-мужемъ (4) въ крѣпость Эльбингъ, на самый театръ войны, она безпокоилась среди опасностей войны и сильно тосковала вдали отъ столичнаго общества, къ которому всегда чувствовала влеченіе. Только осенью 1711 года Матрена Ивановна на нѣсколько времени оживилась: въ это время въ Эльбингъ пріѣхала Екатерина Алексѣевна; «отпустилъ я жену свою въ Эльбингъ, къ вамъ — писалъ государь Ѳедору Балку, — и что ей понадобится денегъ на покупку какой мелочи, дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ.» Въ бытность здѣсь государыни Матрена Ивановна успѣла заискать ея расположеніе и даже дружбу до такой степени, что самъ Петръ находилъ нужнымъ, быть-можетъ въ угоду жены, оказывать эльбингской комендантшѣ особое вниманіе: «отпиши ко мнѣ — спрашивалъ Петръ Екатерину 14 августа 1712 года — къ которому времени родитъ Матрена, чтобъ мнѣ поспѣть?» Два мѣсяца спустя Петръ распоря-

---

(1) Угол. дѣл. 1724 г., л. 180, 232 и друг.

(2) Каб. дѣл. II отд., LXIV кн. л. 48, инструкція Монсу отъ кабинетъ-секретаря Макарова и счетъ издержекъ Монса.

(3) Письма Монса отъ 16 февраля 1712 г., Митава.

(4) Ѳедоръ Николаевичъ *Балкъ* въ 1699 году былъ полковымъ командиромъ, въ 1704 г. назначенъ комендантомъ въ завоеванный городъ Дерптъ, въ 1710 г. въ чинѣ бригадира назначенъ комендантомъ крѣпости Эльбинга, гдѣ и состоялъ до начала 1714 г.—*Устр.* III с. 347; *Голиковъ* I—344, II—132, 491, IV—122, 433, 528.

жался объ очищеніи Эльбинга, прежде нежели явится подъ нимъ посланный отъ салтана турчанина, и между прочимъ самъ озаботился предписать отправить коменданту съ обозами впередъ изъ крѣпости. Турчанинъ однако не пришолъ, къ великому прискорбію Балкши, государыня уѣхала, а Матрена Ивановна, видѣвъ уже знаки вниманія къ себѣ какъ отъ государыни, такъ и отъ государя, еще болѣе стала желать отъѣзда ко двору. Рядъ писемъ ея за 1713 годъ къ брату наполненъ мольбами, чтобъ тотъ постарался чрезъ Ягужинскаго, кабинетъ-секретаря Макарова или другимъ какимъ путемъ, но только выхлопотать имъ приказъ о переводѣ ея съ мужемъ въ Россію, или по крайней мѣрѣ хоть въ г. Або; «здѣсь же — пишетъ она изъ Эльбинга — все очень дорого; мужъ полтора года не получаетъ жалованье, мы проживаемся; ктому же — продолжаетъ Матрена, подбирая предлогъ къ отъѣзду посильнѣе — мой бѣдный мужъ такъ боленъ, что я опасаюсь за его жизнь.» (1)

Усиленныя просьбы къ Виллиму Ивановичу показываютъ, что генеральсъ-адъютантъ имѣлъ уже въ это время значительныя связи съ лицами вліятельными при дворѣ Петра; такимъ образомъ онъ далеко не былъ тѣмъ вѣтренникомъ, беззаботнымъ молодымъ человѣкомъ, какимъ является въ письмахъ къ нему отъ матери за эти годы. Ворчливая и хворая старуха, находя, что сынъ вѣтренъ, нерасчетливъ и даже расточителенъ, осыпала его рядомъ упрековъ, даже угрозъ, и зорко слѣдила за образомъ жизни сына и окружающихъ его слугъ и пріятелей. Къ чести Монса надо сказать, онъ съ покорностью переносилъ матерпнскіе выговоры и невидать, чтобы тяготился ея вмѣшательствомъ въ свои дѣла.

Такъ въ 1712 году старуха съ гнѣвомъ выговаривала сыну: ...«Любезный сынъ, изъ письма Лаусона видно, что ты *опять* тронулъ сестрины деньги... Если ты будешь такъ поступать, то скоро растратишь капиталъ твоей *бѣдной* сестры; она поручила тебѣ беречь ея собственность, а ты поступаешь какъ человѣкъ безразсуд-

---

(1) ***Матрены Балкъ*** письма отъ 9, 24 марта и четыре письма неизвѣстныхъ числъ 1713 г. Въ «Москвитянинѣ» 1852 г. № 16 напечатано двадцать одно письмо Петра I и одно письмо ц. Алексѣя къ Ѳ. Балку, «господину брегадеру гварнизона эльбинскаго.» Письма относятся ко времени съ 10 ноября 1710 г. по 27 окт. 1712 г. Изъ нихъ видна служебная дѣятельность Балка, обязанности его какъ коменданта взятой крѣпости; инструкція о передачѣ крѣпости полякамъ и проч. Между прочимъ здѣсь есть инструкція Петра, 9 мая 1711 г., какъ вести себя коменданту Эльбинга въ случаѣ атаки непріятелемъ; въ P. S. указано гварнизону «всѣхъ своихъ женъ и дѣтей отослать тотчасъ въ Ригу», но какъ-видно указъ этотъ былъ потомъ отмѣненъ.

ный; чѣмъ же это кончится? Въ четыре мѣсяца взялъ ты 700 рейхсталеровъ и даже ниразу не написалъ намъ объ этомъ. Мнѣ кажется, что Бухъ (камердинеръ Монса), проклятая собака, чтобы чортъ его взялъ, беретъ деньги когда онѣ ему только нужны; мы слышали какъ онъ весело живетъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, я и твоя бѣдная сестра чуть не умерли отъ огорченія. Да проститъ тебѣ богъ такую безбожную жизнь; еслибъ Бухъ былъ здѣсь, я-бъ его засадила въ такое мѣсто, откуда бъ не взвидѣлъ онъ ни луны, ни солнца! Поэтому еще разъ пишу къ тебѣ: прогони отъ себя этого мерзавца, или я наложу на тебя такое проклятіе, что тебѣ не будетъ покоя на этомъ свѣтѣ! Какъ можешь ты тратить больше того, что̀ въ состояніи заплатить? Откуда ты возьмешь? Вѣдь тебѣ извѣстно, у меня ничего нѣтъ, чѣмъ могла бы я тебѣ помочь... Ты уже истратилъ до 1000 рейхсталеровъ изъ денегъ твоей сестры. Неужели предался ты карточной игрѣ и проигралъ эти деньги? Если это правда, то я тебя прокляну. Твоя сестра сильно заболѣла отъ огорченія, которое ты ей причиняешь. Прошу бога, чтобъ онъ тебя навелъ на путь истины...» (1)

Громы проклятія нѣжной матери готовы были разразиться надъ мнимо-вѣтренымъ сыномъ, но онъ догадался сказаться больнымъ, не отвѣчалъ на родительскіе упреки, а поручилъ это щекотливое дѣло камердинеру. «...Про этого мошенника — отвѣчала мать, продолжая входить во всѣ мелочи домашняго быта своего сына и его служителей — про этого мошенника Буха я опять слышала какъ онъ живетъ: все сидитъ въ винномъ погребу и играетъ въ карты; когда его спросили: откуда у него столько денегъ? онъ отвѣчалъ, что долженъ же ему господинъ давать деньги. Что̀ ты объ этомъ думаешь? неужли тутъ не сокрушаться сердцу?.. Итакъ прошу тебя, мое дитя, устрой такъ, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Эльбингъ (здѣсь гостила въ это время старуха у старшей своей дочери), если ты не хочешь, чтобъ твоя мать изъ-за этого мошенника пропадала...»

Жалобы и просьбы не прерывались: «денегъ нѣтъ; ни за квартиру, *ни изъ деревни* я ничего не получила. (2) Постарайся, чтобъ

---

(1) *Модеста Монсъ* къ сыну, отъ 19 іюня 1712 г. Укажемъ на нѣкоторыя изъ остальныхъ ея писемъ (изъ Эльбинга и Нѣмецкой слободы); онѣ цитуются нами далѣе, въ своемъ мѣстѣ: 1 августа и неизвѣстнаго числа — 1712 г. 1, 5, 14, 16 мая 1713 г., и 19 октября 1715 г. Нѣкоторыя письма писаны не ея рукою; за старостью и болѣзнью она невсегда могла писать; подпись ея — «М. М. де М.» Собственноручныя ея письма отличаются, какъ мы уже замѣтили, безсвязностью и повтореніями однихъ и тѣхъ же фразъ, что̀ разумѣется опущено въ нашихъ извлеченіяхъ.

(2) Упоминаніе о деревнѣ (1712 г.) доказываетъ, что вопреки извѣстію ино-

сестра пріѣхала сюда, покуда я еще жива; но я съ каждымъ днемъ слабѣю, и вотъ уже пятнадцать лѣтъ (т. е. съ 1697 года) лежу въ постели; можешь себѣ представить каково мнѣ. Хотѣлось бы видѣть своихъ дѣтей еще разъ вмѣстѣ! Препоручаю тебя всевышнему, да предохранитъ онъ тебя отъ всякой опасности. Маша и Катька тебѣ кланяются»...

Съ успѣхами по службѣ, съ возрастаніемъ значенія Виллима Ивановича, смягчалась къ нему и старуха-мать: «меня очень утѣшило твое письмо — отвѣчала она сыну 1 мая 1713 года, — въ которомъ ты пишешь, что его величество очень къ тебѣ милостивъ; дай-богъ чтобъ это всегда такъ было; *будь остороженъ* — добавляетъ старуха, много испытавшая на своемъ вѣку, — *будь остороженъ: при дворѣ опасно служить;* служи усердно царю и богу, тогда будетъ хорошо. Напрасно думаешь, дитя мое, что я на тебя была сердита; самъ ты знаешь, что этого быть не можетъ... У меня былъ генералъ-адъютантъ, я просила его, чтобы онъ тебя не оставилъ...»

Генералъ-адъютантъ, любезно посѣщающій въ нѣмецкой слободѣ въ 1713 году полузабытое семейство — никто другой какъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Мы уже имѣли случай познакомиться съ этимъ птенцомъ Петра Великаго (1). Павелъ Ивановичъ былъ очень любимъ государемъ, считался его «правымъ глазомъ», славился прямодушіемъ и необыкновенной скоростью и точностью въ исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей; «правый глазъ» былъ очень зорокъ, прекрасно приглядѣлся ко всѣмъ свѣтиламъ горизонта дворцовой жизни, умѣлъ отличать эти свѣтила очень рано, когда они только-что начинали мерцать, умѣлъ предугадывать ихъ будущій ростъ и значеніе, и вовремя обязывалъ новаго «фаворита» своею пріязнью и услугами. Этому свойству своего ума Павелъ Ивановичъ обязанъ тѣмъ, что нетолько спокойно пережилъ три царствованія, но не упалъ и въ четвертое, т. е. въ царствованіе Анны Ивановны. Ягужинскій умеръ на верху почестей и отличій, что едвали могло случиться, еслибы онъ, по увѣренію иностранцевъ,

---

земцевъ, государь не отнялъ у семейства бывшей фаворитки *недвижимое* имущество, кромѣ впрочемъ каменнаго палаццо въ нѣмецкой слободѣ.

(1) «Царица Прасковья» («Время» 1861 г. № 4). — Сынъ лютеранскаго органиста, служившаго въ лютеранской церкви въ Москвѣ, Ягужинскій, по свидѣтельству англ. резид. Рондо, обязанъ всѣми своими успѣхами въ жизни своей красивой наружности; какъ красивый мальчикъ онъ былъ взятъ въ пажи Головинымъ (президентомъ посольской канцеляріи)... а два года спустя по той же причинѣ взятъ государемъ въ камеръ-пажи»... Чтен. общ. истор. 1861, т. II; Записка резид. Рондо, стр. 8—9.

дѣйствовалъ всегда «прямодушно, благородно, съ замѣчательною откровенностью и свободой»...

Виллима Ивановича Монса Павелъ Ивановичъ замѣтилъ рано; въ 1713 году они были короткіе пріятели, ими и остались, поддерживая другъ друга въ треволненіяхъ дворцовой жизни, до рокового для одного изъ нихъ 1724 года... Но обратимся къ старухѣ Монсъ. Она дѣлалась все болѣе и болѣе довольна сыномъ; посылала къ нему платье, бѣлье и кой-какія бездѣлицы, изъявляла глубокое свое желаніе видѣть сына въ «генеральской формѣ» (т. е. въ мундирѣ тогдашняго генеральсъ-адъютанта, что̀ соотвѣтствовало чину полковника), и въ надеждѣ осуществленія этого пріятнаго ожиданія снабжала сына всякимъ добромъ: такъ однажды было послано къ нему «четырнадцать штукъ мясной колбасы»... Всѣ эти подарки со стороны скупой старухи свидѣтельствуютъ, что сынъ росъ и росъ изъ толпы придворныхъ соискателей чиновъ и отличій... Впрочемъ она могла быть довольна и семейными дѣлами, устроившимися въ это время (1713—1714 г.) къ лучшему: такъ много занимавшій ее процесъ съ ландмаршаломъ Кейзерлингомъ кончился въ пользу ея «бѣдной» дочери (1)... Но вотъ 30 сентября 1714 года умираетъ Анна Ивановна, и все семейство, начиная съ матери и кончая Виллимомъ Ивановичемъ, спѣшитъ развлечь свою печаль объ утратѣ «бѣдной» Анны Ивановны тяжбой съ послѣднимъ избранникомъ ея сердца. Какъ старухѣ Монсъ, такъ въ особенности ея достойному сыну и наслѣднику сестринаго достатка, особенно было досадно, что нѣкоторыя изъ дорогихъ вещей Анны попали въ руки шведа Миллера (2).

Достаточно окрѣпши при дворѣ, окруженный благопріятелями, Виллимъ Ивановичъ смѣло могъ расчитывать на успѣхъ тяжбы, а она вся была начата чуть не изъ-за одного серебрянаго кувшинца да золотнаго кафтана... Всѣ эти мелочи достаточно обрисовываютъ нашего героя... Оплакать сестру и отнять отъ ея жениха кувшинецъ и тому подобныя вещи,—съ этою цѣлью Монсъ пріѣхалъ въ Москву осенью 1714 года (3). Миллеръ былъ взятъ, по его челобитью, въ преобра-

---

(1) Письма отъ 4 апр. 1712 г. и 7 марта 1714 г.—г. *Мекса*, камергера прусскаго короля; въ нихъ говорится о производствѣ этого процеса въ Столпе и объ отправкѣ вещей покойнаго Кейзерлинга къ его вдовѣ Письма *Матрены Балкъ* о томъ же дѣлѣ, 9 и 16 іюня 1712 г. изъ Эльбинга. Родословіе графовъ и дворянъ Кейзерлинговъ помѣщено въ III ч., стр. 143—156. Между прочимъ здѣсь отмѣчено, что «Георгъ-Іоаннъ, прусскій тайный совѣтникъ и посланникъ при Петрѣ-великомъ, ум. *5 сентября* 1711 г.; онъ былъ женатъ на Аннѣ Мёнсъ де-ла-Круа.»

(2) Фамилія этого шведа пишется въ документахъ того времени разно: Миллеръ, Мюллеръ, Мюллерсъ, Мюйллеръ и пр. Первое встрѣчается чаще.

(3) Наслѣдство, полученное Монсомъ послѣ смерти сестры, состояло изъ мно-

женскій приказъ — на допросъ къ князю-кесарю; а и суровый князь-кесарь, какъ значится изъ многихъ дѣлъ тайной канцеляріи, умѣлъ угодить людямъ «въ случаѣ»; по этому ли свойству своего характера, или почему другому, только онъ заставилъ Миллера повиниться, что-де онъ нетокмо взялъ у покойной «блюдо серебряное, что́ бороды брѣютъ, да рукомойникъ», но и другія-де бралъ «вещи немалыя, а Анна Кейзерлингъ,—говорилъ шведъ,—вещьми тѣми меня дарила, и тѣ вещи я закладывалъ и продавывалъ, а кому — не помню» (1). Для напамятованія нужна шведка-полоненка, что́ ходила у покойной «въ ключѣ» и была ея наперсницей въ разныхъ секретныхъ дѣлахъ; но та шведка-дѣвка взята въ услуженіе знакомымъ уже намъ любителемъ всего изящнаго Боуромъ; Боуръ не отпускаетъ дѣвку. Монсъ не задумывается и бьетъ челомъ прямо государынѣ на своего перваго благодѣтеля... Новая черта для обрисовки генеральсъ-адъютанта. «Генералъ Боуръ — жалуется его прежній флигель-адъютантъ — нетолько той дѣвки-шведки не отдаетъ, но бьетъ присыльнаго подъячего, который о присылкѣ той дѣвки говоритъ къ нему посыланъ. И объ немъ шведѣ (т. е. о Миллерѣ) великое прилежаніе отовсюду, какъ отъ него Боура, и отъ коменданта, и отъ многихъ есть. Еще же—продолжаетъ Монсъ—отъ господина Боура ко мнѣ присылки бываютъ, чтобъ я отдалъ невѣдомо какія тѣй дѣвки пожитки, будто ей обѣщала сестра моя; и съ великимъ мнѣ прещеніемъ присылаетъ, въ чемъ имѣю себѣ немалое опасеніе... Прошу вашего премилостивой государыни заступленія, дабы я вотчее не пребылъ въ своемъ упадкѣ...» Ради этого скромный генеральсъ-адъютантъ умолялъ принять его «въ матернію ограду» и передать дѣло на розыскъ къ Ѳ. Ю. Ромодановскому. А чтобъ вещи никоимъ образомъ ни по тому розыску, ни по рѣшенію тяжбы въ сенатѣ, не могли бы остаться за Миллеромъ, Монсъ заявилъ, что-де представленное его противникомъ завѣщаніе Анны Ивановны вовсе несправедливо: оно-де нескрѣплено духовникомъ, да и писано-то — такъ

жества драгоцѣнныхъ вещей, денегъ около 12,000 талеровъ и разныхъ громоздкихъ вещей, какъ-то: кареты, возка и т. п. Письмо *Лаусона* къ Монсу 11 дек 1714 г.

(1) Вещей этихъ, если вѣрить реестру, представленному старухой Монсъ въ приказъ, было довольно много; въ счетѣ обозначено около 40 разныхъ предметовъ, въ томъ числѣ перстни, образъ, серьги, брошка, кресты, золотые часы, золотой футляръ для зубочистки, золотой поясъ, золотыя: шпага, шпилька, браслеты, нитка жемчугу, портретъ покойнаго Кейзерлинга съ брильянтами и пр.; большая часть вещей осыпаны брильянтами. Но этому счету вѣрить нельзя, потомучто многія изъ вещей, обозначенныхъ здѣсь, одновременно значились на лицо у старухи въ ея другихъ счетахъ.

увѣрялъ Виллимъ — въ «безпамятствѣ и слѣдовательно противно указамъ и градскимъ правамъ».

Какъ бы то нибыло, но Екатерина еще не замѣтила Монса, а потому не изъ чего ей было ему протежировать. Генеральсъ-адъютантъ долженъ былъ искать и дѣйствительно нашолъ помощь у друзей. «Государь мой Виллимъ Ивановичъ! писалъ къ нему Ягужинскій: — за многія ваши писанія благодарствую и прошу на меня не возмните противности какой, что такъ долго не отвѣтствовалъ. Объ дѣлѣ вашемъ здѣсь царское величество указалъ князю Ѳедору Юрьевичу розыскивать, и ужь обо всемъ при дворѣ извѣстны, какъ Боуръ поступаетъ съ вами. И я ему нынѣ довольно писалъ; чаю, отъ моего письма онъ выразумѣетъ и отстанетъ того дѣла. И ты не ѣзди такъ скоро съ Москвы, и исправляй свое дѣло, я уже дамъ знать, когда время будетъ ѣхать. Слуга вашъ, П. Ягужинскій. 9 генваря 1715 года (1).»

При такомъ обязательномъ другѣ, нѣтъ ничего мудренаго, что Монсу удалось надолго засадить Миллера въ тюрьму; вещи его были опечатаны, съ него и съ слугъ сняты допросы, и затѣмъ дѣло все-таки затянулось. «... Ты понимаешь, любезный сынъ,—писала къ нему мать 19 октября 1715 года,—каково той, у которой такая тяжба на шеѣ. Господинъ (т. е. государь) хотя и приказалъ сказать Миллеру, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ выпущенъ, пока не заплатитъ все, но прошло уже двадцать три дня и все опять тихо. У меня никого нѣтъ, кто могъ бы вести дѣло, а когда господинъ сердитъ, тогда никто не смѣетъ ему сказать слово. Похлопочи ты пожалуйста, чтобъ пришолъ указъ Миллеру—или выдать ожерелье и большой перстень, или заплатить деньги...» А между тѣмъ въ ожиданіи указа старуха дала взятку одному изъ дѣльцовъ и дала отъ имени своего сына.

Въ январѣ 1716 года сынъ отправился съ государемъ и государыней заграницу; какъ ни грустна была старухѣ-матери разлука съ сыномъ, но она ясно видѣла, что чѣмъ ближе будетъ Виллимъ къ высокимъ персонамъ, тѣмъ скорѣе увеличится къ нему «оказія». Старуха печалилась только о томъ, что по хворости своей ей едвали

---

(1) Мы не считаемъ нужнымъ сохранять орѳографію подлинниковъ, такъ какъ орѳографія того времени извѣстна, но всѣ письма передаемъ отъ слова до слова. Совершенно въ дружескихъ отношеніяхъ съ Виллимомъ Ивановичемъ былъ и братъ Павла Ягужинскаго Иванъ: «Государь мой Виллимъ Ивановичъ! писалъ онъ въ одной изъ пріятельскихъ къ нему записокъ:—объявляю тебѣ, что (я) табакъ твой разграбилъ, который обѣщаю въ Петербургѣ возвратить. А особливо прошу: кафтанъ, камзолъ и штаны выбери пожалуй и отдай сестрѣ, за что всегда благодарить не оставлю и остаюсь слуга твой Иванъ Ягужинскій».

доведется еще разъ увидать сына; притомъ смущало ее и то, что съ отъѣздомъ сына некому будетъ поприжать Миллера; полоненникъ шведскій имѣлъ, какъ оказывается, довольно сильныхъ покровителей въ лицѣ князя Я. Ѳ. Долгорукова и другихъ. — Пробѣжимъ однако послѣднія письма старухи Монсъ (¹): ими мы закончимъ наше знакомство съ семейными дѣлами генеральсъ-адъютанта.

«...Я болѣе и болѣе ослабѣваю — писала старуха при извѣстіи объ отъѣздѣ сына, — такъ что думаю, что это послѣднее мое письмо и мнѣ остается только пожелать тебя всякаго благополучія на этомъ свѣтѣ... Попроси стараго князя (Меншикова), чтобъ онъ насъ не оставилъ (въ дѣлѣ съ Миллеромъ, который успѣлъ жениться, былъ на службѣ, хлопоталъ объ откомандировкѣ изъ Москвы, и денегъ за подарки Анны Кейзерлингъ не вносилъ). Еслибы императрица повелѣла, — продолжаетъ старуха, — чтобы Миллеръ заплатилъ, то дѣло было бы сдѣлано, а теперь оно кажется остановилось, — Миллеръ дѣлаетъ: что хочетъ. Мнѣ надобно еще получить отъ г. Лаусона 20,070 талеровъ; если ты его увидишь, то скажи ему, что покойная сестра твоя хотѣла ихъ пожертвовать на церковь...»

Эти 20,070 талеровъ — неболѣе какъ грубая описка, что̀ впрочемъ и видно изъ другого письма, въ противномъ случаѣ были бы совершенно непонятными какъ безпрестанныя жалобы старухи Монсъ на бѣдность, такъ и настойчивыя вымогательства всего семейства ожерелья, перстня, кувшинца и другихъ бездѣлицъ отъ полоненника Миллера; о нихъ напоминается матерью безпрестанно, и къ напоминаньямъ скоро присоединяются мольбы, чтобъ Виллимъ «для своей же пользы... *позаботился бы о деревнѣ*», т. е. побилъ бы челомъ государю о полученіи нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ съ съ душами: «богъ-знаетъ, — замѣчаетъ Модеста Монсъ — долго ли мнѣ остается еще жить, но я хотѣла бы по крайней мѣрѣ при жизни имѣть деревню (надо бы сказать: «еще деревню») и знать, что послѣ моей смерти у тебя будетъ своя собственность». — Объ этой «собственности» старуха писала къ Макарову, умоляя его порадѣть о деревенькѣ ей, матери бывшей фаворитки... Между тѣмъ, несмотря на недуги, Модеста неустанно наставляла сына на его скользкой дорогѣ дворцовой жизни. «Придерживайся Макарова, писала она, — онъ все знаетъ...» «Друзья наши говорятъ, — возбуждаетъ Монсъ сына, — что былъ бы великій срамъ, если бы сынъ, дочь и зять (т. е. Виллимъ, Матрена и Ѳ. Балкъ), такъ высоко стоящіе у его величе-

(¹) Москва, нѣмецкая слобода, письма отъ 15, 31 января, 2 февраля, неизвѣстное число, 29 іюня, 11-го октября 1716 г. затѣмъ 3, 28 января, 14, 28 февраля и 7 августа 1717 года, — послѣднее письмо писано не ея рукой.

ства, не покончили бы дѣло съ успѣхомъ... Любезный сынъ! не введи насъ въ позоръ и не давай нашимъ врагамъ восторжествовать надъ нами... Прощай, мое дитя, я почти ослѣпла... отъ слезъ!»

Наконецъ съ Миллера стребованы деньги за вещи, полученныя имъ отъ покойной Кейзерлингъ, но и тутъ плачется Монсъ: «полученная сумма меньше стоимости вещей... а главное все-таки, любезный сынъ, постарайся насчетъ деревни, дабы ты что-нибудь имѣлъ въ нуждѣ, попроси секретаря (т. е. Макарова): онъ тебѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ...» Старуха еще думала о корысти, о захолопленіи за семьей еще нѣсколькихъ сотъ крестьянскихъ душъ, а между тѣмъ смерть ужь подступала къ ней: «Любезное дитя, писала Модеста къ сыну въ концѣ 1716 года: — я была очень слаба, такъ что лишилась уже языка и никто не думалъ, чтобъ мнѣ довелось прожить еще день... Теперь я опять немного оправилась и надѣюсь, что богъ умилосердится надъ *бѣдной сироткой* (1); она такъ горько плакала и такъ умоляла бога, чтобъ онъ не сдѣлалъ ее вновь сиротой, что всѣ удивлялись; она не отходила отъ моей постели; мальчикъ (не сынъ ли Кейзерлинга?) тоже безпрестанно меня дергалъ за руку и такъ жалостно плакалъ, что ужасно было его слушать... Ради-бога, любезный сынъ, не оставь бѣдной дѣвочки, позаботься, чтобъ она попала въ Данцигъ (къ Балкшѣ), или оставь ее у себя; твоя сестра (Матрена) не будетъ столь жестока, чтобъ не принять ребечка... Когда я спрашиваю у дитяти, у кого она хочетъ быть, если я умру? она горько плачетъ и кричитъ: «не дай-богъ, чтобы *бабушка* умерла, а если умретъ, то нехочу быть ни у кого больше, кромѣ Виллима Ивановича.» Она порядочно читаетъ и очень богомольна, какъ большой человѣкъ...» «Дай-богъ, переходитъ умирающая къ предмету еще болѣе ее интересующему, — дай-богъ, чтобы ты получилъ деревню и что-нибудь такимъ образомъ имѣлъ; *времена вѣдь перемѣнчивы!* Каменный домъ, въ которомъ жила твоя сестра, хотятъ продать; постарайся, чтобы ты его получилъ...»

«Ты хочешь взять отпускъ — пишетъ мать Виллиму въ январѣ 1717 года — и пріѣхать сюда? Это извѣстіе меня очень обрадовало, но будь остороженъ, чтобы не навлечь на себя немилости ихъ величествъ; враговъ у насъ довольно. Еслибы богъ порадовалъ императрицу (т. е. царицу, 1717 года) рожденьемъ принца и тебя бы прислали сюда съ радостнымъ о томъ извѣстіемъ, вотъ было бы хо-

(1) Старуха пишетъ о *нѣкоторой сиротѣ*, которой Анна Ивановна, какъ мы видѣли выше, завѣщала кой-какія драгоцѣнныя вещи. *Нѣкоторая сиротка* не была-ли плодомъ любви Петра къ Аннѣ Монсъ?

рошо!..» (1) И за этимъ «хорошо»,—повтореніе сѣтованій и напоминаній сыну, чтобъ тотъ постарался вымолить деревеньку; «секретарь, (т. е. Макаровъ) — пишетъ старуха, — обѣщалъ мнѣ все для меня сдѣлать, лишь бы ты ему сказалъ объ этомъ, онъ тебѣ поможетъ; *ты слишкомъ застѣнчивъ* (!)»...

Съ этими сѣтованіями на печали, мнимую нужду, на небывалую застѣнчивость сына, старуха сошла въ могилу. Она умерла 4 октября 1717 года въ нѣмецкой слободѣ, на 65 году отъ рожденія (2)...

Изъ груды ея писемъ мы извлекли только тѣ мѣста, которыя сколько-нибудь могутъ характеризовать семейныя отношенія и домашній бытъ Виллима Ивановича; при скудости матерьяловъ о первомъ періодѣ его жизни и непосредственно до его личности относящихся, понеобходимости надо пользоваться такими документами, каковы письма его матери. Разумѣется въ этихъ письмахъ рисуется несравненно болѣе сама старуха, нежели ея «любезное дитя», но и это не лишнее въ нашемъ разказѣ; дѣло въ томъ, что мать своими наставленіями, напамятованіями, своимъ примѣромъ имѣла сильное вліяніе на Виллима, и будущій фаворитъ многое усвоилъ себѣ изъ материнскаго характера: ея вѣчное недовольство своимъ достаткомъ, ненасытная алчность новыхъ и новыхъ благъ, ея попрошайничество, заискиванье у разныхъ сильныхъ лицъ, умѣнье найти благотворительныхъ себѣ особъ,— всѣ эти черты своего характера старуха какбы завѣщала Виллиму Ивановичу. Не все ли однако равно, какимъ характеромъ одаренъ былъ одинъ изъ генеральсъ-адъютантовъ Петра-великаго? Мало ли ихъ было, и стоитъ ли для нихъ отводить такъ много мѣста въ очеркахъ петровскаго времени? Не стоило бы говорить такъ много объ комъ-нибудь другомъ, только не о Монсѣ. Эта личность, какъ мы увидимъ далѣе,

---

(1) Принцъ дѣйствительно родился, но выжилъ, только три часа и Монсу недовелось скакать съ радостнымъ извѣстіемъ въ Петербургъ.

(2) Сохранилась приходо расходная тетрадь, веденная кѣмъ-то изъ домашнихъ со дня смерти матери Монса; втеченіи почти года вписывались всѣ мельчайшіе расходы; въ графѣ прихода значится декабря 1717 года: проданъ портретъ (?) — 250 руб.; ожерелье — 100 руб.; февраля 1718 года получено отъ сержанта изъ Преображенскаго для (какого-то) Гришки 7 руб.» и проч. Тутъ же подробнѣйшій реестръ расходамъ на погребеніе старухи; разныхъ счетовъ и записокъ, веденныхъ самой старухой при жизни: видно, что она оставила послѣ себя значительное наслѣдство сыну; оно состояло изъ деревяннаго дома въ нѣмецкой слободѣ, жалованной царемъ деревни, множества золотыхъ и брильянтовыхъ вещей, тщательно внесенныхъ самой старухой въ реестры, наконецъ осталось послѣ нея множество разныхъ матерій, платье, мѣха, бѣлье, серебряный сервизъ и проч. Всѣ вещи, приготовлены были самой матерью въ августѣ 1716 года къ передачѣ послѣ ея смерти «любезному сыну».

въ послѣдніе годы царствованія Великаго обращаетъ на себя вниманіе всей знати (кромѣ самого государя); вся аристократія обращается къ нему какъ къ счастливой звѣздѣ, какъ къ своему велемочному патрону во всѣхъ ихъ семейныхъ и общественныхъ нуждахъ; вокругъ Монса группируется громадная партія, которая изъ эгоистическихъ цѣлей оберегаетъ его какъ зѣницу ока... Эта партія почти вся состоитъ изъ *главнѣйшихъ птенцовъ* Петра и незная ихъ отношеній къ нему, мы бы многое потеряли для знакомства съ птенчиками преобразователя; ктому же многія важнѣйшія дѣла рѣшаются при посредствѣ Монса, онъ для всѣхъ нуженъ, онъ силенъ не личными достоинствами, онъ силенъ любовью къ нему Екатерины Алексѣевны; Монсъ имѣетъ на нее громадное вліяніе, а та, послушная своему фавориту, дѣйствуетъ на Петра... Итакъ для знакомства съ птенцами Великаго, для обрисовки его замѣчательной супруги, для оживленія предъ нами самого Петра въ послѣдніе годы его царствованія,— вотъ для чего мы группируемъ тѣ мелкія черты, которыя знакомятъ насъ съ такой повидимому ничтожной личностью, какою дѣйствительно окажется (въ нравственномъ отношеніи) фаворитъ Екатерины...

III

МАРТА СКОВРОНСКАЯ

1705—1716

Въ 1705 году двадцати-трехлѣтняя красавица «Катерина Василеостъская» (1) Сковаронская, перевезена къ Петру-великому во дворецъ. Марта приняла православіе, ее нарекли Екатериной. 28 декабря 1706 года, новая связь государя закрѣплена рожденіемъ дочери (2). Съ этого времени положеніе плѣнницы упрочивается: Петръ привязывается къ ней и ея значеніе быстро увеличивается. Безпрестанныя отлучки вызывали государя на переписку съ Екатериной, или лучше сказать съ ея приставницами; по этимъ коротенькимъ цидулкамъ Петра лучше всего можно прослѣдить возрастаніе его привязанности къ красавицѣ. Просмотримъ обращенія цидулокъ, они довольно характеристичны. Въ первые годы своей связи Петръ попросту называетъ Екатерину «маткой»; съ 1709 года письма его прямо обращаются къ ней одной, а не общія съ письмами къ Анисьѣ Кириловнѣ Толстой, приставницѣ при Екате-

(1) Такъ называлъ ее Петръ въ 1708 г.

(2) Екатерины; она умерла 27 іюня 1708 г.

ринѣ. «Матка, здравствуй!» или «Мудеръ!» эти обращенія смѣняются государемъ на болѣе ласкательныя выраженія въ концѣ 1711 года, то-есть послѣ того какъ въ мартѣ сего года Екатерина объявлена имъ женой. Отнынѣ въ началѣ царскихъ цидулокъ мы читаемъ: «Катеринушка, другъ мой, здравствуй!» На пакетѣ къ ней прежняя надпись: «Катеринѣ Алексѣевнѣ» замѣнена: «государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ». Пять лѣтъ спустя, обращенія на пакетахъ дѣлаются еще торжественнѣе: письма адресуются: «ея величеству пресвѣтлѣйшей государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ», а самыя письма по однимъ ужь оголовкамъ дѣлаются еще нѣжнѣе; съ 1716 г. Петръ такъ привѣтствуетъ бывшую фаворитку: «Катеринушка, другъ мой сердешинкой, здравствуй!»

Итакъ отношенія Петра къ Екатеринѣ, въ 1716 году окончательно закрѣпившіяся нѣжною любовью, начались въ 1705 году. Народъ и солдатство, зорко приглядывавшееся ко всѣмъ «дѣяніямъ» монарха, тотчасъ заявило недовольство на связь государя съ безвѣстной дочерью лифляндскаго крестьянина. Недовольство выразилось разумѣется не въ чемъ ином, какъ въ «неудобь сказаемыхъ» толкахъ, быстро облетавшихъ народныя массы: «неподобаетъ монаху, такъ и ей Катеринѣ на царствѣ быть: она не природная и не русская: и вѣдаемъ мы,— говорилъ одинъ изъ старыхъ служивыхъ,— какъ она въ полонъ взята (24 авг. 1702 г.) и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ, и караульной нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ... Она съ княземъ Меншиковымъ его величество кореньемъ обвели... и только на ту пору нѣтъ солдатъ, что онъ всѣхъ разослалъ, а то надъ ними (т. е. надъ Меньшиковымъ и Екатериной) что-нибудь да было-бъ!»

Екатерина дѣйствительно словно кореньемъ обвела Петра: въ разгарѣ борьбы своей съ Карломъ, полагая жизнь свою въ опасности, государь незабылъ ея и назначилъ выдать ей съ дочерью 3,000 руб. Сумма значительная относительно своего времени и извѣстной уже намъ бережливости Петра (1).

При этомъ свойствѣ характера особенно интересно встрѣчать въ его письмахъ къ Екатеринѣ извѣщенія о посылаемыхъ ей подаркахъ и гостинцахъ (2). Нельзя сказать, чтобы «презенты» препровождались часто или чтобъ они были цѣнны, но они являли вниманье и любовь государя къ своей красавицѣ. Такъ посылалъ онъ «маткѣ» «матерію — по желтой землѣ да кольцо, а маленькой (до-

(1) Записка его 5 янв. 1708 г.

(2) Письма 8 янв. 1707 г. изъ Москвы; 29 янв. 1708 г. изъ Вильно; 14 сент. 1711 г. изъ Карлсбада; 2 окт. 1712 г. изъ Берлина; 2 мая 1713 г. изъ Полтавы и проч.

чери) полосатую», съ желаньемъ «носить на здоровье»; либо покупалъ для нея «часы новой моды, (въ которыхъ были) для пыли внутри стеклы (т. е. въ предохраненіе отъ пыли), да печатку, да четверной лапушкѣ втраіомъ» (?), съ извиненіемъ, что «больше за скоростью достать немогъ, ибо въ Дрезденѣ только одинъ день былъ»; въ другой разъ часы и печатки замѣнялись «устерсами», которыя отправлялись въ томъ числѣ, «сколько могъ сыскать». Но вотъ Екатеринушка взгрустнулась, о томъ писалъ отъ ея имени секретарь, и Петръ спѣшилъ изъ дальней Полтавы препроводить къ ней бутулку венгерскаго, съ убѣдительнѣйшею просьбой: «для-бога, не печалиться, мнѣ тѣмъ наведешь мнѣнье. Дай-богъ на здоровье вамъ пить; а мы про ваше здоровье пили», успокоительно писалъ государь.

Любовь выражалась не въ однихъ посылкахъ устерсовъ да бутылокъ съ венгерскимъ: она высказывалась въ постоянныхъ заботахъ государя о любимой женщинѣ; забывая первенца-сына и его воспитаніе, рѣшительно изгладивъ изъ своей памяти образъ злополучной первой супруги, а за ней и первой метрессы, Петръ какъ зѣницу ока хранилъ вторую и болѣе счастливую фаворитку. Посмотрите, съ какой убѣдительностью пишетъ онъ изъ «Грипъсвалда» (1) Катеринушкѣ: «поѣзжай (съ) тѣми тремя баталіоны, которымъ велѣно идтить въ Анкламъ; только для-бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на сто сажень не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ суловъ зѣло много въ Гаѳѣ и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя»; цѣлыя письма посвящались распоряженіямъ касательно путешествія «сердешнинькаго друга», посылался къ ней маршрутъ, выставлялись лошади, разсуждалось о погодѣ и о томъ, насколько можетъ она повредить переѣзду «Катеринушки». «Дай-боже,— замѣчалъ нѣжно супругъ,— чтобъ здрава проѣхали (2), въ чемъ опасеніе имѣю о вашей непразности». Суровый деспотъ, человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, спокойно смотрѣвшій на смерть родного сына, Петръ въ своихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ былъ рѣшительно неузнаваемъ: письмо за письмомъ посылалось къ ней, одно другого нѣжнѣе, и каждое полное любви и предупредительной заботливости. Такъ по поводу поѣздки, о которой государь неразъ уже писалъ, два дня спустя послѣ одного изъ подобныхъ писемъ, Петръ вновь пишетъ къ женѣ: «Для-бога,— говоритъ онъ ей между прочимъ, — чтобъ я не желалъ вашей ѣзды сюды, чего сама знаешь, что желаю; и лучше ѣхать,

(1) 8 авг. 1712 г.

(2) 28 нояб. 1716 г. изъ Бременѳера; 1 дек. 1716 г. изъ Лингена; 3 дек. 1716 г. изъ Гора; 2 янв. 1717 г. изъ Амстердама.

нежели печалиться. Только не могъ удержаться, чтобъ не написать; а вѣдаю, что не утерпишь, и которою дорогою поѣдешь, дай знать.» «Дай-боже,—въ волненіи писалъ Петръ нѣсколько времени спустя,— чтобъ сіе письмо васъ уже разрѣшенныхъ (отъ бремени) застало, чего въ олтерацыі (т. е. въ душевномъ безпокойствѣ) своей и радости дожидаюсь по вся часы». Вслѣдъ за письмомъ отправленъ «славнѣйшій лекарь»; его сопровождали различныя пожеланія насчетъ беременной Катеринушки.

Государь тосковалъ безъ нея; тоску по ней онъ сталъ заявлять очень рано, — еще въ 1708 году, хотя тогда это высказывалось шуткой, ею и покрывалось желаніе видѣть подлѣ себя «необъявленную» еще подругу: «гораздо безъ васъ скучаю», писалъ онъ ей изъ Вильно; а потому, что «ошить и обмыть некому»... «прелаю васъ въ сохраненіе божіе и желаю васъ въ радости видѣть, что лай, дай-боже!» «Для-бога пріѣзжайте скоряй», — приглашалъ государь «матку» въ Петербургъ, въ день собственнаго пріѣзда въ возникавшую столицу:—«а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ»... «Хочется (мнѣ) съ тобою видѣться, а тебѣ, чаю, гораздо больше, для того что я въ двадцать семь лѣтъ былъ, а ты въ сорокъ два года не была»... Приглашенія пріѣзжать «скоряя, чтобъ не такъ скучно было», сожалѣнія о разлукѣ, желанія добраго здоровья и скорѣйшаго свиданія пестрили чуть не каждую интимную цидулку сорока-двухлѣтняго супруга (1).

Откуда же проистекала эта тоска по милой, или лучше-сказать чѣмъ поддерживала «Катеринушка» такую страсть въ Петрѣ, въ человѣкѣ бывшемъ до этого времени столь непостояннымъ? Что приносила съ собой эта женщина въ семейный бытъ дѣятельнаго государя?

Съ нею являлось веселье; она кстати и ловко умѣла распотѣшить своего супруга — то князь-папой, то всей конклавіей, то бойкой затѣей веселаго пира, въ которомъ не затруднялась принять живѣйшее участіе. Мы тщательно вглядывались въ живописные портреты этой, по судьбѣ своей, замѣчательной женщины; портреты эти современны ей и нынѣ украшаютъ Романовскую галерею въ зимнемъ дворцѣ. Черты лица Екатерины неправильны; она вовсе небыла красавицей, но въ полныхъ щекахъ, въ вздернутомъ носѣ, въ бархатныхъ, то томныхъ, то горящихъ (на иныхъ портре-

(1) 29 янв. 1708 г. изъ Вильно; 20 марта 1708 г. изъ С. Петербурга; 31 авг. 1709 г. изъ Люблина; 30 сент. 1709 г. изъ Торна; 14 авг. 1712 г. изъ Волгаста; 9 февр. 1716 г. изъ Марингоза; 3 іюля 1716 г. изъ Гукара при Ѳалтерѣ; 14 нояб. 1716 г. изъ Габельберга; 18 янв. 1717 г. изъ Амстердама

тахъ) огнемъ глазахъ, въ ея алыхъ губахъ и кругломъ подбородкѣ, вообще во всей физіономіи столько жгучей страсти; въ ея роскошномъ бюстѣ столько изящества формъ, что немудрено понять, какъ такой колоссъ какъ Петръ всецѣло отдался этому «сердешнинькому другу». И отъ него вовсе не требовалось глубокаго ума и какой-нибудь образованности: Петръ любилъ «Катерину» сначала какъ простую фаворитку, которая нравится, безъ которой скучно, но которую онъ не затруднился бы и отставить, какъ отставлялъ многоизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ «метрессъ»; но съ теченіемъ времени, онъ полюбилъ ее какъ женщину, тонко освоившуюся съ его характеромъ, ловко примѣнившуюся къ его привычкамъ.

Женщина, нетолько лишонная всякаго образованія, но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла являть предъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и вообще интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что «жена его, а моя мачиха — умна!» и не безъ удовольствія дѣлился съ нею разными политическими новостями, замѣтками о происшествіяхъ настоящихъ, предположеніями насчетъ будущихъ. Таковы письма его (1) къ «Катеринушкѣ» съ извѣстіями о битвахъ съ шведами какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; такова просьба его — самой ей пріѣхать для поздравленія его съ полтавской викторіей; въ томъ же родѣ замѣтка по поводу сдачи Выборга, о сношеніяхъ съ союзниками или извѣстія о дѣлахъ въ Помераніи. Особенно знаменательна слѣдующая жалоба государя, которая невольно выливается у него предъ «другомъ Катеринушкой»: «мы слава-богу здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо левъшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь!»

Всѣ эти вѣсти, замѣтки и разсужденія Петра сердешненькой другъ выслушивала съ большимъ тактомъ: въ отвѣтахъ, писанныхъ съ ея словъ секретаремъ вы не найдете никакихъ совѣтовъ, либо пригодныхъ къ дѣлу мнѣній, ни то, ни другое не высказывается, но въ тоже время здѣсь въ полушутливомъ и полусерьезномъ тонѣ являются заявленія удовольствія, даже радости, смотря по роду сообщаемыхъ Петромъ извѣстій. Такъ что государь не ждалъ помощи въ дѣлѣ отъ «Катеринушки» — нѣтъ, онъ просто хотѣлъ видѣть, и къ полному своему удовольствію видѣлъ, съ ея стороны

---

(1) 31 авг. 1708 г. — р. Черная Мяпна; 27 іюня 1709 г. — лагерь подъ Полтавой; 14 іюня 1710 г. — Выборгъ; 14 сент. 1711 г. — Карлсбадъ; 2 авг. 1712 г. — Грипъсвалдъ; 29 іюля 1714 г. — Ангутъ; 15 іюля 1716 г. — Борнгольмъ.

сочувствіе къ его внутреннимъ дѣяніямъ и къ его подвигамъ на ратномъ полѣ. Этого сочувствія было достаточно; Петръ не требовалъ больше, что́ видно даже изъ его порученій женѣ; всѣ они ничтожны и состоятъ изъ просьбъ высмотрѣть мѣсто для какого-нибудь завода, прислать кой-какія вещи, съѣстные припасы, а чаще всего пива да вина (1). Нѣкоторыя просьбы трудно было исполнить, но то были шутки: такъ въ одной изъ цидулокъ государь просилъ между прочимъ, чтобъ «Катеринушка поголила до середы распростатца» (отъ бремени). За всѣмъ тѣмъ Екатерина была вѣрной исполнительницей желаній мужа и угодницей его страстей и привычекъ; тѣ и другія охватили ея собственнымъ существомъ. Такъ съ большою ревностью шлетъ она безпрестанно любимѣйшіе презенты мужа, то-есть пиво, водку и вина. Государю частенько доводилось благодарить за эти хотя и хмѣльные, но вещественные знаки сердечныхъ отношеній (2). Количество подобныхъ подарковъ распредѣлялось Екатериной соразмѣрно обстоятельствамъ, такъ что въ бытность государя на минеральныхъ водахъ, онъ получалъ презенты «въ одну бутылочку». «Чаю, что духъ пророческой въ тебѣ есть, — благодаритъ Петръ за одинъ изъ подобныхъ презентовъ, — что одну бутылку прислала, ибо болѣе одной рюмки его не велятъ въ день пить; итакъ сего магазина будетъ съ меня.»

Но отодвинувъ бутылки съ водкой и виномъ, заглянемъ въ тѣ отписки екатерининскихъ секретарей, при которыхъ прилагались хмѣльные презенты. Изъ писемъ Екатерины вошло въ печатное изданіе одинадцать грамотокъ до 1717 года; первая изъ напечатанныхъ относится къ 17 августу 1713 года. Всѣ онѣ на русскомъ языкѣ; но нами найдено ея письмо 1708 года на нѣмецкомъ языкѣ (3); затѣмъ остальныя — на русскомъ; содержаніе ихъ вообще небогато, но полно остротъ и шутокъ, придуманныхъ секретарскимъ ли юморомъ, или высказанныхъ дѣйствительно самой Екатериной, и только облеченныя въ тяжолую форму тогдашнихъ писаній. Тутъ поздравленія съ чиномъ генерала, съ счастливымъ окончаніемъ компаніи, тутъ

---

(1) 2 авг. 1713 г. съ Луткѣръ. недошедъ новой крѣпости; 5 сент. 1714 г. — Кронштотъ; 9 іюля 1715 г. — Ревель; 19 апр. 1716 г. — Экестоль.

(2) 25 декабр. 1712 г. — Пампоу; 5 сент. 1714 г. — Кронштотъ; 30 мая 1716 г. — Пиремондъ; 5 іюня 1716 г. — Перамондъ.

(3) Приводимъ его въ приложеніи № II. а здѣсь помѣщаемъ переводъ:

«Пресвѣтлѣйшій и милостивѣйшій господинъ дядя! Поздравляю ваше величество съ одержанными побѣдами и желаю, чтобы я вскорѣ имѣла бы милость здѣсь представиться вашему величеству и увѣрить, что я съ глубочайшимъ почтеніемъ навсегда остаюсь, всемилостивѣйшій господинъ дядя, вашего величества всеподданнѣйшая Катерина.»

извѣстія о посылкѣ гостинца, вродѣ напримѣръ пива или свѣжепросольныхъ огурцовъ, и все это пересыпано шутками, нѣжными заявленіями любви, просьбами о скорѣйшемъ пріѣздѣ (1), расказами о попойкахъ. Чтобъ познакомиться съ тономъ этихъ писемъ, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ цидулокъ, невошедшихъ въ изданіе комиссіи:

«Другъ мой сердешной Господин Господанъ Контра Адмирал здравствуй на множество лѣтъ, доношу вашей милости, что я пріѣхала сюда по писму вашему. У Государя Нашева со многимъ прошением просила, чтоб онъ изволил побыть здѣсь до Успеньева дни (2). Но его величество весьма того и слышать не хотѣлъ, объявляя многия свои нужды на Москвѣ. А намѣренъ паки сюда пріѣхать к Сентябрю мѣсяцу, и отсель изволитъ итить конечно сего маия 25 числа. При сем прошу вашей милости, дабы изволил увѣдомит меня своим писанием о состояніі дражайшего своего здравия и счастливомъ вашем прибытіи к Ревелю, что даждь Боже. Засимъ здравие вашеі милости в сохранение Божие предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. Из Санктъпитербуха мая 23. 1714 г.

«P. S. вчерашняго дня была я въ Питер Гофе, гдѣ обѣдали со мною 4 ковалера, которые по 290 лѣт. А именно Тихон Никитичь, Король Самояцкой, Іванъ Гавриловичь Беклемишев, Іван Ржевской и для того вашей милости объявляю, чтоб вы не изволили приревновать.» (3)

«При отпуске сего доносителя — писалъ секретарь отъ имени Ека-

---

(1) Изд. ком. печат. госуд. грам. и договоровъ, состоящею при московск. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. М. 1861 г., стр. 151—157.

(2) Въ этомъ письмѣ Екатерина, какъ кажется, шутливо жалуется на князя кесаря Ромодановскаго.

(3) Каб. д. 2-ая пол. т. XXI, л. 1033. Слѣдующее письмо вошло въ изданіе комиссіи (стр. 154.) со списка несовсѣмъ полнаго. Приводимъ его изъ XXI книги кабинетскихъ дѣлъ, л. 1036: «другъ мой сердешной Господинъ Контра-адмирал Здравствуй на множество лѣтъ! писание вашей милости Іюня от 18 дня писанное я получила, в которомъ изволили писать, что ваша милость к Финлянским берегамъ прибыли благополучно, чему я зело порадовалась. И за оное писание вашей милости благодарствую. На сихъ дняхъ получила я писма к вашей милости писанныя, одно от Государя Царевича, другое из Санктъ-Питербурха от детей нашихъ, в которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою. И оные писма при сем посылаю; також посылаю к вашей милости помаранцовъ и других овощей з денщиком Клокачевым и желаю, дай-боже, вам оное на здравие употреблять. Засимъ здравие ваше в сохранение божие предав, остаюсь жена твоя Екатерина. в 23 ч. Іюля 1714. Ревель. P. S. Отправленные изъ Санктпитербуха с правиантомъ .... (боты?) и другие морские всего 15 судовъ на сих дняхъ прибыли сюда благополучно о чемъ уповая, что и князь василей володимерович (Долгоруковъ) к вашей милости писалъ.»

терины, въ новомъ письмѣ — ко извѣстию вашей милости иного не имѣю, токма что здѣсь, за помощию вышняго, благополучно состоитъ. А я зѣло сожалѣю, что после первого вашего писания, которое изволил писат от финских берегов, никакой вѣдомости от вашей милости по сие время не имѣю, и того для прошу, дабы изволили меня увѣдомит о состоянні своего дражайшего здравия, чего я от сердца желаю слышать. Посылаю к вашей милости полпива и свѣже-просоленныхъ огурцовъ; дай-боже вам оное употреблят на здравие. Засим здравие вашей милости во всегдашнее божие сохранение предавъ, остав жена твоя Екатерина. От 30 Іюля 1714. Ревель.

«P. S. против 27 числа сего мѣсяца довольно слышно здѣсь было пушечной стрѣльбы. А гдѣ оная была у вас ли или где инде о том мы не извѣстны; того для прошу съ симъ посланнымъ курiером Кишкинымъ увѣдомит насъ о семъ, чтоб мы без сомнѣния были.» (1)

Дня два спустя сомнѣніе разрѣшилось радостнымъ извѣстіемъ «о николи у насъ бывшей викторіи на морѣ, надъ шведскимъ флотомъ». Петръ спѣшилъ предъ женой излить свою радость; та отвѣчала поздравленіемъ и извѣстіемъ о пиршествѣ, которымъ встрѣтила вѣсть о побѣдѣ (2): «а что ваша милость изволили упомянуть в своем писмѣ, чтоб мнѣ здѣсь вашу милость ожидать, а ежели мнѣ будет время, то ѣхать въ санктъ-питербухъ, и я сердечно желаю счастливаго вашего сюда прибытия. Но вѣдаю, что ваша милость дѣло свое на жену променят не изволите. И намѣрена я отсель пут свой восприять с помощию божиею в Санктъ-питербурхъ сего августа съ 16 числа. Засим здравие вашей милости во всегдашнее божие защищение предав, остаюсь жена твоя Екатерина. 4 августа. 1714 г. Ревель. P. S. Прошу должной мой поклон отдать и поздравит от меня нынешнею викториее Господина Князь-Баса (Ивана Головина); також изволъте у него спросит: нынешние найденыши (т. е. отбитые у шведовъ корабли) какъ он пожалуетъ, детми или Пасынками?

«Також прошу васъ, батюшка мой, ежели не надѣетес вскоре к

---

(1) Каб. II пол. т. XXI л. 1031.

(2) Только начало этого письма напечатано комиссіей (стр. 155); но и тутъ есть, впрочемъ незначительные, варіянты съ видѣннымъ нами спискомъ (каб. 2-ая п. т. XXI, л. 1034). Въ послѣднемъ напр.: «*третьяго* дня получила»; изд. ком.: «*вчерашняго* числа получила». У насъ: «*вчерашняго дня* воздавали»; ком: «*сей день* воздавали». Второй половины письма вовсе нѣтъ въ изд. комиссіи; мы ее приводимъ.

нам быть, изволь почаще ко мнѣ писать, что мнѣ в немалое порадование будетъ.» (1)

Безъ всякаго сомнѣнія, во всѣхъ этихъ секретарскихъ грамоткахъ многое, если не все, диктовалось самой Екатериной; разныя шутки, доходившія до чрезмѣрной, и по тому времени обыкновенной фамильярности, прямо показываютъ, что онѣ непремѣнно должны были принадлежать никому другому какъ ей самой, такъ какъ на нихъ не рѣшился бы никто изъ ея приближонныхъ, хотя бы и отъ ея имени (2).

Такъ напр. она намекала мужу еще въ 1709 году *о забавахъ*... «и того нѣтъ у насъ, — отшучивался Петръ, — понеже мы люди старые и не таковскіе»... «Пишешь ты, — говорилъ онъ два года спустя, — якобы для лекарства, чтобъ я нескоро къ тебѣ пріѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого-нибудь вытнѣе (здоровѣе) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли или изъ тарунъчанъ? я больше чаю: изъ тарунчанъ, что хочешь отомстить, что я предъ двемя лѣты запялъ. Такъ-то вы евины дочки дѣлаете надъ старикамп!»

Подобныя шутки были вызываемы и поддерживаемы Екатериной; впрочемъ въ ея первыхъ письмахъ, отысканныхъ пока въ незначительномъ числѣ, такого рода шутки встрѣчаются рѣже; зато Петръ и въ эти годы, болѣе и болѣе сближаясь съ «сердешнинькимъ другомъ», не упускалъ случая потрунить надъ своей *старостью* и ея, пока еще мнимой, вѣтреностью (3): «хотя ты меня и не любишь, — замѣчалъ онъ, извѣщая о поправленіи своего здоровья, — однакожъ чаю, что тебѣ сія вѣдомость не противна, и рюмку выпьешь купно съ своими столпами.»

1716 и 1717 года были особенно богаты письмами Петра къ Екатеринѣ; въ это время государь осыпалъ ее ласками, подарками, безпрестанно заявлялъ желанія скорѣйшаго свиданія, являлъ забот-

---

(1) Осенью того же года Екатерина вернулась въ столицу и отсюда писали отъ ея имени въ Москву, къ Макарову: «Господинъ секретарь. При отѣзде вашем отсель приказывали мы вамъ, чтоб вы обявили князю Матвѣю Петровічу (Гагарину) о кувшінахъ китаіскихъ, также і о соболяхъ, о которых Мы прежде писали, чтоб прислат пять паръ і ежелі оные кувшіны і соболі еще сюда не отправлены, то веліте прислат к нам немедленно; впротчемъ пребываемъ в мілости склонная царица Екатеріна. из Санктъ питербуха. Ноября въ 3 ч. 1714.» Каб. 2-ая пол. т. XXI, л. 1032.

(2) 24 сент. 1709 г. — Варшава; 16 окт. 1709 г. — Мариенверденъ; 19 сент. 1711 г. — Карлсбадъ и друг.

(3) 29 янв. 1716 г. — Нарва; 23 мая 1716 г. — Алтенау 5 іюня 1716 г. Перамондъ; 4 янв. 1717 г. Амстердамъ. Переписку Екатерины одно время велъ секретарь Александръ Андреяновичъ Яковлевъ. Въ 1723 году онъ былъ посланъ резидентомъ въ Персію.

ливость о дѣтяхъ Екатерины, и зачастую посылалъ свои грамотки къ ней одну за другой, въ разстояніи четырехъ-пяти сутокъ (1).

И вотъ, когда страсть государя къ женѣ обратилась въ то чувство глубокой привязанности, которая прекращается развѣ съ смертью; въ то время, когда Петръ отъ нѣжной цидулки къ женѣ переходилъ къ предписанію сыщикамъ ловить первенца-сына, — въ это-то время Екатерина, гордая побѣдой надъ сердцемъ «старика-батюшки», обращаетъ взоръ исполненный особенной ласки къ своему новому придворному.

IV

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЪ

1716—1723

Генеральсъ-адъютантъ Петра, Виллимъ Ивановичъ Монсъ, принятъ въ началѣ 1716 года камеръ-юнкеромъ ко двору Екатерины.

«Я отъ сердца обрадовалась, — писала къ новому камеръ-юнкеру сестра его, ловкая, догадливая Матрена Ивановна, — отъ сердца обрадовалась, что вы, любезный мой братъ, слава-богу въ добромъ здравіи; Боже помози вамъ и впредь! А вы ко мнѣ пишите, что то къ счастію или несчастію. Богъ васъ сохранитъ отъ всякаго несчастія.»

Въ чемъ состояли обязанности новаго камеръ-юнкера, какія обстоятельства могли поставить Монса въ частыя сношенія съ Екатериной, и тѣмъ самымъ дали ему возможность вызвать ея особенное вниманіе?

Собственно служебныя обязанности камеръ-юнкера не были точно обозначены, но въ его руки мало-помалу перешло многое, что до сихъ поръ было раздѣляемо между разными придворными. Такъ въ рукахъ камеръ-юнкера сосредоточились дѣла по управленію селъ и деревень, состоявшихъ за государыней; управляющіе и приказчики, а также игумены тѣхъ обителей, которыя находились подъ особымъ покровительствомъ царицы, въ скоромъ времени стали

---

(1) Достойно замѣчанія, что въ ста-четырехъ письмахъ Петра къ Екатеринѣ до 1718 года только разъ упоминается о царевичѣ Алексѣѣ. Такъ по поводу свадьбы Алексѣя съ Шарлотой, Петръ поручаетъ Екатеринѣ «объявить всешутѣйшему князь-папѣ и протчимъ (членамъ его собора), чтобъ пожаловалъ благословеніе подалъ симъ молодымъ, облекшися во вся одежды, купно и со всѣми при васъ будущими.» Петръ былъ увѣренъ, что *такая* шутка понравится «Катеринушкѣ».

присылать къ нему отчеты по имѣніямъ, по монастырямъ, смѣты приходовъ и расходовъ; у него просили доклада о тѣхъ или другихъ распорядкахъ предъ государыней. Разсылка ревизоровъ, затѣмъ всѣ постройки, продажи и закупки по имѣніямъ Екатерины пошли чрезъ его руки. Принятіе на службу въ вѣдомство государыни разныхъ лицъ, судъ и расправа нетолько надъ ними, но даже разборка дрязговъ между монахинями и настоятельницами царицыныхъ пустынь (напримѣръ Успенскаго дѣв. монастыря въ Александровой слободѣ, Федоровскаго дѣвичьяго въ Переславлѣ и другіе), назначеніе жалованья, содержанія, наградъ и вспомоществованья, отставка дворцовыхъ чиновниковъ и служителей государыни, — все стало зависѣть отъ Монса. А тутъ легли на него заботы по устройству праздниковъ и гуляній, до которыхъ такая охотница была его госпожа, онъ долженъ былъ поспѣвать сборомъ свѣдѣній о разныхъ новостяхъ для доклада ей, долженъ былъ пробѣгать множество челобитень, съ которыми какъ знатныя, такъ и незнатныя лица во множествѣ обращались къ Екатеринѣ; онъ долженъ былъ вести корреспонденцію съ заграничными поставщиками товаровъ государынѣ и ея семейству, вѣдаться съ ея портными и портнихами по поводу заказовъ платьевъ, завѣдывать ея денежной казной, ея драгоцѣнностями, какъ-то брильянтами и проч.; всѣ *ордеры* Екатерины объявлялись и писались либо самимъ Монсомъ, либо подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. И все это онъ долженъ былъ дѣлать неиначе, какъ состоя *неотлучно* при государынѣ. Камеръ-юнкеръ сопровождалъ ее заграницу, хлопоталъ во время всѣхъ ея переѣздовъ о удобствахъ въ пути и при остановкахъ по городамъ, распоряжался выдачей прогоновъ ея приближеннымъ, наблюдалъ за экипажами, укладкой, вѣдалъ конюшнями государыни, — и между тѣмъ его можно было видѣть близь государыни вездѣ, на всѣхъ торжественныхъ обѣдахъ, на асамблеяхъ и маскарадахъ (1). На немъ же, двадцати восьмилѣтнемъ, статномъ, всегда веселомъ и *пльнительномъ* камеръ-юнкерѣ, состояла обязанность развлекать Екатерину во время частыхъ и продолжительныхъ ея разлукъ съ «старикомъ-батюшкой». Все это входило въ область *служебныхъ обязанностей* Виллима Ивановича, и все это разумѣется никакъ немогло дѣлать его службу скучною, неблагодарною, незамѣтною. При неизбѣжныхъ хлопотахъ онъ видѣлъ себя распорядителемъ значительныхъ матерьяльныхъ средствъ; бѣдность замѣнилась нетолько достаткомъ, но даже роскошью, самолюбіе и тщеславіе было

(1) См. между прочимъ *Берхгольца*, I. 110, 207; II. 349; IV. 25 и проч. Книга разныхъ черныхъ отпусковъ, въ карт. XV по дѣлу Монса, л. 169 и проч.

удовлетворяемо вниманьемъ и заискиваньемъ у него множества лицъ разнаго пола, званія и состоянья, нуждавшихся въ немъ, какъ въ посредникѣ при сношеніяхъ съ государыней; наконецъ ея полнѣйшее расположеніе и довѣріе какъ нельзя болѣе должно было льстить счастливцу.

Не было ли *нравственныхъ* достоинствъ на сторонѣ Монса? вообще говоря — нѣтъ ли данныхъ, по которымъ рѣзче и отчетливѣе обрисовалась бы предъ нами его личность? Данные эти есть, и онѣ сохранились въ его записныхъ тетрадкахъ и письмахъ. Русская грамота ему почти недалась, нѣмецкую онъ зналъ хотя и плохо, впрочемъ пользовался ею довольно свободно, нетолько въ прозѣ, но и въ стихахъ. Изъ-за домашняго очага бочарнаго ученика Ивана Монса, и его ворчливой, суевѣрной старухи, Виллимъ вышелъ полный всевозможныхъ предразсудковъ и вѣрованій. Смотрите, съ какою напримѣръ вѣрою въ непреложныя истины своей гадательной книги онъ вчитывается въ отвѣты «тридцати-шести судей»; отвѣты эти подобраны на вопросы, а тѣ въ свою очередь расположены въ астрологическомъ порядкѣ «по двѣнадцати небеснымъ домамъ».

«Будетъ ли твое счастье постояннымъ или нѣтъ? Хорошо ли, что ты завелъ дружбу съ тою особою?» На этихъ и тому подобныхъ вопросахъ останавливается Монсъ, и въ разнообразныхъ изрѣченіяхъ находитъ совѣты и замѣтки, пригодные въ его положеніи. «Судьи» гласятъ ему напримѣръ: «чтобъ онъ не вспоминалъ о прошедшемъ: тамъ онъ увидитъ только страхъ и нужду»; зато въ настоящемъ ему многое благопріятствуетъ. Гадательная книга пророчила: «ты будешь отмѣнный геній, но недолго проживешь; достигнешь великихъ почестей и богатства; будешь имѣть не одну, но нѣсколько женъ различнаго характера; будешь настоящій волокита и успѣхъ увѣнчаетъ эти волокитства.» Таже гадательная книга вѣщала подобныя премудрости: «когда откроешь свою тайну другому или третьему, то всѣ ее узнаютъ; но впрочемъ добрымъ друзьямъ ты можешь открыть свои тайны.» «Особа, про которую онъ допрашиваетъ астрологію, слишкомъ хитра и коварна; ему вѣрна и любитъ его отъ всего сердца.» И тутъ же: «хотя и любитъ тебя эта особа, но она хочетъ тебя сперва испытать, будешь ли ты постоянен?» «Нѣтъ, — восклицаетъ семнадцатый судья Орфей: — твои надежды на высокія почести и возвышеніе тщетны» и т. п.

Въ противорѣчивыхъ предсказаніяхъ путается нашъ герой, часто совѣтовавшійся съ гадательницей. Рукопись эта списана его рукой, замаслена и обтерта: по всѣмъ признакамъ, Виллимъ Ивано-

вичъ не разставался съ ней (1). Астрологія однако не удовлетворяетъ его; и вотъ суевѣрный камеръ-юнкеръ, неполагаясь ни на нее, ни на красоту свою, ищетъ болѣе надежныхъ средствъ къ удержанію за собой капризной фортуны; онъ жаждетъ успѣховъ по службѣ, богатства, успѣховъ въ прекрасномъ полѣ и прочихъ лавровъ: гдѣ же средства пожать ихъ возможно легче? Это укажетъ ему колдовство, хиромантія. И вотъ онъ ищетъ «нѣкоторую траву, которая растетъ на малой горѣ, красноголовая, съ бѣлыми пятнами; а другая съ синими пятнами, которая растетъ на песку.» Еслибы мы могли встрѣтить вѣчно франтоватаго Монса, мы бы замѣтили на его пальцахъ нѣсколько разнообразныхъ перстней; владѣлецъ ихъ разумѣется скрылъ бы отъ насъ таинственное ихъ значеніе, но въ записныхъ его тетрадкахъ мы находимъ изъясненіе перстней. Оно составлено какимъ-нибудь изъ оракуловъ Монса. Вотъ напримѣръ перстень чистого золота; не безъ основанія не разстается съ нимъ камеръ-юнкеръ: «это есть перстень премудрости; кто такой перстень носитъ, тотъ можетъ что хочетъ говорить о всѣхъ вольныхъ художествахъ сего свѣта. Всѣ доктора его не преодолѣютъ, какъ бы они учены ни были; что онъ ни говоритъ (т. е. владѣлецъ перстня), то всякому пріятно.» Неменѣе важенъ оловянный перстень. Казалось для чего бы его носить? А это между-прочимъ «перстень сокровища; ежели кто такой перстень носитъ на рукѣ, то тому достанутся сребро и злато.» Какъ же послѣ этого не имѣть его всегда при себѣ? Тутъ же талисманъ для «побѣжденія всѣхъ противностей, хотя бы то весь свѣтъ одинъ противъ другого возсталъ». Это желѣзный перстень. Незабытъ и перстень любви: это мѣдное кольцо. Виллимъ Ивановичъ хорошо знаетъ, что «кто сей перстень имѣетъ, тотъ долженъ употреблять его мудро, понеже можно много зла онымъ учинить; кто женской полъ онымъ прикоснетъ, тая его полюбитъ и учинитъ то, что онъ желаетъ» (2).

Должно-быть владѣлецъ особенно часто обращался къ этому перстню; Монсъ былъ нѣмецъ пылкій и необыкновенно влюбчивый. «Марсъ, третій судья», изъ гадальной его тетради недаромъ же предсказалъ, «что онъ будетъ настоящій волокита, и успѣхъ увѣнчаетъ его волокитство.» Онъ ухаживалъ разомъ за нѣсколькими красавицами, успѣвая вездѣ, и свои подвиги держалъ въ строгой тайнѣ; то не былъ грубый ловелась: нѣтъ, во всѣхъ любовныхъ шаш-

---

(1) Книга чернов. отписокъ по дѣлу Монса, л. 296—323. Гадательная тетрадь въ 4 д листа, безъ начала; на нѣмецкомъ языкѣ. Списана рукою Монса, безъ сомнѣнія съ какой-нибудь старинной гадательной книги.

(2) Книга чернов. отписокъ, л. 116.

няхъ Монсъ являлся нѣжнымъ романтикомъ, нѣмцемъ начитавшимся разныхъ сентиментальныхъ стиховъ; въ подражаніе имъ онъ и самъ кропалъ стишонки.

Еще въ періодъ юности Виллимъ Ивановичъ проводилъ многіе часы за подборомъ рифмъ, къ какому-нибудь «ненаглядному купидону», къ «ангелу души», къ какой-нибудь «слободской» красавицѣ Амаліи. Подойдемъ къ нему, посмотримъ что́ онъ выводитъ перомъ на лоскуткахъ записной тетради. Какія-то отдѣльныя слова, разумѣется на нѣмецкомъ языкѣ; это остовъ будущаго посланія: «мое сердце ранено... отчего... разъ вечеромъ... о Амалія!.. мое сердце — Амалія... влюблено... до смерти... прощай, мой ангелъ...» Страсть, романическій вечеръ, раненое сердце, разлука, — все это матерьялъ къ сентиментальному посланію. Но оно не сразу составляется; ему предшествуютъ отрывочныя строки: «ничего нѣтъ вѣчнаго на свѣтѣ — но та, которую я люблю, должна быть вѣчна... Мое сердце съ твоимъ, всегда будетъ едино!.. Моя любовь — мое горе, такъ какъ съ тобой я рѣдко вижусь...» И вотъ слагаются наконецъ нѣмецкіе куплетцы: слѣдующаго содержанія (1).

«...Куда исчезла моя свобода? Я самъ не свой, незнаю зачѣмъ стою, незнаю куда иду... Какую силу назначила мнѣ судьба народовъ? Начатое мною заставляетъ надѣяться... Но къ чему послужатъ мои рѣчи, мои жалобы? Я волнуюсь: то думаю, что сбудется мое желаніе, то вновь сомнѣваюсь... и

«вы, чувства, которыя мнѣ
одно несчастье за другимъ причиняете,
вы указываете, вы мнѣ восхваляете
красоту моего свѣтила!
оно, свѣтило это, мнѣ и улыбнулось,
но вы же, чувства, его затемняете...
но я долженъ думать, что все мое огорченье
предопредѣлено, — такъ бываетъ въ свѣтѣ!..»

Въ придворной жизни, Монса ждали радостныя улыбки не одного свѣтила: молодой красавецъ камеръ-юнкеръ скоро занялъ видное мѣсто между львами екатерининскихъ камеръ-фрау, фрейлинъ и разныхъ ближнихъ аристократокъ; между дамами и дѣвицами тогдашняго двора, даже и на строгій вкусъ пришлыхъ иноземцевъ, было много красавицъ: тутъ были и княгиня Черкасская, львица петровскаго двора, и княгиня Кантемиръ предметъ временной люб-

(1) Въ приложеніи № III мы привели два образчика стихотвореній Монса; они всѣ въ этомъ родѣ: 1) образчикъ его нѣмецкихъ стиховъ; 2) русскихъ, но писаныхъ нѣмецкими буквами.

ви Петра, и злополучная красавица Марья Даниловна Гамильтонъ, и угодливая Анна Ивановна Крамеръ, — словомъ, отъ высшихъ героинь прекраснаго пола до второстепенныхъ личностей Монсъ во всѣхъ рядахъ могъ находить предметы своего обожанія.

«Кто спутанъ узами любви, — говорилъ вѣчно влюбленный камеръ-юнкеръ, — тотъ не можетъ освободиться, и кто хочетъ противостоять любви, тотъ дѣлаетъ оковы свои тягостнѣе.» «И кто хочетъ разумно любить, такъ держи это въ тайнѣ. Любовь можетъ принести огорченіе, если откроется. Кчему другимъ знать, что два влюбленныхъ цалуются?»

Съ этимъ взглядомъ на любовь, съ этими правилами Монсъ еще скорѣе могъ расчитывать на побѣды. Онѣ одерживались нерѣдко; нѣжныя цидулки летѣли при посредствѣ сестрицы его Матрены (1), либо племянника Балка, либо наконецъ «слободскихъ» пріятелей — доктора Брейтингама и Густава Функа, въ разныя семейства русскія и иноземческія (2). Цидулки писались на нѣмецкомъ языкѣ, прозой и стихами; писались онѣ и на русскомъ языкѣ, но нѣмецкимъ шрифтомъ, такъ какъ герой нашъ незналъ русской грамоты. Вскроемъ интимную переписку Виллима Ивановича; она не безынтересна для знакомства съ тѣмъ временемъ:

«Здравствуй, свѣтъ мой матушка, — пишетъ Монсъ какъ-видно къ русской барынѣ, такъ какъ письмо писано порусски, нѣмецкимъ шрифтомъ, — ласточка дорогая изъ всего свѣта любимѣйшая; винность свою приношу, для того что съ вами дружны были; да прошу помилуй меня тѣмъ, о чемъ я просилъ.»

«...А я прошу, — говоритъ онъ въ другой цидулкѣ къ той же ласточкѣ, — пожалуй, матушка, въ томъ на меня не погнѣвайся, что я не писалъ и въ томъ любовь вини, заставляя держать въ сердцѣ (3), а я прошу — пожалуй не держи гнѣва на меня...»

«Сердечное мое сокровище и ангелъ, и купидонъ со стрѣлами,

---

(1) Матрена Ивановна пересылала братцу цидулы его обожательницъ съ такими замаскированными «ремарками»: «посылаю вамъ, братецъ, письмо, о которомъ вы извѣстны отъ кого оное; пожалуйте отдайте (?) и увѣдомьте меня, какой отвѣтъ на оное будетъ...»

(2) Пособники въ любовныхъ продѣлкахъ камеръ-юнкера, иной разъ ссорились между собой и къ Монсу же обращались съ жалобой «прошу тебя, любезный братецъ, — писалъ Брейтигамъ Монсу 22 февр. 1719 г. изъ Москвы, — будь такъ добръ, спроси у Балка, въ чемъ я предъ нимъ провинился, что онъ меня въ Петербургѣ во всякомъ хорошемъ обществѣ позоритъ, будтобы мнѣ всѣ знатныя дамы столь доступны, что всякому желающему имѣть любовную связь стоитъ только обратиться ко мнѣ. Такимъ образомъ, по разказамъ Балка, всѣ дамы, которыя меня принимаютъ, этимъ самымъ теряютъ общее уваженіе.»

(3) Мы приводимъ отрывки отъ слова до слова.

желаю веселаго добраго вечера. Я хотѣлъ бы знать, почему не прислала мнѣ послѣдняго поцѣлуя? Еслибы я зналъ, что ты невѣрна, то я проклялъ бы тотъ часъ, въ которомъ познакомился съ тобою. А если ты меня хочешь ненавидѣть, то покину жизнь и предамъ себя горькой смерти... Остаюсь, мой ангелъ, вѣрный твой слуга по гробъ.»

Въ самый разгаръ нѣжной «корешпонденціи» пріятель Густавъ Функъ извѣщаетъ Монса «насчетъ извѣстной особы. Говорятъ, — пишетъ Функъ, — будто ея противники перехватили ея письма, которыя она къ тебѣ писала; правда ли это или нѣтъ, однако постарайся узнать объ этомъ поподробнѣе, чтобы не ввести и себя и другихъ въ непріятности изъ-за такой бездѣлицы. Извѣсти меня поскорѣе объ этомъ; ты все узнаешь отъ благосклонной къ тебѣ особы.»

Таинственныя извѣщенія друзей напоминаютъ объ осторожности; «de Monso du Crouy» — такъ отнынѣ сталъ подписываться камеръ-юнкеръ — принялъ мѣры; интимнѣйшія цидулки свои сталъ онъ зачастую писать особыми буквами, либо условной формой: отъ лица женщины, либо къ мужчинѣ вмѣсто женщины.

А тутъ вирши — русскіе, въ нѣмецкихъ метрахъ — такъ и выливаются изъ-подъ пера обожателя; онъ шлетъ «къ сердечному купидону» горькую жалобу на свою любовь:

Ахъ, что есть свѣтъ и въ свѣтѣ? охъ, все противное!
Не могу жить, ни умереть. Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось! Неупокоя сердца,
Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется.

Пробилъ стрѣлою сердце, лежу безъ памяти,
Не могу я очнуться, и очи плакати,
Тоска великая, сердце кровавое,
Рудою запеклося, и все пробитое. (1)

Растерзанное сердце однако зажило, герой сталъ забывать героиню; онъ обратилъ вздохи и изліянія къ другимъ; та опечалилась, стала ревновать; исторія обыкновенная во всѣ времена, во всѣхъ классахъ общества. Монсу однако отъ этого не легче.

«Не извольте за противное принять, — писалъ онъ къ одному изъ любезныхъ ему друзей, и кажется къ женской персонѣ, — что я не буду къ вамъ ради нѣкоторой причины, какъ вы вчерась сами слезы видѣли; она чаетъ, что я амуръ съ герцогинею курляндскою имѣю, и ежели я къ вамъ приду, а ко двору не поѣду, то она по-

(1) Прилож. № III, 2.

чаетъ, что я для герцогини туда (т. е. къ тебѣ) пришелъ и для того сіе за противно не пріемлю.» (1)

Какая-то новая красавица, русская боярыня приковываетъ къ себѣ сердце влюбчиваго нѣмца; идетъ живой обмѣнъ чувствительныхъ посланій.

«Здравствуй, моя государыня, — такъ отвѣчаетъ на одно изъ нихъ Монсъ: — кланяюся на письмо и на вѣрномъ сердцѣ вашемъ. И ваша милость меня неизрѣчно обрадовала письмомъ своимъ. И какъ я прочелъ письмо отъ вашей милости присильное (т. е. присланное), (2) то я не могъ удержать слезъ своихъ (отъ) жалости, что ваша милость въ печали пребываешь и такъ сердечно желаешь письма отъ меня къ себѣ. Ахъ, счастье мое нечаянное! Радъ бы я радоваться объ сей счастливой фортунѣ, только не могу, для того что сердце мое стиснуто такъ, что невозможно вытерпѣть и слезъ въ себѣ удержать мужу (не могу?). Я плакалъ о томъ, что ваше сердце рудой облилось такъ, какъ та присильная (присланная) красная лента (облита была слезами). Ахъ, печальны мнѣ эти вѣсти отъ вашей милости, да и печальнѣе всего мнѣ это, что ваша милость не вѣру держишь, и будто мое сердце (въ радости), а не въ тоскѣ по вашей милости, такъ какъ сердце ваше, въ письмѣ дано знать, тоскливое. И я бы радъ писать повсядневно къ вашей милости, только истинно не могу и не знаю, какъ зачать писать съ великой любви и опаси, чтобы не пронеслась и людямъ бы не дать знать это наше тайное обхожденье. Да прошу и коли желаешь ваша милость, чтобы намъ называть другъ друга «радостью», такъ мы должны другъ друга обрадовать, а не опечалить. Да и мнѣ сердечно жаль, что ваша милость такъ тоскуешь и напрасно изволишь молодость свою поработить. Вѣрь, ваша милость; правда, что я иноземецъ, такъ правда (и то), что я вашей милости рабъ и на семъ свѣтѣ вѣрный тебѣ одной государынѣ сердечной. А остануся и пока живъ остаюся въ вѣрности и передаю сердце свое. Прими недостойное мое сердце своими бѣлыми руками и подсоби за тревогу вѣрнаго и услужливаго сердца. Прости, радость моя, со всего свѣта любимая!»

Кто это была «государыня» монсова «сердца» — неизвѣстно; извѣстно только то, что всѣ эти изліянія производились имъ въ бытности при «дому Екатерины Алексѣевны» и именно тогда, когда лучи сего высокаго «свѣтила» стали сильно согрѣвать его какъ въ вещественномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ.

---

(1) Соврем. переводъ нѣмец. цидулки Монса.

(2) Отвѣтное посланіе Монса писано на *слободскомъ* языкѣ: такъ называли тогда русское письмо нѣмецкими буквами.

Еще въ первый годъ своего камеръ-юнкерства Виллимъ Ивановичъ получалъ довольно скудное жалованье, да въ бытность заграницей около 200 талеровъ въ годъ порціонныхъ; но уже тамъ, заграницей же, матерьяльныя его средства настолько улучшились, что онъ имѣлъ возможность давать деньги въ долгъ ближнимъ къ нему лицамъ; еще гофмаршалъ Матвѣй Олсуфьевъ предписывалъ Монсу въ начальническомъ тонѣ позаботиться о исполненіи служебныхъ обязанностей, т. е. въ бытность въ г. Везелѣ распорядиться сваркой полпива, выждать когда оно уходится, разлить его затѣмъ по малымъ бутылямъ, поставить въ холодномъ погребу и т. п., но холодный тонъ начальника нѣсколько мѣсяцевъ спустя измѣнился: тотъ же Олсуфьевъ сталъ звать Виллима Ивановича «государемъ моимъ братцемъ» и писалъ уже къ нему въ почтительныхъ выраженіяхъ. Другой изъ начальниковъ двора Екатерины, Дмитрій Шепелевъ еще скорѣе созналъ необходимость стать съ счастливымъ камеръ-юнкеромъ въ самыя дружескія отношенія. «Въ письмѣ своемъ, — шутливо писалъ Шепелевъ новому другу въ г. Везель изъ Шверина въ январѣ 1717 года, — въ письмѣ своемъ изволите упоминать: псовкѣ карлицѣ сказать, чтобъ она себя поберегла до васъ. Воистинно, мой государь, псовка карлица не для васъ, больши для насъ; о чемъ вы сами извѣстны, какая у насъ съ нею любовь. Впредь прошу не изволь еѣ упоминать такъ въ письмахъ своихъ. Прошу у васъ, моего друга, не оставь насъ въ своихъ письмахъ и въ своей любви...» Монсъ въ это время былъ при государынѣ въ г. Везелѣ; его окружали вообще лица, съ которыми онъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; такъ государыню вмѣстѣ съ нимъ сопровождали Анисья Кириловна (Толстая), Аристовна, Крестьяновна, полковница Кампенгаузенъ, фрейлины Марья Даниловна Гамильтонъ, камеръ-фрау весьма любимая царицей Яганна Петрова, Устинья Петрова, камеръ-юнкеръ поручикъ Балкъ (племянникъ Монса), доктора Поликола и Лестокъ, и нѣкоторыя другія лица (1). Между всѣми ими первая роль выпадала Виллиму Ивановичу, и вотъ между прочими искателями благосклонности фаворита весьма рано является знаменитый Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ; онъ «униженно благодарствовалъ его благородіе за комплиментъ его» и неменѣе униженно просилъ ходатайства по своимъ дѣламъ (2).

Это заискиванье тѣмъ интереснѣе, что почти одновременно тотъ

---

(1) Списокъ придворныхъ Екатерины см. въ статьѣ: «Фрейлина Гамильтонъ», стр. 245, 246. «От. Зап.» 1860, № 9.

(2) Прилож. № IV.

же Бестужевъ писалъ извѣстное «предательское» письмо бѣглому царевичу, предлагая ему свои услуги; такимъ образомъ будущій правитель Россіи теперь закидывалъ якорь въ оба противные лагеря: на сторону царицы Екатерины и ея ненавистника царевича Алексѣя.

Побѣда однако первой была близко. Истязанія сторонниковъ Алексѣя и затѣмъ его собственная гибель были рядомъ торжествъ партіи Екатерины. Усиленіе значенія ея неминуемо отражалось и на всѣхъ ея приближонныхъ, а изъ нихъ разумѣется прежде всего на Монсѣ. Посмотрите съ какой торопливостью втираются въ дружбу почти къ безвѣстному выходцу нѣмецкой слободы тогдашніе баричи, знаменитѣйшіе если не изъ птенцовъ, то ужь изъ птенчиковъ петровскаго двора. Вотъ напримѣръ *князь Андрей Вяземскій*, тщательно распрашивающій о здоровьѣ и житьѣ-бытьѣ «государя друга своего» Виллима Ивановича; вотъ *Иванъ Шуваловъ*, отецъ будущаго временщика Елисаветы, напоминаетъ «о неоставленіи его и всей фамиліи въ своей милости», причемъ увѣряетъ, что они Шуваловы «уповаютъ на его милость, якобы на отца родшего»; *князь Александръ Черкасскій* увѣряетъ «вѣрнаго друга — своею вѣрностью» и «покорно проситъ, чтобъ тотъ его не оставилъ въ своей милостивой и вѣрной дружбѣ, чего съ радостью желаетъ». Артемій Петровичъ *Волынскій*, съѣздившій уже въ Персію посланникомъ, быстро шедшій въ гору въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ къ почестямъ, богатству и отличіямъ, и тотъ не замедлилъ протянуть руку Виллиму Ивановичу: въ концѣ 1720 года онъ ужь называетъ его «любезнымъ другомъ и братомъ», и увѣряя, что по болѣзни не можетъ ѣхать въ Астрахань, убѣдительно проситъ Монса: «пожалуй, мой батюшка, донеси премилостивой матери, всемилостивѣйшей царицѣ государынѣ, что(бъ) сотворила со мною рабомъ своимъ милость, — ежели случится къ слову, чтобъ милостиво предстательствовала. Клянуся богомъ, что не имѣю ни малой причины зачѣмъ бы могъ ло сего времени здѣсь (въ Москвѣ) медлить.» А для усилія предстательства Волынскій дарилъ камеръ-юнкера не одними увѣреніями въ дружбѣ: онъ презентовалъ ему лучшую лошадь изъ своихъ животовъ, и все это только для того, чтобъ тотъ «непремѣнно его въ своей милости и любви содержалъ».

Все это были еще только простыя, такъ-сказать безкорыстныя заискиванья монсовой благосклонности; услуги, которыхъ у него просили, были неважны. Такъ было въ первые годы; затѣмъ, согрѣваемый любовью «премилостивой матери», Монсъ незамедлилъ вмѣшаться въ дѣла болѣе важныя. Мы видѣли напримѣръ выше, что онъ успѣлъ пожать нѣкоторые лавры при дворѣ вдовствующей герцо-

гини курляндской; съ нею и ея приближонными онъ остался на всю жизнь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и митавскій дворъ имѣлъ въ Монсѣ сильнаго ходатая по разнымъ щекотливымъ и секретнымъ дѣламъ; такъ въ 1719 году, когда нѣжный дядюшка герцогини курляндской Василій Федоровичъ Салтыковъ въ бытность свою въ Митавѣ грубо обходился съ племянницей, когда онъ совершенно бросилъ неразъ избиваемую имъ жену Александу Григорьевну (урожд. кн. Долгорукову), и та пріютилась подъ кровомъ Анны Ивановны (1), — обѣ женщины сильно нуждались въ помощи Монса; камеръ-юнкеръ своимъ ходатайствомъ у Екатерины сильно противодѣйствовалъ оговорамъ Салтыкова; послѣдній, успѣвъ возбудить противъ племянницы ея мать, царицу Прасковью, не успѣлъ однако по милости Монса поссорить съ Анной государыню; послѣдняя, напротивъ, вошла по этому поводу въ милостивую «корешпонденцію» съ герцогиней, а избитой Александрѣ Григорьевнѣ выпросила у государя позволеніе остаться въ Варшавѣ, при ея отцѣ Григорьѣ Федоровичѣ Долгоруковѣ. Старанія Салтыкова вытребовать ненавистную жену къ себѣ въ Петербургъ, безъ сомнѣнія на новыя кулачныя поученія, остались тщетны. Долгоруковъ, обрадованный вниманіемъ государыни, подалъ челобитье о разводѣ его дочери. Надо, чтобъ челобитная имѣла ходъ, чтобъ о ней кто-нибудь напоминалъ—и вотъ Александра Григорьевна проситъ намъ знакомую Матрену Ивановну: «...извольте ко мнѣ отписать... обо всемъ пространно, которая челобитная послана къ царскому величеству такожъ и всемилостивой государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, извольте освѣдомиться и ко мнѣ отписать, какъ изволятъ принять? А я въ бѣдахъ своихъ инова предстательства не имѣю кромѣ ея величества, и онѣ ко мнѣ пишутъ, что мужъ мой хочетъ на меня бить челомъ, что будто я его покрала и ушла; я этого не боюся: извѣстно всѣмъ въ Митавѣ, и много на то свидѣтелей сыщу, нетолько нынѣ что будетъ (?) я не имѣла (даже) въ чемъ (къ) батюшкѣ доѣхать, (и) принуждена была себѣ дѣлать (все) до послѣдней рубашки. Онъ увезъ съ собою ту бабу, которая за всѣмъ (у меня) ходила; она съ нимъ уѣхала. Съ собою ли они забрали (вещи), или у людей оставили, пускай его людей съ той бабою пытаютъ. Мнѣ (же) было ничего негдѣ брать, я уже была совсѣмъ обрана и отъ него разбита; токмо имѣла при себѣ нѣсколько изъ моихъ алмазовъ, и то у меня послѣднее ограбилъ. Какъ поѣхалъ въ Петербургъ, сказалъ мнѣ: ежели не дамъ, (то) хотѣлъ до смерти убить. Я ему съ великою радостью и то отдала. Только обобралъ и

(1) Весь этотъ «велій соблазнъ, наслушившій нетокмо Курляндію, но и Польшу», расказанъ въ ст. «Царица Прасковья», гл. IV: «нѣжный братецъ».

(все-таки) самъ (меня) билъ, на что есть свидѣтели. Впротчемъ остаюсь на милость вашу благонадежна, что по своему обѣщанію меня оставить не изволите.»

«Паче (же) всего — писала она въ другой грамоткѣ къ тому же лицу — васъ прошу, гдѣ возможно упоминать въ милости ее величеству государынѣ царицѣ, въ чемъ на милость вашу безсумнѣнную надежду имѣю; такожъ прошу, матушка моя, извольте ко мнѣ писать пространнѣй, что изволите услышить въ дѣлѣ моемъ какое будетъ со мною милосердіе и какую силу будетъ съ противной стороны дѣлать» (1).

Враждующія стороны принадлежали къ именитѣйшимъ фамиліямъ: на сторонѣ Василія Федоровича Салтыкова была царица Прасковья, имѣвшая столь важное значеніе; на его же сторонѣ были родственники Салтыковыхъ — Ромодановскіе и многіе другіе, неменѣе знатныя, неменѣе сильныя по связямъ и значенію аристократическія семейства; притомъ же вся эта сторона была въ столицѣ, при дворѣ: тѣмъ осторожнѣе нужно было дѣйствовать Александрѣ Григорьевнѣ. Матрена Ивановна Балкъ была для нея только посредницей; собственно письма, къ ней обращаемыя, имѣли въ виду ея братца; тотъ и отвѣчалъ — русскими грамотками, излагая ихъ нѣмецкими буквами; письма эти не подписывались, и мало того, Виллимъ Иваповичъ для большой предосторожности писалъ ихъ въ женскомъ родѣ, въ видѣ отвѣтовъ своей сестры: «Здравствуй, матушка Александра Григорьевна... прошу васъ, мою государыню, чтобы я не оставлена была писаньемъ вашимъ, которое принимаю себѣ за великое счастье. Когда я увижу отъ васъ къ себѣ письмо ваше, то Богъ мой свидѣтель, что я (его) съ великой радостью воспринимаю, и трудъ свой столько прилагаю дѣлу вашему, что Богу одному свѣдомо, и стараюся, чтобы вскорѣ окончить въ добромъ состояніи къ вашему желанію и надѣюся, что вскорѣ послѣ праздника. Токмо васъ прошу не извольте печалиться и себя безвременно сокрушать объ ономъ дѣлѣ; все Богомъ будетъ исправно, понеже ея величество вельми къ вамъ милостива и нивѣсть какъ сожалѣетъ объ васъ, такожде объ родителѣ вашемъ» (2)... Предосторожность, наблюдаемая въ формѣ и содержаніи писемъ, наблюдалась и при пересылкѣ корреспонденціи; она шла чрезъ гофмаршала митавскаго двора Петра Михайловича Бестужева-Рюмина; положеніе гофмаршала было несовсѣмъ прочно: какъ сторонникъ и Анны Ивановны, и Долгорукихъ, онъ имѣлъ сильныхъ противниковъ въ фамиліи Салтыковыхъ съ Ро-

(1) Прилож. № V: 1, 2 и 3.
(2) Прилож. № VI.

модановскими и долженъ былъ прибѣгать къ дружескому заступничеству Монса. Вотъ почему онъ разсыпался въ предложеніяхъ услугъ: «Извольте, государь мой, мнѣ повѣрить, что я зѣло обязуюсь вѣрнымъ ко услугамъ вашимъ быть при вашей корошпанденціи. Извольте оныя письма ко мнѣ при всеприятномъ вашемъ писаніи присылать; я оныя въ надлежащее мѣсто вѣрно и во всякой охранности отправлять буду, понеже мнѣ оное извѣстно и весьма секретно содержать буду» (1).

Дѣло однако о разводѣ Александры Салтыковой недовелось окончить въ «добромъ состояніи»; противная партія слишкомъ была сильна, и Монсу было не вмочь еще побороть ее совершенно; супруги оставались разъѣхавшимися, но не разведенными... Успѣшнѣе было ходатайство Виллима Ивановича, одновременно съ этимъ дѣломъ, за Іоанна-Эрнеста-Бирона; человѣкъ незнаемый, принадлежавшій къ «бѣдной фамиліи, несмѣвшей къ шляхетскому стану мѣшаться», Бironъ въ молодости оставилъ родину и поселился въ Кенигсбергѣ для слушанія академическихъ курсовъ; лѣнивый, неспособный, онъ вдался въ распутство и въ 1719 году попалъ въ тюрьму за участіе въ уголовномъ преступленіи; девять мѣсяцевъ томился онъ въ тюрьмѣ, послѣ чего былъ выпущенъ съ обязательствомъ или уплатить 700 рейхсталеровъ штрафу, или просидѣть три года въ крѣпости. Монсъ еще въ бытность свою въ Кенигсбергѣ, во время хлопотъ по дѣлу сестры своей Анны, познакомился съ молодымъ развратникомъ. Знакомство это, недѣлавшее чести Виллиму Ивановичу, было спасительно Іоанну-Эрнесту. Теперь, когда надъ послѣднимъ грянула гроза, Монсъ вспомнилъ о пріятелѣ и чрезъ посредство посланника барона Мардефельда исходатайствовалъ ему у короля прусскаго прощеніе. Оставивши Кенигсбергъ, Бironъ отправился въ Россію, въ обѣихъ столицахъ ея встрѣтилъ къ себѣ только пренебреженіе, но въ Митавѣ, при дворѣ вдовствующей герцогини ему улыбнулась фортуна.

Такъ одинъ фаворитъ-нѣмецъ, на зло и продолжительныя бѣдствія своему новому отечеству, спасалъ отъ гибели другого нѣмца. Можно положительно сказать, что не явись Монсъ заступникомъ, — Бironъ, разъ ставши на дорогу безпутства и разврата, сгинулъ бы въ прусскихъ тюрьмахъ (2).

---

(1) Прилож. VII, 1.—Виллимъ Ивановичъ съ сестрою долго еще принимали участіе въ тяжбѣ Долгорукаго и его дочери съ Салтыковымъ; такъ около 1721 года Матрена писала къ брату: «объявляю любезному братцу, что отецъ нашего добраго друга къ намъ пріѣхалъ и зѣло изрядно принятъ отъ царя, такожъ и отъ царицы».

(2) Какъ эти, такъ и вышеприведенныя извѣстія мы почерпнули въ подлинныхъ письмахъ къ Монсу:

Мы бы крайне утомили нашихъ читателей, еслибы повели ихъ за спасителемъ Бирона во всѣхъ его переѣздахъ при государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ 1721, 1722 и 1723 годахъ; не для чего заходить намъ и въ асамблеи, становиться въ маскарадныя процессіи, приглядываться на пирахъ къ стоящимъ за стульями высокихъ персонъ камеръ-юнкерамъ и къ деньщикамъ, чтобъ отличить въ ихъ числѣ сіяющаго довольствомъ, счастіемъ, красотой — вѣчно-франтоватаго Монса. Мы не займемъ мѣста ни въ одномъ изъ богато-убранныхъ бауровъ, длинной лентой вытягивающихся къ Катерингофу: то увеселительная прогулка; будьте увѣрены, что въ ней участвуетъ Монсъ. Вотъ, вотъ онъ стоитъ на рѣчномъ суднѣ, сзади величественной своей патроны: полюбуйтесь, какимъ стройнымъ щеголемъ выглядываетъ онъ передъ сутуловатымъ Петромъ, который тутъ же правитъ рулемъ. Государь въ своей потертой шкиперской курткѣ; Екатерина невольно переноситъ взоръ съ смуглой, обрюзглой, хотя и энергической физіономіи «старика-батюшки» на розовое, молодое, цвѣтущее красотой лицо своего любимца. Костюмъ довершаетъ пріятное впечатлѣніе: кафтанъ дорогого бархата съ серебряными пуговицами обхватываетъ стройный станъ камеръ-юнкера; кафтанъ оторочень позументомъ; серебряная лента замѣняетъ поясъ; на ногахъ шолковые чулки и башмаки съ дорогими пряжками, подъ кафтаномъ жилетъ блестящей парчи, на головѣ щегольски наброшена пуховая шляпа съ плюмажемъ; все это съ иголочки, все это прибрано со вкусомъ, все это нравится «премилостивой матери»... Рѣчное катанье смѣняется прогулкой въ «огородѣ». Вотъ близь романическаго грота, въ тѣни аллей лѣтняго сада музыканты маленькаго, невзрачнаго и вѣчно *веселаго* герцога голштинскаго услаждаютъ слухъ высшаго общества; слушаетъ и Екатерина; она милостиво

1716 г. 23 марта, писарь Андрей *Ивановъ* — Гданскъ.

1717 г. 24 января Дмитрій *Шепелевъ* — Шверинъ; 18 марта, Семенъ *Федоровъ* — Ростокъ; 3 августа, Алексѣй *Бестужевъ-Рюминъ* — Гамбурхъ (Прилож. IV); 16 августа, Матвѣй *Олсуфьевъ* — Амстердамъ.

1718 г. 16 іюня, Матвѣй *Олсуфьевъ* — Петергофъ; 25 октября, подорожная дому царскаго величества порутчику Вилиму Монсу на 12 подводъ отъ Новгорода до Спб.

1719 г. 26 марта, Иванъ *Измайловъ*; іюня кн. Александръ *Черкасской*, съ корабля; 17 октября, Александра *Салтыкова*, урожд. Долгорукова — Варшава; *она же* отъ неизвѣстнаго числа и года (письма эти см. въ Прилож. V; 1, 2). Отвѣтъ ей *В. Монса*, неизв. числа и года (см. въ Прилож. VI); 2 ноября, Петръ *Бестужевъ-Рюминъ* — Митава (см. Прилож. VII, 1).

1720 г. 14 іюня Артемій *Волынскій* — Спб.; 30 декабря *онъ же* — Москва (оба письма въ Прилож. VIII: 1, 2.)

1721 г. 25 іюля І. Э. *Биронъ* къ Монсу — Митава (письмо это напечатано въ статьѣ Арсеньева: «Царств. Екат. I», стр. 241).

протягиваетъ руку къ Монсу и кладетъ туда нѣсколько червонцевъ то награда музыкантамъ. Монсъ несетъ, по ея порученію, кубокъ венгерскаго къ тому или другому изъ гостей; Монсъ доноситъ ей въ какомъ расположеніи духа государь, гдѣ онъ сидитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, куда отправляется; волей-неволей Монсъ всегда и вездѣ при «великомъ свѣтилѣ», къ которому онъ, говоря его стихотвореніемъ, «воспылалъ любовью, межъ тѣмъ какъ долженъ былъ только его уважать».

Есть ли *фактическія*, документальныя свидѣтельства объ этой любви? Такихъ свидѣтельствъ нѣтъ; но что Монсъ безспорно владѣлъ въ это время сердцемъ Екатерины, объ этомъ можно судить изъ того необыкновеннаго значенія, какое получилъ онъ въ это время. Это значеніе, власть и сила сознавались уже всѣми нетолько знатными придворными, но даже послѣдними изъ дворцовыхъ служителей и служительницъ; всѣ какъ нельзя лучше видѣли источникъ этой силы: онъ заключался въ любви къ нему Екатерины.

Итакъ не станемъ ловить улыбки ея, расточаемыя на пирахъ красавцу камеръ-юнкеру, не станемъ подслушивать шушуканья придворныхъ дамъ и фрейлинъ, неменѣе самой патроны склонныхъ къ красавцу, не станемъ вглядываться въ цыфирь депешъ иноземныхъ пословъ и секретарей при тогдашнемъ дворѣ; переберемъ только ворохъ писемъ къ Виллиму Ивановичу за эти годы, и мы въ шумихѣ льстивыхъ завѣреній въ дружбѣ, любви и уваженіи къ Монсу — нетолько со стороны птенчиковъ, но уже со стороны крупныхъ птенцовъ Петра — найдемъ несомнѣнное доказательство, что всѣ эти завѣренія, обѣщанія, наконецъ взятки и взятки не могли расточаться обыкновенному любимцу: нѣтъ, то былъ уже настоящій фаворитъ, владѣвшій нетолько сердцемъ, но и волей своей обожательницы (1).

---

(1) Представляемъ перечень лицъ, обращавшихся съ разными письменными просьбами къ Виллиму Монсу съ 1721 по 1723 годъ включительно: *Афонасьевъ*, гвардіи капитанъ *Альбрехтъ*, дворц. служитель *Астафьевъ*, *П. Б.*, писецъ *Бунинъ*, конюхъ царицы *Большовъ*, фонъ-деръ-*Бургъ*, гофмаршалъ герцогини Анны Ивановны *Бестужевъ-Рюминъ* (Прилож. № VII. 1, 2.), посолъ въ Гамбургѣ Алексѣй *Бестужевъ-Рюминъ*, камеръ-юнкеръ Петръ *Балкъ*, помѣщикъ *Воробьевъ*, кн. Андрей *Вяземскій*, помѣщица-вдова *Васильева*, Артемій *Волынскій*, помѣщикъ *Волковъ*, *Вороновъ*, сынъ сибирскаго губернатора А. *Гагаринъ*, кондитеръ *Гримкенъ*, крестьянинъ *Гордѣевъ*, оберъ-полиціймейстеръ московскій *Грековъ*, помѣщики *Горскіе*, посолъ въ Берлинѣ Михаилъ *Головкинъ*, корабельный мастеръ *Гордѣй*, кн. Алексѣй Григорьевичъ *Долгоруковъ*, *Дедковскій*, ростовскій архіерей *Дашковъ*, капитанъ *Игнатьевъ*, посолъ въ Китаѣ Левъ *Измайловъ*, подполковникъ *Козловъ*, служ. *Кондратьевъ*, иноземецъ *Куперъ*, служ. *Кругликовъ*, управляющій *Карцовъ*, Василій *Корчминъ* (любим. офицеръ Петра I), купецъ-иноземецъ *Гапманъ*, *Лапотниковъ* — житель города Черкасска, *Лефортъ*, купецъ-иноземецъ *Люпсъ*, управляющ. дворц. имѣн. *Литвиновъ*, командиръ корабля Степанъ *Лопу-*

Общій характеръ почти двухъ съ половиною сотенъ писемъ, полученныхъ Монсомъ за эти три года и дошедшихъ до насъ, это — необыкновенное предъ нимъ униженіе просителей. Униженіе слышно въ тонѣ просьбы, въ подписи, въ обращеніяхъ: истопники, дворцовые конюхи, лакеи, посадскіе люди, торговые гости, иноземцы, фабриканты, помѣщики, помѣщицы, люди служилые, чиновники, дьяки, арміи и гвардіи офицеры, священники, архимандриты, архіереи, губернаторы, резиденты и полномочные послы при разныхъ дворахъ, наконецъ высшіе государственные чины и представители знатнѣйшихъ русскихъ княжескихъ фамилій, — всѣ эти лица столь различныхъ степеней по происхожденію, богатству и образованію не стыдились (платя дань своему времени) льстить и принижаться предъ любимцемъ. Какіе разнообразные эпитеты и громкіе титулы прилагались къ имени Монса: отъ словъ: «высокоблагородный патронъ» до «ваше премилосердое высочество!» Такъ Монса называли его клієнты и имѣвшіе въ немъ нужду: «его превосходительствомъ», обѣщаютъ «за него бога молить», признаютъ въ немъ «единаго въ свѣтѣ милостивца», съ нимъ едва «дерзаютъ говорить», слухъ его

хинъ, куп. *Малевинскій*, *Минигаузена*, фонъ *Менгденъ*, знач. придворн. Семенъ Афанасьевичъ *Мавринъ*, Василій и Петръ *Мошковы*, знатные чиновники кабинета ея величества, Семенъ *Нарышкинъ*, кн. Юрій *Одоевскій*, помѣщикъ *Отяевъ*, архимандритъ *Писаревъ*, помѣщ. *Протасьевъ*, придворн. *Полозовъ*, поручикъ *Пушкинъ*, Григорій *Палибинъ* — комендантъ и главный управитель имѣніями царицы, *Пазуновъ*, — придворный, ювелиръ придворный *Роментинъ*, дьякъ *Рукинъ*, *Сорокинъ*, *Салтыкова*, *Сухотинъ*, серебр. дѣлъ мастеръ *Суринъ*, купецъ *Стеръ*, *Спицынъ*, поручикъ *Супоневъ*, Петръ *Салтыковъ*, кн. Никита *Трубецкой*, знатный нѣмецъ *Фовтронъ*, Густавъ *Функъ* — родственникъ и другъ Монса, купецъ-иноземецъ *Хозуй*, морякъ *Чагинъ*, придворн *Черновъ*, Дмитрій *Чернышовъ* — придворн при царевнахъ, кн. Александръ *Черкасскій* — морякъ, Дмитрій *Шепелевъ* — «путевой маршалъ» Екатерины, Иванъ *Шуваловъ* — комендантъ города Выборга (одно изъ его писемъ см. въ Прилож. № IX), Владиміръ *Шереметьевъ*, жена канцлера *Шафирова*, поручикъ *Штовской*, Федоръ *Юшковъ*, кн. Сергѣй *Юсуповъ*, наконецъ разные купцы и подрядчики иноземные. — Всѣ эти письма на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, есть нѣсколько на англійскомъ и голландскомъ: послѣднія отъ купцовъ и подрядчиковъ разныхъ товаровъ двора Екатерины. Большая часть писемъ на русскомъ языкѣ; ихъ читалъ Монсу его секретарь Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ. Громадность корреспонденціи Монса вызвала необходимость образовать цѣлую канцелярію, въ которой заправлялъ дѣлами Столѣтовъ. Письма и просьбы на имя Виллима Ивановича приходили съ разныхъ городовъ: изъ Москвы, Гельсингфорса, Выборга, Риги, Ревеля, Митавы, Варшавы, изъ внутреннихъ городовъ Россіи, изъ отдаленной Астрахани, Черкасска, Казани, изъ Сибири; наконецъ нѣкоторыя письма шли изъ-заграницы — изъ Вѣны, Берлина, Гамбурга, Стокгольма, Парижа, Лондона, и изъ Персіи; то были письма отъ лицъ, состоявшихъ при нашихъ посольствахъ, или отъ купцовъ иноземныхъ.

утруждаютъ просьбишкой, простолюдины бьютъ челомъ съ обычными эпитетами: «отецъ ты нашъ батюшка, Виллимъ Ивановичъ!» или: «премилостивый государь, сотвори ты надъ нами нанудивительную милость», «не дай, батюшка-свѣтъ, въ конецъ разориться». Помѣщики да чиновники ставили въ оголовкахъ длиннѣйшее обращеніе: «благородному, высокопочтенному господину, господину капитану, милостивому моему отцу и государю Виллиму Ивановичу»; аристократы писали проще: «добрый пріятель», «сердечный, наивѣрнѣйшій другъ и братъ Виллимъ Ивановичъ»; наконецъ «высокографскимъ сіятельствомъ» и «премилосердымъ высочествомъ» именовали его нѣкоторые изъ голодныхъ иноземцевъ, пріѣзжавшихъ на разживу въ гостепріимную Московію.

Въ чемъ состояли эти письма? Тутъ были простыя напамятованія о себѣ и обѣщаніяхъ Монса похлопотать по разнымъ дѣламъ; тутъ были сообщенія различныхъ политическихъ новостей для сообщенія при случаѣ государынѣ; затѣмъ большая часть писемъ состояла изъ прошеній родителей за своихъ дѣтей, поступавшихъ на службу, причемъ пишущій считалъ нужнымъ сказать: «ежели Богъ очи васъ сподобитъ государя моего видѣть, то почтусь по своей возможности вамъ, государю моему, отслужить!» Множество было прошеній о мѣстѣ, чинѣ, наградѣ, отпускѣ, увольненіи отъ смотра, отъ службы, освобожденіе отъ повинностей, изъ-подъ ареста, перевершеніе суднаго дѣла въ той или другой колегіи, заступничество отъ кредиторовъ, остановка въ исполненіи приговора, просьба о большомъ займѣ изъ суммъ государыни на основаніе фабрики, просьбы о исходатайствованіи прощенія ссыльнымъ или возвращенія описанныхъ имѣній родственникамъ, просьбы о исходатайствованіи губернаторства или нѣсколькихъ сотенъ крестьянскихъ дворовъ со всѣми угодьями, просьбы о заступничествѣ предъ какими-нибудь сильными міра тогдашняго, напримѣръ предъ Никитой Ивановичемъ Рѣпнинымъ, И. И. Бутурлинымъ, П. А. Толстымъ, Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Брюсомъ, Нарышкиными, Матвѣевымъ: «они де для вашей просьбы все могутъ сдѣлать; не оставь своей милостью, за что вамъ государю моему рабски служить готовъ вамъ»; просьба закрѣплялась иногда такого рода подписью: «тягловой вашъ крестьянинъ подполковникъ Козловъ надъ до лица земли премного челомъ бью». Просьбы по дѣламъ особенно важнымъ и щекотливымъ высказывалъ словесно податель письма; такъ обыкновенно дѣлали знатнѣйшія какъ «мужскія, такъ и женскія персоны», просьбы которыхъ нерѣдко относились до дѣлъ семейныхъ; нерѣдко также письмо состояло изъ незначительныхъ фразъ, но тутъ же прикладывалась цидулка безъ подписи; въ ней

вкратцѣ излагалась просьба и назывался подарокъ за ея исполненіе. Послѣднія цидулки съ изложеніемъ подарковъ были особенно дороги Виллиму Иванычу; подарки подогрѣвали его ходатайство и рѣдкое прошеніе, подкрѣпленное нетолько настоящимъ презентомъ, но даже простымъ обѣщаніемъ взятки, оставлено было имъ безъ вниманія. Монсъ, какъ увидимъ, брался хлопотать, въ уваженіе подарковъ, по дѣламъ весьма важнымъ и труднымъ: такъ онъ хлопоталъ, и не безуспѣшно, за освобожденіе разныхъ сосланныхъ аристократовъ по дѣлу царевича Алексѣя; онъ выхлопатывалъ жалованныя грамоты на торговлю, онъ ставилъ даже — трудно повѣрить, а это было такъ — вице-президентовъ и т. п.! И все то за «превеликіе презенты».

Но обратимся къ письмамъ и остановимъ вниманье нашихъ читателей на грамоткахъ болѣе интересныхъ (1).

«Прошу я у тебя, высокопочтенный государь мой Виллимъ Ивановичъ,— пишетъ камеръ-пажъ Павловъ, молодой человѣкъ, безпутный, но богатый, дарившій Монса разными подарками, какъ-то: золотыми часами и проч., и потому терпимый на службѣ при государынѣ: — прошу я тебя, пожалуй не оставь меня въ своей милости, какъ ты, мой государь, началъ меня по своему милосердію жаловать; и больше ни о чемъ не прошу, только пожалуй, мой государь Виллимъ Ивановичъ, не оставь меня въ своей милости.»

«...Не оставьте меня въ великой моей нуждѣ,— вопіетъ ювелиръ Рокентинъ, угодившій впослѣдствіи, какъ увидимъ, подъ кнутъ, — ибо я не знаю какъ отдѣлаться отъ притѣсняющихъ меня кредиторовъ. Будьте милосерды и помогите мнѣ, Богъ за это васъ наградитъ!»

«И господинъ полковникъ соизволилъ сказать, — молитъ арміи поручикъ, — чтобъ я о рангѣ моемъ покорно, слезно просилъ бы васъ, премилосердаго моего государя, и я рабски, всенижайше, покорно, слезно прошу вашего милосердія, покажите надо мною свою высокую милость.»

«Ваше превосходительство всюду пріобрѣли славу великодушія,— такъ писали Монсу заѣзжіе нѣмцы, искавшіе теплаго мѣстечка на Руси: — слава вѣщаетъ о томъ великодушіи, съ какимъ вы являете помощь всѣмъ нуждающимся. Поэтому ваше превосходительство не

---

(1) Рѣдкую изъ нихъ мы приводимъ въ текстѣ статьи цѣликомъ; мы извлекаемъ только характеристическія строки, а письма интереснѣйшія — по тону ли, по содержанію, по обстоятельствамъ, изъ-за которыхъ они писались, или наконецъ по личности писавшаго,— помѣщаемъ въ Приложеніяхъ. См. №№ IV, VII, VIII, IX и X.

осудите меня, если я дерзаю сказать, что вотъ уже семнадцать мѣсяцевъ какъ я живу въ Петербургѣ, не имѣю средствъ къ пропитанію и проч. Не оставьте! Богъ да возблагодаритъ васъ за высокое великодушіе ваше, и проч.»

Съ этими же мольбами представляется въ передней у Монса депутація изъ города Риги; но кромѣ небесной награды, она обнадеживаетъ его въ ближайшей, земной ихъ *благодарности*. Депутація проситъ ходатайствовать по дѣлу компаніи Черныхъ головъ... «И такъ какъ вы — пишутъ они въ челобитьѣ къ Монсу — вѣроятно обременены важнѣйшими дѣлами, то мы, опасаясь, чтобъ наше дѣло не было бы предано забвенію, осмѣливаемся всепокорнѣйше повторить нашу просьбу о представленіи всего дѣла его (?) императорскому величеству, ибо безъ всемилостивѣйшаго покровительства государя наше учрежденіе, существовавшее столько вѣковъ, должно рушиться. Въ надеждѣ, что по вашему ходатайству наша компанія удостоится... и проч. Мы имѣемъ честь увѣрить васъ, что *объщанная нами благодарность будетъ вточности исполнена.*»

Подобная *благодарность* заявлялась Виллиму Ивановичу въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; такъ напримѣръ нѣкто Иванъ Никитичъ *Хитрово*, видя, что тяжба его съ какимъ-то Дашковымъ о наслѣдствѣ по духовному завѣщанію одной изъ царевенъ вертается въ юстицъ-колегіи въ пользу его противника, поспѣшилъ обратиться къ Монсу; далъ ему росписку въ пятистахъ рубляхъ, будтобы у него занятыхъ; слѣдствіемъ подобнаго займа было то, что дѣло перенесено сначала въ преображенскій приказъ къ *доброжелательному* къ Монсу — Ромодановскому, а потомъ въ кабинетъ его царскаго величества, въ распоряженіе благопріятеля Монса, Алексѣя Васильевича Макарова; нечего и говорить, что тяжба перевершена какъ того нужно было *заимодавцу*.

Богатый негоціантъ изъ города Риги нѣсколько разъ былъ требуемъ въ Петербургъ для предъявленія въ бергъ-колегію состоявшей на немъ и его товарищѣ недоимки; требованія были настойчивы, негоціантъ слезно восплакался предъ камеръ-юнкеромъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ довольно искренно объявилъ: «И когда стараніемъ вашимъ избавленъ буду отъ своей напасти, то прошу покорно вложенную цидулку принять и къ кому изволите оную прислать, готовъ исполнить; токмо и паки прошу васъ со слезами, чтобъ (прошенія моего) не забыть» и проч.

Цидулка не сохранилась, но безъ сомнѣнія, то была росписка вродѣ предыдущей, или какой-нибудь переводъ денегъ на другого негоціанта.

Между тѣмъ умираетъ богатый помѣщикъ Мартемьяновъ; онъ

послѣдній въ родѣ, имѣніе его выморочное, онъ завѣщаетъ его дальнему родственнику, школьнику Камынину; провинціалъ-фискалъ протестуетъ, московскій надворный судъ препровождаетъ дѣло съ неблагопріятнымъ для Камынина приговоромъ въ сенатъ; по указамъ, деревни покойника никакъ не попадутъ наслѣднику: онѣ поступятъ въ казну. Къ кому обратиться, чтобъ направить дѣло къ желанному исходу? Разумѣется къ Монсу. И пишутъ мать и отецъ школьника — просятъ, чтобъ переименовали ихъ сына хотя въ Мартемьянова, только чтобъ имѣніе-то ему досталось; предлагаетъ ходатаю разные гостинцы: кошельки, колпакъ вышитый, тканый камзолъ, и даже тысячу рублей: «пожалуй, мой батька, что мы обѣщали, того изволь съ насъ хотя вдвое (взять)...», только «невозможно ль, батюшка Виллимъ Ивановичъ, сына нашего взять изъ школы къ дому царицы-государыни, и я къ тебѣ-бъ вручила его за служителя; и прошу милости, чтобъ дѣло (его о наслѣдствѣ) взять въ свой кабинетъ къ секлетарю.»

Устарѣлъ и одряхлѣлъ на службѣ при дворѣ одинъ изъ служителей Екатерины, Отяевъ; захотѣлось ему вырваться въ отставку, добылъ онъ медицинское свидѣтельство, что де «армейскую и гварнизонную службу служить ему трудно», но отставки нѣтъ; хлопочетъ онъ о ней, шлетъ рядъ писемъ къ Монсу, и наконецъ вкладываетъ въ одно изъ нихъ цидулку безъ подписи: «о которомъ дѣлѣ до васъ, моего милостиваго государя, покорное прошеніе мое было, и нынѣ чрезъ сіе паки прошу: сотвори со мною милость, изволь доложить прошеніе неумедля, за что обѣщаю въ презентъ сто червонныхъ; во увѣренье же сего и т. д.»

Левъ Измайловъ, одинъ изъ птенцовъ Великаго, посланъ былъ по указу на границу китайскую; предъ отъѣздомъ въ дальнюю командировку, Измайлову нужно было обдѣлать кой-какія дѣла и между прочимъ добиться указа на деревни сначала отнятыя, потомъ возвращенныя Петру Измайлову, одному изъ его братьевъ. «Надѣяся быть скоро отправленъ, — пишетъ посолъ къ нашему герою, — со слезами васъ прошу напомнить милостивое ваше мнѣ обѣщаніе, чтобъ мнѣ вѣчно не остаться безо всего въ моемъ бѣдномъ несчастіи. Прошу, батюшка, сотворить милость, *дать* указъ на деревни... а что вамъ обѣщалъ (братъ) тысячу рублевъ, у меня готова и моя тысяча вмѣстѣ; пожалуй, отецъ нашъ, не оставь насъ бѣдныхъ, за что весьма останемся рабами.»

И крупная цыфра повторяется въ трехъ письмахъ того же Измайлова, обѣщаніе презента повторяется съ тою же наивностью, весьма характеристичною относительно своего времени и общества.

Выше мы сказали, что Монсъ не затруднялся мѣшаться даже въ

дѣла духовенства и являлся усерднымъ ходатаемъ за тѣхъ пастырей и архипастырей, которыхъ постигало какое-либо бѣдствіе, вродѣ неожиданнаго напримѣръ знакомства съ тайной канцеляріей и т. п.; подобное заступничество нѣмца, нечего и говорить, было далеко не безкорыстное.

Такъ въ апрѣлѣ 1722 года встряхнулась бѣда надъ архимандритомъ троицко-сергіевой обители Тихономъ Писаревымъ. «Былъ де онъ въ прошлыхъ годѣхъ въ домѣ суздальскаго архіерея казначеемъ, — такъ доносилъ келейникъ архимандричій, — и въ ту де свою бытность Писаревъ ходилъ въ покровскій дѣвичъ монастырь съ подносами кланяться неоднократно къ бывшей царицѣ Евдокіи. Называлъ ее Писаревъ царицею, писалъ письма къ бывшему ростовскому епископу Досифею, что разстрига Демидъ, и онъ разстрига къ нему Писареву письма отъ себя писывалъ же» (1).

Словомъ, обвиненіе по тому времени было весьма серьозное; дѣло отзывалось пыткой, ссылкой, быть-можетъ рваньемъ ноздрей и каторгой; все это казалось тѣмъ скорѣе должно было быть, что отецъ архимандритъ не возмогъ вполнѣ опровергнуть своего келейника. Дѣло протянулось съ годъ; въ это время какъ члены синода, судившіе первоначально Писарева, такъ затѣмъ и инквизиторы тайной канцеляріи передопросили разныхъ лицъ, замѣшанныхъ по суздальскому розыску 1718—1722 годовъ, и составили о нихъ выписку Почти всѣ они дорого поплатились за свое преступленіе; казалось пречестный архимандритъ не будетъ исключеніемъ; онъ и самъ сознался: «въ покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ у бывшей царицы монахини Елены былъ дважды, руку ея цѣловалъ, видѣлъ ее въ мірскомъ платьѣ, царицей признавалъ и въ священнослуженіи, и въ обществѣ, гдѣ имя благовѣрныхъ царицъ воспоминалося: тутъ и ея бывшей царицы имя, по мнѣнію моему, заключалось; а то мнѣніе держалъ я не отъ вымыслу, но съ простоты... Я же для почтенія послалъ къ ней свѣжихъ щукъ да судаковъ пять рыбъ чрезъ ключаря Ѳедора Пустыннаго, да по присылкѣ отъ нея послалъ къ ней два ушата карасей, наловя ихъ въ архіерейскихъ прудахъ.»

И при всемъ томъ, столь неумолимые судьи, какими мы знаемъ Петра Андреевича Толстого да Андрея Ивановича Ушакова, нашли: отецъ-де архимандритъ истязанію неподлежитъ, и учинить его изъ-подъ караула свободнымъ, понеже онъ *невиненъ!*

Заглянемъ за кулисы, въ канцелярскія отношенія и протоколы, и мы увидимъ ради чего спина отца архимандрита не обагрилась

---

(1) Д. Т. К., к. VII д. 19.

кровью, ради чего недовелось ему извѣдать каторги или по меньшей мѣрѣ «тѣснаго нужнаго заточенія» въ Соловкахъ.

Отецъ архимандритъ имѣлъ достаточекъ и кой-какія связи; благодаря тому и другому, онъ ударилъ челомъ Виллиму Ивановичу Монсу 1000 рублями, взятыми впрочемъ изъ монастырской казны, и по его вѣроятно совѣту написалъ слезное моленіе о защитѣ къ Василію Петровичу Поспѣлову. Это былъ любимѣйшій деньщикъ государя; онъ могъ бы и ходатайствовать по разнымъ дѣламъ, «улуча добрый часъ», могъ бы и брать за это немалые «посулы», но онъ этого не дѣлалъ. Причинами подобнаго бездѣйствія въ то время, когда все и вся кругомъ брало и обманывало, былъ личный характеръ Поспѣлова: это былъ не столько честнымъ, сколько беззаботнѣйшій, простодушный малый, записной охотникъ, весельчакъ и велій пьяница (1); онъ былъ счастливъ любовью къ нему государя и рѣдко совался съ разными ходатайствами.

Зато онъ и не мѣшалъ другимъ ходатаямъ. За кружками пива и чарками водки, за своими собаками, съ которыми любилъ на досугѣ возиться, Поспѣловъ не видѣлъ разныхъ своекорыстныхъ происковъ Монса; такъ и въ дѣлѣ о архимандритѣ Писаревѣ, не столько радѣніемъ Поспѣлова, сколько ловкостью Виллима Ивановича, оживленнаго немалымъ презентомъ, приговоръ состоялся совершенно милостивый. Любопытно, что камеръ-юнкеру недовелось воспользоваться архимандричьимъ подносомъ. Деньги были взяты отцомъ Тихономъ изъ монастырской казны; тамъ скоро хватились ихъ, и перепуганный Балкъ, свѣдавъ о томъ, писалъ Виллиму Ивановичу: «Объявляю вамъ, что троицкой у меня былъ, вы знаете кто, и хочетъ, чтобъ ему назадъ было отдано, для того что большіе у него того спрашиваютъ, кулы онъ то спряталъ, ибо онъ изъ той суммы взялъ. Онъ зѣло боится и можетъ-быть, что онъ скажетъ, и проситъ на двѣ недѣли сроку, а васъ проситъ для-бога, чтобъ скорѣе ему отдали, понеже ежели старики свѣдаютъ, то они тотчасъ царю скажутъ. И для того и я васъ прошу. Доношу вамъ, что у него все взято, что онъ имѣетъ (за) душею и тѣломъ, и онъ васъ проситъ, что ежели вы можете ему вспомощи, то вспомогите.»

Тотъ не торопился вспомогать: жаль было разстаться съ деньгами, а между тѣмъ «старцы наибольшіе» сильно поприжали отца

---

(1) *Берхгольцъ*, I. 56, 57; II. 304; III. 78, 127, 135, 220. Въ комнатахъ Петра висѣла картина работы знаменитѣйшаго въ то время живописца Даннегауера, на которой изображенъ былъ Поспѣловъ (человѣкъ весьма невзрачный) во весь ростъ, нагой, въ позѣ фехтующаго. Картина эта, по замѣчанію Берхгольца, сдѣлана была потому, что царскій фаворитъ отличался необыкновенно сильнымъ развитіемъ мускуловъ.

Тихона запросами недостающихъ денегъ. Положеніе и давшаго взятку, и принявшихъ было щекотливое: дѣло могло получить огласку, дойдетъ до государя... и въ страхѣ при одной мысли о подобномъ несчастіи, Петръ Балкъ вновь пишетъ къ дядюшкѣ: «Я васъ для-бога прошу, отпишите о деньгахъ, гдѣ мнѣ ихъ взять? А матушка (Матрена Балкъ) уже деньги отдала (1), только незнаетъ гдѣ на васъ занять, понеже я слышалъ, что они уже ищутъ куды онъ деньги спряталъ, и какъ онъ такъ въ милость пришелъ, что вы за него стоите? И они нечто догадываются и хотятъ прямо вѣдать, и хотятъ прямо объявить. Вы вѣдаете, что сіе зѣло худо. Еще есть время, ежели вы ко мнѣ указъ пришлете, гдѣ мнѣ деньги взять? Я васъ прошу для-бога не мѣшкайте и сдѣлайте поскорѣе, понеже онъ самъ мнѣ говорилъ, что «ежели де я вскорѣ не получу, то я и не знаю, какъ мнѣ отвѣтствовать». И онъ говоритъ, что они его будутъ столько мучить, что онъ принужденъ будетъ правду сказать. И то не добро будетъ. Того ради сдѣлайте поскорѣе для-бога. Не имѣетъ ли Шепелевъ здѣсь денегъ отъ императрицы, то вы пришлите указъ... Прошу не оставьте своимъ письмомъ... какъ-то дѣло происходитъ? Вы, дядюшка, можете разумѣть, о чемъ я съ вами говорилъ.»

Дядюшка дѣйствительно выразумѣлъ, что дѣло зѣло не добро, и деньги были возвращены; отецъ архимандритъ обѣщалъ возвратить ихъ черезъ двѣ недѣли съ 500 руб. прибавки. Выполнилъ ли онъ обѣщаніе — незнаемъ; извѣстно же то, что Монсъ обще съ сестрой и племянникомъ брались перевершать и вершить дѣла такія, какія не рѣшался даже чинить сенатъ, «понеже учинило бы то въ городѣ конфузію» (2).

Ходатайства государынинаго фаворита до такой степени вызывали довѣріе къ его силѣ со стороны многихъ персонъ высокаго сана, что ростовскій архіерей, членъ святѣйшаго синода, Юрій Дашковъ по смерти Стефана Яворскаго рѣшился обратиться къ Монсу въ слѣдующею въ высшей степени оригинальною просьбою; она написана была въ видѣ письма, но безъ подписи, и дошла до насъ невполнѣ:

«Милостивой мой благоворитель — писалъ преосвященный Георгій—Виллимъ Ивановичъ! Понеже я вашимъ снисхожденіемъ обналеженъ, того ради покорне прошу, не оставьте нашего прошенія въ забвеніи: первое, чтобъ въ синодѣ быть вицъ-президентомъ. . . .

. . . . . .

(1) То-есть отдала взятку, особо полученную ею отъ архимандрита Тихона.
(2) Письма Петра Балка къ Монсу.

. . . мнѣ въ семъ самая нужда . . . . . или на Крутицы... весьма надобно. А что васъ такъ трудую, и въ томъ не зазрите, понеже сими числы готовять въ докладъ, а какъ вы не изволите упередить, то впредь трудно будетъ дѣлать, ежели кому иному здѣлаютъ. Пожалуйста потрудитесь сими часы...» Письмо отослано на двухъ дорогихъ чалыхъ лошадкахъ, которыя и оставлены въ видѣ дружескаго презента на конюшнѣ Монса.

Послѣ подобнаго пастырскаго приниженія предъ нѣмцемъ «подлой породы» было бы странно удивляться молодымъ придворнымъ, взросшимъ уже въ тлетворномъ воздухѣ полуевропейскаго, полуазіятскаго двора, — было бы странно, говоримъ мы, удивляться ихъ «забѣжкамъ» и «заискиваніямъ» въ Монсѣ. «Ранги», «жалованныя деревни» и разныя «вальготности» были слишкомъ большимъ соблазномъ для птенцовъ; устоять противъ него было трудно людямъ, усвоившимъ съ пороками отцовъ всю «нечисть», занесенную нѣмцами-проходимцами...

Вотъ предъ нами нѣсколько подобныхъ сподвижниковъ.

Князь Андрей Черкасскій, вопреки указамъ, отвиливаетъ отъ службы, хочется ему побарствовать въ своихъ вотчинахъ, и онъ «молитъ милостиваго патрона подать ему руку помощи». А чтобъ рука протянулась охотнѣе, заказываетъ для Монса дорогую бахраму (вѣроятно для кафтановъ), отыскиваетъ и шлетъ въ подарокъ прекраснаго иноходца съ своими запасами и проч.

Михаилъ *Головкинъ*, будущій кабинетъ-министръ, въ настоящее же время бывшій резидентомъ въ Берлинѣ, дѣлаетъ для Монса разныя закупки, высылаетъ ему парики и т. п. вещи.

Князь Никита Юрьевичъ *Трубецкой*, молодой человѣкъ въ то время, нижайше проситъ Виллима Ивановича показать къ нему свою милость — испросить у ея величества... «чтобы пожаловать меня... въ оберъ-офицеры въ преображенскій полкъ... за что я со всею нашею фамиліею вамъ, государю моему, служить до смерти обѣщаюся» (1).

Князь Михайло *Бѣлосельскій*, морякъ, «не восчувствовалъ даже себя съ радости», когда узналъ изъ письма Монса о своемъ производствѣ въ новый чинъ: «и то признаваю, — отвѣчалъ онъ «батюшкѣ» Виллиму Ивановичу, — въ эвтомъ моемъ повышеніи ваше одно милостивое ко мнѣ стараніе явилось, безъ котораго бъ ни въ два года пожалованъ не былъ бы.»

---

(1) Это тотъ самый Трубецкой, который впослѣдствіи, въ 1743 году, обще съ Ушаковымъ и Лестокомъ приговорилъ *родную племянницу* Монса, Наталью Лопухину, къ вырѣзанію языка, колесованію и къ выставкѣ ея трупа на колесѣ.

Съ просьбами о чинѣ обращается къ Монсу Владиміръ *Шереметьевъ:* онъ обиженъ тѣмъ, что товарищи не хотятъ признать за нимъ рангъ генералъ-майора безъ балотировки, почему и проситъ, «дабы черезъ васъ внушено было государынѣ о моей обидѣ, и чтобъ ея величество» и проч.

У того же величества проситъ похлопотать опытный интриганъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ: ему хочется «титулъ тайнаго совѣтника», «за которую вашу, моего государя, милость — пишетъ онъ Монсу — доколѣ живъ, служить во всемъ къ вашему удовольствію буду» (1).

Просьба честолюбиваго гофмаршала митавскаго двора повторяется въ четырехъ сряду письмахъ! Съ петровскаго времени табель о рангахъ явилась привлекательной лѣствицей, на которую съ горячностью, заслуживающей лучшей цѣли, поползло все служилое сословіе.

Кормитъ и холитъ лошадей общаго «патрона» князь Андрей *Вяземскій*, съ тою цѣлью разумѣется, чтобы патронъ «охранилъ по своей милости отъ всякаго на него проноса предъ ея величествомъ, такъ какъ у него, князя Вяземскаго, надѣянія болѣе нѣтъ, какъ на его милость Виллима Ивановича.» (Вяземскій вѣдалъ однимъ изъ имѣній государыни).

Но лучшимъ типомъ всѣхъ «сподвижниковъ» Петра, подвизавшихся въ происках и заискиваніяхъ, служитъ Артемій Петровичъ Волынскій. Молодой гвардейскій солдатъ въ 1700 годахъ, онъ въ 1715 году въ чинѣ подполковника былъ посланникомъ въ Персіи, а въ 1718, на тридцатомъ году отроду, былъ генералъ-адъютантомъ государя и губернаторомъ Астрахани. Волынскій безспорно былъ человѣкъ не изъ дюжинныхъ, способный, энергическій, вполнѣ обвѣянный духомъ новаго времени, а слѣдовательно далеко не чуждый интригъ и стремленій выкопать яму ближнему и на его разбитомъ счастіи построить свое собственное (2). Тщеславный, честолюбивый, онъ любилъ интриговать и ужь съ этого времени сталъ извѣстенъ за «смутника». Честолюбіе было главною пружиною всѣхъ дѣйствій Волынскаго; желаніе выдвинуться впередъ, сдѣлать вочто

---

(1) Готовность эта осуществлялась на дѣлѣ дотого, что Монсъ чрезъ гофмаршала заказывалъ себѣ въ Митавѣ башмаки. Бестужевъ брался наблюсти, чтобъ сапожникъ не смѣшалъ колодки, чтобъ башмаковъ было сдѣлано неменѣе дюжины и проч.

(2) Блестящую и вѣрную характеристику Волынскаго представилъ *І. И. Шишкинъ* въ біогр. очеркѣ: «А. П. Волынскій», ч. I, стр. 468—469.

бы то нистало блестящую карьеру руководило всѣми его и хорошими и дурными поступками. «Надобно, когда счастье идетъ, нестолько руками, но и ртомъ хватать и въ себя глотать», говаривалъ Артемій Петровичъ, и вѣрный своей цѣли, все-таки старался имѣть въ сильномъ фаворитѣ государыни «сердечнаго и наивѣрнѣйшаго друга и брата». И немудрено: этотъ «другъ и братъ» спасалъ его отъ разныхъ бѣдъ, выставлялъ его дѣйствія въ лучшемъ свѣтѣ, дѣлалъ «напамятованія» о наградахъ и проч. Вызывалось это радѣніе у корыстнаго нѣмца не одними комплиментами со стороны Артемья Петровича, но и разными услугами и болѣе или менѣе цѣнными подарками; вообще найденныя нами письма Волынскаго къ Монсу— матерьялъ далеко не безынтересный для характеристики типической личности будущаго кабинетъ-министра, любопытнымъ въ тоже время и для знакомства съ фаворитомъ Екатерины (1).

Волынскій пріѣхалъ въ Петербургъ въ декабрѣ 1718 года; какъ человѣкъ близко знакомый съ внутреннимъ состояніемъ Персіи и отношеніями какъ ея, такъ и кавказскихъ народовъ къ юговостоку Россіи, Волынскій, по мнѣнію Петра, былъ очень пригоденъ на посту астраханскаго губернатора; вотъ почему государь требовалъ скорѣйшаго его отъѣзда. Мы уже видѣли какъ тяжело было Артемью Петровичу разстаться съ дворомъ, среди котораго ему, бойкому, ловкому, красивому и остроумному генералъ-адъютанту, несравненно легче было пожать и чины и награды, нежели въ прикаспійскихъ степяхъ. Надо было однако покориться; предъ государемъ отлѣлываться отъ службы, и притомъ человѣку для него «потребному», было трудно, и вотъ, скрѣпя сердце, Волынскій пишетъ (изъ Москвы) къ «другу и брату»: «... далѣ 7 числа сего мѣсяца (февр. 1721 г.) не буду мѣшкать и брося все, поѣду всеконечно... а здѣсь живучи, уже отъ страха сердце надсѣлось... Прости, мой батюшка, другъ мой Виллимъ Ивановичъ, прошу васъ, ежели буду живъ, не оставить, а буде умру, помнить...» Но готовясь принять смерть въ ненавистной ему Астрахани, Волынскій проситъ доложить государынѣ, что онъ подарилъ въ ея можайскія вотчины для завода «изрядныхъ жеребцовъ».

Въ обѣщанный «терминъ» — 7 февраля — Волынскій не выѣхалъ, и еще два дня спустя «доносилъ» Монсу, «только тайно», объ астраханскихъ вѣстяхъ, будто идутъ къ «Терку незваные гости, кото-

---

(1) Мы помѣщаемъ эти письма въ Приложеніи № VIII: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13; здѣсь остановимся только на мѣстахъ болѣе характеристичныхъ.

рыхъ хотя не хочется, однакожъ встрѣчать надобно, ибо оставить нельзя, чтобъ не потчивать»; жалуется, что для этого потчиванья въ его распоряженіи будетъ неболѣе 3,000 противъ 30,000; проситъ похлопотать о присылкѣ ему войска, о поднятіи въ подмогу донцовъ, но будетъ ли или нѣтъ «ко мнѣ прибавокъ», «но не иттить (мнѣ) невозможно и пойду конечно, хотя пропаду; а то причтутъ, что у меня матушкино сердце, котораго во мнѣ и съ робятскихъ лѣтъ не бывало.»

Съ худо скрытымъ недовольствомъ явился Волынскій въ свой папалыкъ; нѣтъ ничего удивительнаго, что все представилось ему въ самомъ дурномъ видѣ, и быть-можетъ дѣйствительно дурное, — онъ не полѣнился росписать докладчику государыни въ самыхъ черныхъ краскахъ. Судя по его письму (отъ 23 іюня 1721 г.), Астрахань была въ то время пустою и совсѣмъ разоренною; стѣны крѣпости во многихъ мѣстахъ развалились, башни были близки къ паденію; въ пяти полкахъ гарнизона едва набралось 2,000 годныхъ фузей, «драгунскихъ лошадей по табелю только одна, а мундировъ какъ на драгунахъ, такъ и на солдатахъ ни на одномъ» и проч. описывалось въ томъ же родѣ. Такого рода описаніе дѣлалось разумѣется не безъ того, чтобъ представить собственные труды затруднительнѣе, а результаты ихъ блестящими: «поистинѣ, — восклицалъ Волынскій, — что ни вижу, все надобно вновь дѣлать! И такая пришла на меня напасть, что не знаю за что приняться...» (1) Горько жаловался Волынскій, что вотъ де непріятель все разорилъ и пограбилъ около Терка и гребенскихъ казаковъ, «о чемъ какъ въ сенатѣ, такъ и въ коллегіи чаю не одну стопу бумаги измарали, но резолюціи ниоткуда нѣтъ». Губернаторъ убѣдительнѣйше просилъ Монса поторопить кого слѣдуетъ высылкой ему подкрѣпленія, безъ чего ему доводится идти противъ непріятеля съ двумя тысячами кой-какъ обмундированныхъ и вооруженныхъ солдатъ да нѣсколькихъ тысячъ калмыковъ.

Письма Волынскаго вызывали со стороны Монса разныя «дружескія благодѣянія» и Артемій Петровичъ благодарилъ государыню арапомъ съ арапкою и съ двумя арапченками, а фаворита ея — лошадью съ серебрянымъ мундштукомъ и турецкимъ сѣдломъ. О своемъ «каторжномъ житьѣ» Волынскій доносилъ особымъ прошеніемъ къ государынѣ, въ которомъ излагалъ всѣ свои нужды.

---

(1) «...Прошу, чтобъ опредѣлить ко мнѣ товарища, — писалъ Волынскій къ Монсу, — понеже какъ вижу нынѣ, что у меня больше дураковъ, нежели умныхъ. И тако съ трудомъ дѣла и при мнѣ будутъ, а ежели мнѣ куда отлучиться, то поистиннѣ некому вручить будетъ; того ради вездѣ возможно ль одною головою все сдѣлать?..» См. Прилож. VIII, 13.

«И притомъ васъ, моего государя и друга — писалъ астраханскій губернаторъ, — прошу оное (челобитье) ея величеству наединѣ вручить. А прочелъ бы (ей) Алексѣй Васильевичъ (Макаровъ). Того ради извольте излучить, чтобъ онъ тутъ былъ (¹); а васъ чрезъ бога (т. е. ради бога) прошу показать свою дружескую ко мнѣ милость въ предстательствѣ къ ея величеству.» Терскія дѣла кончились удачно; отряды Волынскаго «порубили и въ полонъ побрали сколько смогли, и бродили по болотамъ и по степямъ какъ хотѣли, и такъ счастливо сію начатую на востокѣ компанію окончивъ,—шутитъ Волынскій,—а шпаги изъ ноженъ не вынималъ». Изъ взятыхъ трофеевъ Артемій Петровичъ побилъ челомъ Монсу «изрядным мальчикомъ», а Матрену Балкъ полпудомъ кофе; да и было за что дарить: стараніями Виллима Ивановича, въ январѣ 1722 года состоялся указъ ѣхать Волынскому въ Москву. «И не знаю—отвѣчалъ губернаторъ—какое благодареніе могу приписать, понеже сіе выше моего ума дѣло...» лечу... «нетокмо руки, но слѣды ногъ ихъ императорскаго величества... радуюся всеподданнѣйше цѣловать!..» Въ ожиданіи чего посылалъ онъ отъ «простоты своего усердія» астраханской дичи: драхвъ, фазановъ и кабаньихъ поросятъ. На лету къ вожделѣнной цѣли съ Волынскимъ случилось несчастье: недоѣзжая Царицына онъ провалился было въ полынью (февраль 1722 г.) и едва спасся; замочилъ весь багажъ, но забылъ всѣ бѣды и убытки (такъ увѣрялъ въ письмѣ къ Монсу изъ Царицына) при мысли о скоромъ свиданіи съ ихъ императорскими величествами и съ нимъ, сердечнымъ братомъ. «Паче другова убытка — приписывалъ Волынскій — зѣло мнѣ жаль перуковъ, понеже что было все, тутъ же и любимые ваши два никуда негодятся. Перуки всѣ полиняли, только остались черные, и тѣ безъ глянса. Я васъ, моего друга и брата, прошу потрудиться два перука, тупе и около полдюжины чулковъ (если у васъ цвѣтныхъ нѣтъ) сыскать. Однакожъ я слышу, что и васъ заставила неволя щеголять, и рубашки уже слышу, что начали вы съ манжетами носить, что за великое удивленіе почитаю, и вовсе не буду вѣрить, нежели глазами моими увижу.» Извѣщая о своемъ несчастіи, Волынскій былъ увѣренъ, что оно будетъ доведено до свѣдѣнія государыни и разумѣется увеличитъ милость ея къ человѣку жертвующему жизнью, чтобъ только скорѣй пасть къ ея стопамъ; съ неменьшей обстоятельностью Волынскій просилъ Монса приготовить ему квартиру въ слободѣ нѣмецкой, чтобъ только быть ближе къ Преображенскому (гдѣ жили въ это время государь съ государыней) «и къ вамъ бы быть ближе».

(¹) Виллимъ Ивановичъ, какъ извѣстно, читать порусски не умѣлъ.

Въ 1723 — 1724 годахъ Волынскому довелось оправдываться предъ государемъ въ разныхъ астраханскихъ его противностяхъ; тутъ-то помощь Монса особенно явилась необходимою, и Монсъ хлопоталъ съ обычнымъ успѣхомъ за друга-*дарителя*... Но особенно сторицею вознаградились Монсу услуги царицѣ Прасковьѣ. Читатели наши безъ сомнѣнія помнятъ, какъ глубоко потрясена была старушка ссылкой ея любимца Василія Алексѣевича Юшкова въ 1723 году; судьба однако въ лицѣ Виллима Ивановича дозволила ей увидѣть Юшкова на свободѣ. Свобода была куплена 2,000 рублями наличныхъ денегъ (изъ нихъ половину далъ Юшковъ); кромѣ ихъ царица подарила Монсу два мѣста подъ Петербургомъ, близь Стрѣльны; мѣста эти вытягивались вдоль морского берега по тысячѣ саженъ въ длину да по сотнѣ въ ширину, и съ пашнею, лѣсомъ, сѣннымъ покосомъ и всѣми угодьями отошли въ вѣчное владѣніе Виллима Ивановича, а промежъ тѣхъ мѣстъ въ срединѣ стоялъ дворъ, также подаренный ему царицей, и на томъ дворѣ было разное строеніе. Юшковъ кромѣ денегъ поднесъ своему освободителю серебряный сервизъ.

Мы не перечисляемъ всѣхъ поборовъ Монса, такъ какъ къ этой статьѣ его доходовъ еще возвратимся, но замѣтимъ тутъ, что не всѣ имѣвшіе нужду въ Монсѣ рѣшались «утруждать» его просьбами: съ теченіемъ времени и съ возрастаніемъ своей силы, камеръ-юнкеръ дѣлался разборчивѣе, вступался не за всякаго, то-есть льстился не на всякой презентъ, и тогда нуждающіеся въ немъ прибѣгали къ посредству его родственниковъ. Матрена Ивановна Балкъ, ея сынъ Петръ Федоровичъ, ея зять Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, товарищи дѣтства Монса—Густавъ Функъ да докторъ Брейтигамъ—всѣ эти лица составляли тѣсный кружокъ довѣреннѣйшихъ лицъ Виллима Ивановича. Кружокъ дѣйствовалъ согласно, преслѣдовалъ общіе интересы; члены его помогали другъ другу совѣтами, указаніями, предостереженіями, деньгами, всѣмъ, что отъ нихъ зависѣло и въ чемъ настояла нужда.

Монсы обставили себя при дворѣ какъ нельзя лучше: такъ напримѣръ Матрена Ивановна, пользуясь большою любовью къ ней государыни, въ тоже время дѣйствовала на Екатерину еще чрезъ брата и тѣмъ охотнѣе брала на себя порученія разныхъ аристократовъ; хлопоты эти оплачивались... Приведемъ два письма ея къ брату; они свидѣтельствуютъ, что Матрена Ивановна никакъ не хотѣла остаться въ сторонѣ отъ разныхъ порученій: «Любезный братецъ,—писала она къ Монсу,—Петръ Салтыковъ посылаетъ къ тебѣ своего слугу и проситъ ради-бога похлопотать объ его имѣніи; его туда не пускаютъ; сдѣлай пожалуйста все, что только возможно,

потомучто старая императрица (т. е. царица Прасковья) хочетъ взять имѣніе себѣ и Олсуфьевъ (исполняя ея желаніе) посылалъ уже туда приказчиковъ, чтобъ силой завладѣть имѣніемъ Салтыкова.»

«... Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій меня просилъ, — писала Матрена въ другомъ письмѣ, — чтобы я къ тебѣ написала о немъ и просила бы тебя не оставить его и помочь ему въ его дѣлахъ (князю хотѣлось завладѣть однимъ выморочнымъ имѣніемъ; *по дружбѣ* онъ ужь успѣлъ подарить Монсу девять лошадей)... Прошу, любезный братецъ, помоги ему; онъ совершенно на тебя полагается...» и т. п. (1).

Подобное участіе къ дѣлу того и другого вельможи со стороны г-жи Балкъ будетъ понятно, если мы скажемъ, что Салтыковъ подарилъ ей возокъ, а князь Алексѣй Долгорукій коляску да шестерикъ лошадей. Неприводя разныхъ просительныхъ писемъ къ Матренѣ, мы укажемъ только на разнообразіе подарковъ, какими ее осыпали: такъ Долгорукіе — князь Федоръ, княгиня Анна, также жена Василія Лукича Долгорукова; затѣмъ княгиня Черкасская, Строгановъ, Шафировъ, княгиня Анна Голицына, дарили ее: кофеемъ, съѣстными припасами, опахаломъ, атласомъ китайскимъ, балберекомъ; Балкша стала брать еще съ 1714 года деньгами за разныя ходатайства предъ государыней, съ которою она, какъ мы видѣли, и тогда была довольно близка; и вотъ Грузинцовы, Красносельцовъ, капитанъ Альбрехтъ, Ржевскій, царевны Прасковья Ивановна, Анна Ивановна, сама царица Прасковья дарила ей суммы денегъ отъ 50 рублевъ до 200 червонныхъ.

Подобнымъ же безкорыстнымъ посредникомъ между челобитчиками и Монсомъ, былъ племянникъ его Петръ Федоровичъ Балкъ; онъ началъ службу въ воронежскомъ полку солдатомъ, за участіе въ баталіи подъ Лѣснымъ сдѣланъ лейтенантомъ, а по взятіи Эльбинга пожалованъ въ капитаны. За «добрые поступки» переведенъ въ лейбъ-гвардіи лейтенанты и съ 1715 года, то-есть годомъ раньше своего дяди, «по указу, употребленъ былъ въ дворовой службѣ при ея величествѣ». Государыня постоянно была ласкова къ Балку и этотъ «весьма красивый и пріятный молодой человѣкъ», былъ одинъ изъ довѣреннѣйшихъ ея приближонныхъ; она его со-

---

(1) Къ Матренѣ Ивановнѣ обращались съ просьбами о покровительствѣ и заступничествѣ лица разнаго сословія. Такъ художникъ Ведекиндъ просилъ ее о исходатайствованіи ему прогоновъ до С.-Петербурга, куда онъ ѣхалъ по приглашенію императрицы, просилъ приготовить квартиру и исходатайствовать ему покровительство императрицы противъ Дангауера и Монса, которые были недовольны призывомъ его въ столицу. (Письмо изъ Ревеля 20 іюля, 1724 г.)

сватала на дочери одного изъ богатыхъ чиновниковъ своего вѣдомства Палибина. Балкъ обручился, но какъ расчетливый нѣмецъ, и на бракъ смотрѣвшій какъ на аферу, Балкъ сталъ торговаться о приданомъ, не сошолся съ отцомъ невѣсты и бросилъ послѣднюю. Палибинъ съ горечью жаловался Виллиму на «неподобный» поступокъ Балка, но Виллимъ Ивановичъ не помѣшалъ племяннику жениться на какой-то Марьѣ Полевой, послѣдней въ родѣ (1); Монсъ выхлопоталъ молодымъ приказъ писаться: «Балкъ-Полевы», былъ очень расположенъ къ нимъ и какъ истый дядюшка, зачастую помогалъ деньгами. Зато и Балкъ слѣпо былъ преданъ Виллиму Ивановичу: все что ни говорилось имъ государынѣ и при дворѣ, о чемъ только ни брался онъ хлопотать, все дѣлалось неиначе, какъ по предварительному сношенію съ дядей. Очень часто Петръ Федоровичъ былъ въ долѣ съ нимъ относительно «презентовъ» просителей, такъ какъ принималъ участіе въ хлопотахъ по этимъ прошеніямъ. И въ письмахъ, и просьбахъ разныхъ лицъ къ Монсу мы безпрестанно находимъ глубокіе поклоны, которые просили Монса передать его племяннику и сестрѣ.

Впрочемъ бо́льшая доля хлопотъ Балка была устремлена на то, какъ бы побольше выпросить разныхъ «дворовъ и животовъ» отъ «премилостивой матери государыни Екатерины Алексѣевны». Преслѣдуя эту цѣль, Петръ Федоровичъ являлъ необыкновенную заботливость и рядомъ писемъ штурмовалъ дядю, вызывая того на совѣты о тѣхъ или другихъ деревняхъ.

«... о которыхъ я вамъ, государь дядюшка, деревняхъ писалъ, есть ли надежда, что пожалуетъ ли оныя деревни намъ государыня; да о которомъ дѣлѣ я писалъ до васъ, а именно о Дубровскомъ, не извольте, государь дядюшка, забыть и показать къ нему милость и пр.»

Прилагались росписи деревень; Петръ Федоровичъ рекомендовалъ въ какихъ мѣстахъ просить, обозначалъ числа дворовъ и проч.; «и о тѣхъ деревняхъ васъ государь дядюшка прошу, чтобъ вы изволили постараться, по своей милости, чтобъ оныя деревни мнѣ достались бы; пожалуй, государь дядюшка, не оставь моего прошенія, да изволь оными челобитными не замѣшкать, чтобъ эти деревни у себя не опустить»... такъ какъ онѣ были въ хлѣбородныхъ мѣстахъ и Балкъ уже успѣлъ о состояніи ихъ навести обстоятельнѣйшія справки. Монсъ разумѣется не упускалъ случая побить челомъ о деревняхъ и животахъ. Такъ просилъ онъ у государя

(1) Полева была дѣвушка богатая, красивая и знатная по происхожденію; партія была блестящая.

дворцовую волость въ козельскомъ уѣздѣ, состоящую изъ двухъ селъ и семи деревень, а въ нихъ было 423 двора (1); такъ былъ онъ челомъ объ отдачѣ ему отписной вотчины Петра Шафирова въ пензенскомъ уѣздѣ Ломовскую слободу, на томъ де основаніи, что она никому еще не отдана и т. д.

Подобными же почти основаніями руководствовалась и сестрица его Матрена Ивановна; прослуживъ въ 1717—1718 годахъ, «полтретья года», гофмейстершею при дворѣ Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, Матрена Ивановна увѣряла, что «одолжилась на этой службѣ многими долгами», ради чего, лишь только пріютилась подъ крыломъ государыни, неумедлила просить о пожалованіи ей въ уѣздѣ кексгольмскомъ — Питерскаго погоста, которымъ владѣлъ князь Василій Федоровичъ Долгорукій; да въ козельскомъ уѣздѣ три села съ приселками и деревнями и со всѣми угодьями, которыми владѣлъ думный дьякъ Артамонъ Ивановъ; да въ дерптскомъ уѣздѣ одну мызу, потому де, что сю владѣли нѣкогда коменданты города Дерпта, а мужъ ея былъ въ этомъ городѣ комендантомъ, да нѣсколько деревень въ Украинѣ, оставшихся отъ раздачи разнымъ лицамъ по смерти владѣльца ихъ полковника Перекрестова и проч. (2). Говорить ли о томъ, что просьба «Modest'ы Balck», ея братца «де Монца», ея сына и проч. имъ подобнымъ иноземцевъ не оставались втунѣ. Деревни — съ крестьянскими душами и животами — сотнями шли въ раздѣлку между этими исчадіями преобразовательной эпохи (3).

Въ виду подобныхъ порабощеній разными нѣмками и нѣмцами — православнаго народа, въ виду этого наплыва новой татарщины только не съ востока, а съ запада, не имѣлъ ли права вопіять народъ: «пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ воспріяли и всѣми благими ихъ наградили, а хри-

---

(1) Каб., II пол., т. LVIII, л. 18; LXV, л. 163, 253.

(2) Каб., II пол., кн. LVIII, л. 528, 529, 306, 368.

(3) Панегиристы Петра, вродѣ извѣстнаго Нартова, въ доказательство отличнаго правосудія преобразователя приводятъ между прочимъ то, будтобы онъ отмѣнилъ же стокое «азіатское обыкновеніе» лишать имѣнія тѣхъ наслѣдниковъ, коихъ отцы учинили измѣну или иную вину противъ государя и тѣмъ заслуживали одни только праведное наказаніе: «Государю зазорно обогащаться, — разсуждалъ Петръ по правосудію и своему великодушію, — зазорно обогащаться стяжаніемъ подданнаго и невинное семейство его лишать имущества и пропитанія. Невинность вопіетъ къ Богу.» *Нартовъ.* Москва, 1842 г. № 11. — Но на разсужденіяхъ, какъ кажется, дѣло и останавливалось; никогда такъ не было много конфискацій, какъ при Петрѣ-великомъ; «невинность вопіяла», а доморощенные и заѣзжіе птенцы нещадно клевали и растаскивали изъ-подъ когтей орла — дворы, деревни, села, цѣлыя волости «отписныхъ» имѣній.

стіанъ бѣдныхъ бьючи на правежахъ и съ податей своихъ гладомъ поморили, ло основанія всѣхъ разорили и отечество наше пресловущія грады и драгія виногради, рѣкше святыя церкви, опустошили, и что иное рещи и писанія неудобно извести, удобнѣе устномъ своимъ ограду положить, но вельми... сердце болитъ, видя опустошеніе... и людъ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами...»

Нестерпимо было народу, зато въ весельи, довольствѣ и счастіи проводили вѣкъ свой баловни счастія. Такъ въ 1723 году мы видимъ нашего героя владѣльцемъ богатыхъ имѣній, онъ неотлучно при дворѣ, въ домъ его идетъ большая дача изъ дворца всевозможныхъ запасовъ: муки разныхъ сортовъ, крупъ, гороху, соли, солоду, ветчины, овса, сѣна, дровъ, вина бѣлаго и краснаго, водки; богатоубранный домъ его по Мойкѣ полонъ, какъ чаша, всякихъ благъ; на его конюшнѣ стоятъ до тридцати прекрасныхъ аргамаковъ и дорогихъ кобылицъ; въ его покояхъ прислуживаетъ двадцать человѣкъ, и кромѣ того къ его услугамъ всегда готовы конюхи, кучера, повара, приказчики и управляющіе государыни; онъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ: списки его покупокъ весьма длинны, итоги издержекъ по своему времени громадны: онѣ доходили иногда до четырехъ тысячъ рублей, издержанныхъ на бархатъ, шолковыя матеріи, пуховыя шляпы, башмаки, позументы, конфеты и т. п. произведенія роскоши (1).

Среди богатства и счастья встрѣтилъ счастливый фаворитъ Екатерины новый 1724 годъ; со стороны его друзей и знакомыхъ раздавались льстивыя поздравленія да пожеланія, «дабы вышній благословилъ (насъ) сей наступающій годъ и впредь много лѣтъ во здравіи, счастливо препроводить»... Монсъ былъ озабоченъ въ это время приготовленіями къ величайшему торжеству своего «высокаго свѣтила»: Петръ Андреевичъ Толстой чуть не съ каждой почтой писалъ къ Монсу изъ Москвы о своихъ хлопотахъ по устройству предстоящей коронаціи Екатерины, спрашивалъ о тѣхъ или другихъ покупкахъ, просилъ совѣтовъ, приказаній, инструкцій (2); люди Монса уже отправились въ Москву съ его вещами: ему приготовили хоромы въ селѣ Покровскомъ, въ домѣ ея величества; разныя лица били ему челомъ о «напоминаніяхъ» государынѣ во время коронаціи, о разныхъ милостяхъ (3), словомъ камеръ-юнкеръ былъ въ апогеѣ

---

(1) Реестръ годовыхъ припасовъ и питій В. И. де-Монсу; реестръ лошадямъ его; реестръ людямъ Виллима Ивановича и т. п. его бумаги.

(2) Письмо П. А. Толстого къ Монсу (въ прилож. X. 1, 2); письмо Литвинова отъ 27 дек. 1723 г. и проч.

(3) Между прочими просила жена Шафирова: приданое и пожитки ея были описаны по дѣлу мужа и она молила о возвращеніи ихъ.

своего счастія, новый годъ весело улыбался ему, ни одной тучки не было на его горизонтѣ... Оставляя Монса самоуслаждаться счастьемъ и льстить себя сладкими надеждами на предстоящія награды и отличія, обратимся къ источнику его фортуны, къ супругѣ Петра великаго.

V

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА

(1717—1723)

Отношенія Петра къ Екатеринѣ оставались прежнія: нѣжная заботливость, ласка, любовь со стороны Петра, и шутливое выраженіе любви со стороны Екатерины — вотъ общій тонъ переписки ихъ съ 1717 по 1723 годъ (1). Государь съ самаго начала этого времени, еще въ январѣ 1717 года, жаловался на свою недужность, *на обыкновенное безсилье* да чечюй; Петръ чувствовалъ, что старѣетъ, что нравиться женщинѣ, почти на-половину его моложе — дѣло трудное, и вотъ въ виду этого обстоятельства, сдвали для него пріятнаго, онъ чаще и чаще сталъ трунить и надъ своей фигурой, и надъ своими годами: «Благодарствую за присылку: партреты, а не хари; только жаль, что стара; присланной — кто говорилъ — племянникъ, а то-бъ мочно за сіе слово наказанье учинить; также (благодарю) и за лекарство»... «Сіе письмо посылаю (27 іюня 1719 г.), чтобъ поспѣло позавтрее къ вамъ къ именинамъ вашего старика.» Или: «Сожалѣю, что розна празднуемъ (годовщину полтавской битвы), также и позавтрешній день святыхъ апостолъ, — старика твоего именины и шишечки» (Петра Петровича) и т. д. Скука по-прежнему неминуемо сопровождала у него разлуку съ женой: «...а что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ, что вамъ зѣло скучно, тому я вѣрю; только шлюсь на доносителя, каково и мнѣ безъ васъ (въ Спа, 1717 г.)... когда отопью воды, того же дня поѣду... дай-богъ въ радости видѣть васъ, что отъ сердца желаю...» Таже тоска разлуки томитъ государя пять лѣтъ спустя: «дай-боже васъ видѣть въ радости, а безъ васъ скучно очень.» «Я бы желалъ, чтобы и вы... были, — приглашаетъ Петръ Екатерину въ Петергофъ, — ежели вамъ нетрудно (государь уже не приказываетъ, какъ

(1) Переписка имп. Петра I съ государынею Екатериною Алексѣевною, изд. Комиссіею печат. госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1861, стр. 60—141 и 157—166.

прежде, а проситъ); и лучше бы позавтрее туда прямо проѣхали, понеже лучше дорога, нежели отъ Питергофа, которая зѣло трудна; а пустить воду (изъ фонтановъ) безъ васъ нехочется...» «Хотя слава-богу все хорошо здѣсь (близь Ревеля, іюль 1723 г.), только безъ васъ скучно, и для того на берегу не живу» и проч.

Съ обычнымъ лаконизмомъ въ письмахъ извѣщаетъ Петръ «сердешнинькаго друга» о впечатлѣніяхъ, выносимыхъ имъ во время безпрерывныхъ переѣздовъ своихъ съ мѣста на мѣсто, въ особенности въ бытность свою заграницей. Такъ онъ дѣлится замѣчаніями насчетъ видѣнныхъ садовъ, крѣпостей и гаваней, великой бѣдности «людей подлыхъ» (во Франціи), сообщаетъ разныя реляціи о битвѣ австрійцевъ съ испанцами, о побѣдѣ своего адмирала надъ шведскимъ флотомъ, высказываетъ желанія по поводу воспоминанія о той или другой побѣдѣ, того или другого событія, словомъ — важное и неважное, дѣло и думы, все сообщается супругѣ. Какъ хозяйкѣ своей, онъ дѣлаетъ порученія прислать то ту, то другую вещь, — портретъ свой, чертежъ корабля, фрукты, разные запасы; въ особенности часто проситъ «крѣпиша», т. е. водки, «армитажа» (вино); поручаетъ озаботиться о починкѣ корабля или сдѣлать постели на новое морское судно (предъ скорымъ свиданьемъ, іюль 1717 г.), съ англинскими матрасами, «и чтобъ не богаты были постели, да чистеньки»; напоминаетъ объ устройствѣ пирушки, ради семейнаго праздника или годовщины викторіи. Недужный «старикъ», Петръ продолжалъ осыпать свою Катеринушку подарками, не столько цѣнными, сколько выражавшими его любовь къ ней и вниманіе. То онъ шлетъ попугаевъ, канареекъ, мартышку, разныя деревья; то посылаетъ изъ Брюсселя кружева, съ просьбой прислать образецъ, какіе имена или гербы въ оныхъ дѣлать, — а та, какъ женщина исполненная большого такта, проситъ его въ отвѣтъ заказать на кружевахъ ихъ общій вензель; вслѣдъ за кружевами посланъ изъ Кале другой подарокъ — «карло-француженинъ»: «извольте его въ призрѣніи имѣть, чтобъ нужды не имѣлъ»; изъ ревельскаго дворцоваго сада отправлены Петромъ цвѣты да мята, что сама садила Катеринушка. «Слава-богу — замѣчаетъ при этомъ нѣжный старикъ (1719 г.) — все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно»... «И у насъ (въ Спб.) гуляпья есть довольно — поэтизируетъ въ отвѣтъ Катеринушка устами своего секретаря: — огородъ (т. е. садъ) раскинулся изрядно и лучше прошлогодного; дорога, что отъ полатъ, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожалѣю, что не вмѣстѣ съ вами гуляю. Благодарствую, другъ

мой, за презентъ (за цвѣты и мяту). Мнѣ это не дорого, что сама садила: то мнѣ пріятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости здѣшняго огорода фруктовъ... дай-боже во здоровье кушать!»

Неменѣе нѣжными голубками являлись державные супруги при свиданіи. Вотъ зайдите напримѣръ въ палату къ государынѣ. Докторъ Арескинъ показываетъ ей опыты: онъ вытягиваетъ изъ-подъ хрустальнаго колокола воздухъ; подъ колоколомъ трепещется ласточка. — «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной! говоритъ государь: она не разбойникъ.» — «Я думаю дѣти по ней въ гнѣздѣ плачутъ», добавляетъ «Катеринушка», беретъ ласточку и выпускаетъ ее въ окно... «Не изъявляетъ ли сіе мягкосердія монаршаго даже до животной птички? восклицаетъ одинъ изъ панегиристовъ: — кольми жъ паче имѣлъ Петръ сожалѣніе о человѣкахъ!..» А между тѣмъ подъ воркованье голубковъ и одновременно съ подвигами мягкосердія державныхъ супруговъ идетъ дѣло царевича Алексѣя, а затѣмъ производятся московскіе и суздальскіе розыски... Воркованье со стороны «сердешнаго друга» сопровождалось гостинцами и пересыпалось обычными шутками; между гостинцами были апельсины, цитроны (ими, какъ мы видѣли, любилъ угощать Петра и первый другъ его сердца), «крепишъ съ племянникомъ» (водка), причемъ предписывалось пить помалости, ради недужности любезнаго батюшки. «И то правда, — отвѣчалъ Петръ, — всего болѣе пяти въ день не пью, а крѣпиша по одной или по двѣ, только не всегда: иное для того, что сіе вино крѣпко, а иное для того, что его рѣдко. Окончиваю, что зѣло скучно, что... не видимся (Спа, 1717 г.). Дай-боже скорѣе! При окончаніи сего (письма) пьемъ по одной про ваше здоровье...» «И мы — отвѣчаетъ Екатерина — «Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ», т. е. выпьемъ про ваше здравіе. Хозяюшка посылала невсегда одно вино да водку: она посылала клубнику и разные запасы, какъ-то сельди; дарила рубашки, галстуки, шлафроки, камзолъ; обѣщала — ежелибъ былъ при ней хозяинъ, «то бъ новаго шишеньку здѣлала бы». — «Дай-боже, — воскликалъ въ отвѣтъ тотъ, — чтобъ пророчество твое сбылось!».. «Однакожъ я чаю, — пишетъ Екатерина (апрѣль 1717 г., изъ Амстердама), — что вашей милости не такъ скучно, какъ намъ; ибо вы всегда можете Ѳоминъ понедѣльникъ тамъ (во Франціи) сыскать, а намъ здѣсь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать какіе здѣсь люди упрямые...» Достойно вниманія, что *подобнаго рода* шутки со стороны Екатерины, какъ-то заявленія мнимой ревности и т. п., особенно часто стали повторяться *съ 1717 года*.

«Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портомои, — пишетъ она въ маѣ сего года, — однакожъ и старая не забываетъ...» — «Другъ мой, ты, чаю, описалась (о портомоѣ), понеже у Шафирова то есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковской, да и старъ...» а «Понеже во время питія водъ — отшучивался между прочимъ государь — домашней забавы доктора употреблять запрещаютъ, того ради я матресу свою отпустилъ къ вамъ...»

«...а я больше мню, что вы оную (матресишку) изволили отпустить за ея болѣзнью, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченья изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бъ я, отъ чего боже-сохрани, чтобъ и галанъ (любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала.»

«Дай-богъ мнѣ, дождавшись, — ласкается Екатерина (въ 1719 г.), — вѣрно дорогимъ называть старикомъ, а нынѣ не признаваю, и напрасно затѣяно, что старикъ: ибо могу поставить свидѣтелей — старыхъ посестрей; а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся» и проч., въ томъ же родѣ.

Въ какомъ отношеніи интересна дошедшая до насъ переписка Петра съ Екатериной относительно исторіи злополучнаго Алексѣя? Есть ли въ ней какія-нибудь указанія на тѣ злые наговоры мачихи, въ которыхъ винилъ ее самъ страдалецъ-царевичъ? Въ извѣстныхъ до сихъ поръ цидулкахъ Екатерины невидно подобныхъ козней противъ пасынка, но зато о немъ почти и не упоминаетъ царица: а ужь и это знакъ недобрый, являющій если не ненависть ея, то полное нерасположеніе къ царевичу; зато своего «шишечку» Петра Петровича она постоянно называетъ «с. петербургскимъ хозяиномъ», забывая, что въ той же столицѣ есть первенецъ сынъ Петра, за которымъ и должно бы было быть это названье. Итакъ, если не содержаніе, то тонъ, характеръ переписки Петра съ женой немаловаженъ между прочимъ и для исторіи Алексѣя: въ общемъ тонѣ писемъ слышна необыкновенная любовь государя къ женѣ, болѣе и болѣе обхватывающая его мощную душу, любовь, которая вела его на всѣ жертвы ради любимой женщины.

И жертвы, чисто въ духѣ Петра, закладываются съ февраля 1718 года.

Одна изъ процесій осужденныхъ нѣкогда важнѣйшихъ лицъ петровскаго синклита слѣдуетъ въ Петербургъ гремя цѣпьми и поражая встрѣчныхъ истерзаными своими фигурами... Впереди ихъ ѣдетъ монархъ и шлетъ цидулку:

«Катеринушка, другъ мой сердешнинькой, здравствуй! Объявляю тебѣ, чтобъ ты тою дорогою, которою я изъ Новагорода ѣхалъ, отнюдь не ѣздила, понеже ледъ худъ, и мы гораздо съ нуждою проѣхали и одну ночь принуждены ночевать. Для чего я писалъ, двадцать верстъ отъѣхавъ отъ Новагорода, къ коменданту, чтобъ тебѣ велѣлъ подводы ставить старою дорогою. Петръ. Въ 23 д. марта 1718 г.»

Съ одной стороны страшная жестокость, съ трудомъ оправдываемая духомъ времени, современнымъ законодательствомъ, еще труднѣе — государственными цѣлями; съ другой — тотъ же характеръ являетъ черты нѣжности, необыкновенной предупредительности и любви, обратившейся въ глубокую и сильную страсть. Въ виду этого нельзя не признать въ Петрѣ, вслѣдъ за его панегиристами, характеръ полнаго драматизма, характеръ цѣльный, мощный, заслуживающій вниманія и изученія. И съ какимъ тактомъ примѣняется къ нему «сердешный другъ». Петръ сказнилъ сына, скасовалъ и скасовываетъ его сторонниковъ — и вотъ Екатерина отводитъ взоръ его, отуманенный кровью, на картинку семейнаго счастія: «прошу, батюшка мой, обороны отъ Шіотрушки (в. кн. Петръ Петровичъ), понеже немалую имѣетъ онъ со мною за васъ ссору, а имянно за то, что когда я про васъ помяну ему, что папа уѣхалъ, то не любитъ той рѣчи, что уѣхалъ; но болѣе любитъ то и радуется, — заключаетъ Екатерина (24 іюля 1718 года) — какъ молвишь, что здѣсь папа.» (1)

Папа, бывшій въ это время въ Ревелѣ, послалъ мамѣ остриженые свои волосы, и съ этой «непріятной», какъ онъ выражался, посылкой писалъ, какъ кажется по поводу царевича Алексѣя: «что приказывала съ Макаровымъ, что покойникъ нѣчто открылъ, — когда Богъ изволитъ васъ видѣть: я здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не пуще всего что̀ явно явилось...» Екатерина однако помнитъ слова одного изъ прежнихъ своихъ патроновъ — Меньшикова: «слава-де богу, что оный крыющейся огнь (т. е. партія царевича съ ея мнимыми замыслами) по Его, Сотворшаго насъ, къ вашему величеству человѣколюбивой милости, ясно открылся, который уже нынѣ съ помощію Божіею весьма искоре-

(1) О здоровьѣ Петра Петропича писались родителямъ доклады отъ доктора Ивана Блюментроста: «... государь-царевичъ слава-богу въ добромъ обрѣтается здравіи и глазку его высочества есть полегче, такожъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволитъ нынѣ далѣе пальчиками щупать: знатно что и коренные хотятъ выходить» (Іюля 14-го, 1718 г., и т. п. Каб II пол., т. LIII, л. 22.

нить и оное зло запаленіе погашеніемъ истребить возможно.» (1) Екатерина видѣла, что *возможность* осуществлена на дѣлѣ, огнь потушенъ, и ея дѣло — «превысокомудрымъ своимъ разсужденіемъ уничтожить» въ Петрѣ всякое «сумнѣніе». И вотъ она разсѣеваетъ то шутками, то мнимой ревностью, то знаками заботливости и любви, то цидулками о «шишечкѣ»... (2) На этомъ шишечкѣ съ любовью и надеждой останавливаются взоры Петра...

«Оный дорогой нашъ шишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и, при помощи божіей, во свое состояніе происходитъ и непрестанно веселится мунштированьемъ солдатъ и пушечною стрѣльбою...» Этихъ забавъ не любилъ запытанный братъ его Алексѣй: вотъ почему Екатерина рисуетъ картинку, какъ теперешній наслѣдникъ престола тѣшится солдатиками. Это же она повторяетъ и въ послѣдующихъ письмахъ; подобныя извѣстія нравятся «сердечному дружечку-старику».

Между тѣмъ, несмотря на всѣ нѣжности и предупредительность Екатерины въ ея письмахъ къ государю, все-таки видно, что съ этого, именно съ этого времени, т. е. около 1718 года, она охладѣваетъ къ старику, *что-то* такое дѣлаетъ ее, женщину съ такимъ тактомъ, даже неосторожною: она напримѣръ не торопится отвѣчать мужу, и Петръ вынужденъ упрекать ее за молчаніе. Впрочемъ самый тонъ упрековъ долженъ былъ ее успокоить насчетъ чувствъ къ ней супруга; упреки были въ такомъ родѣ: «пятое ... письмо пишу къ тебѣ, а отъ тебя только три получилъ, въ чемъ не безъ сумнѣнія о тебѣ, для чего не пишешь. Для-бога пиши чаще» (3).

«Уже восемь дней какъ я отъ тебя не получилъ письма, чего-для не безъ сумнѣнія, а наипаче что не отвѣтствуешь на письмо (мое) и поелику...» и т. д.

---

(1) Отрывокъ изъ письма Меньшикова къ Екатеринѣ. См. «Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельствамъ вновь открытымъ.» Изд. подъ ред. *М. П. Погодина*. М. 1861, стр. 305.

(2) Въ Петровской галереѣ зимняго дворца виситъ портретъ его. Вел. кн. Петръ Петровичъ представленъ трехлѣтнимъ мальчикомъ, голый, обхваченный кисеей; онъ стоитъ на лѣвомъ колѣнкѣ и правой рукой натягиваетъ лукъ; его русая курчавая головка озарена сіяніемъ; свѣтъ падаетъ и на корону: она вмѣстѣ съ голубой лентой лежитъ подлѣ него на подушкѣ.

(3) Для собирателей и издателей переписки Екатерины приводимъ счетъ полковницы Кампенгаузенши, что̀ она заплатила за письма государыни-царицы, которыя присылались съ почты. Письма эти были отъ слѣдующихъ чиселъ: 1717 г. октября: 10, 13, 17, 18, 20, 25, 28 (два); ноября: 1 (два), 4, 8, 15, 18, 21, 25; декабря: 9 и 16 (два). 1718 г.: февраля: 3, 24; марта: 1, 10, 18 и 23. Сумма за эти письма — 24 руб. 76 коп. Подалъ счетъ Генрихъ Готлибъ.

Но вотъ отправляетъ она къ нему «крепиша, (какихъ-то) колечекъ, травачки», а то вотъ «яблокъ да орѣховъ свѣжихъ» или «венгерскаго крѣпкаго и сладкаго по полудюжинѣ и дюжину полпива, такожъ нѣсколько фруктовъ»; проситъ его, «батюшку» своего, чтобъ тотъ поберечь себя изволилъ, да почаще о здоровьѣ своемъ увѣдомлялъ, «паче же всего — такъ она заявляетъ — самихъ васъ вскорѣ и въ добромъ здоровьѣ видѣть.» И «батюшка» доволенъ, счастливъ и шутливо отписывается съ корабля своего «Ингермаландъ», отъ Ламеланта: «радъ бы, прося у Бога милости, что-нибудь сдѣлать, да негдѣ и не надъ кѣмъ (государь воевалъ въ то время, въ 1719 г., на Балтійскомъ морѣ со шведами); ты меня хотя и жалѣешь, однакожъ не такъ, понеже съ 800 верстъ отпустила, какъ жена господина Тоуба (начальникъ непріятельской эскадры), которая его со всѣмъ флотомъ такъ спрятала, что нетолько его видимъ, но мало и слышимъ, ибо въ полуторѣ мили только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Вакъсгольмомъ и всѣми батареями.» Государь прилагалъ реляцію адмирала Апраксина, пустошившаго въ это время берега Швеціи; изъ приложенія Екатерина могла узнать, какъ «адмиралъ нашъ едва не всю Швецію растлилъ своимъ великимъ спирономъ» (копьемъ).

«Всепокорно прошу вашу милость, — отвѣчала супруга — дабы ... писаніями своими оставлять меня не изволили, понеже въ нынѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ скуки, и только то и радости, что ваши писанія; ибо и въ помянутомъ своемъ (письмѣ) изволите жаловать, что я жалѣю васъ спустя уже 800 верстъ. Это можетъ-быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю — шутила далѣе Екатерина — отъ нѣкоторыхъ вѣдомости, будто королева шведская желаетъ съ вами въ любви быть; въ томъ та не безъ сумнѣнія. А кому-жъ заподлинно признаваемъ, какъ и сами изволили написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надъ всею Швеціею учинилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подъ такіе уже толь немалые лѣта да какое счастіе получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ небыло! Для-бога прошу вашу милость — одного его сюда не отпускать, а извольте съ собою вмѣстѣ привесть.»

Петръ счастливъ, онъ не сердится за молчанье, онъ шлетъ ей взаимно-любезные презенты: «редьку да бутылку венгерскаго», а иногда вина бургонскаго бутылокъ семь, или краснаго дюжину, и все это разумѣется съ обычнымъ желаньемъ: «дай-боже вамъ здорово пить»; вино смѣнялось десяткомъ боченковъ сельдей «гораздо хорошихъ и свѣжихъ»; изъ нихъ только одинъ бочепокъ государь оставилъ у себя, а девять послалъ женѣ... Въ персидскомъ походѣ

то-же вниманіе: безпрестанно обгоняя ее на обратномъ пути въ Россію, государь то шлетъ «новины — звѣно лососи», то проситъ свою *государыню императрицу* «не подосадовать», что замѣшкалъ присылкой ей конвоя; окружаетъ ее заботами о спокойномъ совершеніи путешествія, указываетъ какою ѣхать дорогою, и все это съ вниманіемъ и нѣжностью; повелительнаго тона неслышно уже ни въ одной строчкѣ: напротивъ, Петръ *проситъ* жену «не досадовать», «не гнѣваться» на него!

Любовь, дошедшая до послѣдней степени, закрѣпляется со стороны государя весьма важными дѣйствіями: такъ въ началѣ 1722 года (1) обнародованъ имъ уставъ о наслѣдіи престола. Въ этомъ любопытномъ документѣ вспоминалъ Петръ о авессаломской злости царевича Алексѣя, строго порицалъ «старый недобрый обычай» — большому сыну наслѣдство давать, удивлялся изъ-за чего этотъ обычай людьми былъ такъ затвержденъ, между тѣмъ какъ по разсужденію «умныхъ родителей» дѣлались ему частыя отмѣны, что-де видно и изъ священной, и изъ свѣтской исторіи. Государь приводилъ примѣры, утверждалъ, что въ такомъ же разсужденіи въ 1711 году было имъ приказано, чтобъ партикулярныя лица отдавали бы недвижимыя имѣнія одному своему сыну — достойнѣйшему, хотя бы и меньшому; а сдѣлано это было для того, чтобъ «партикулярные домы не приходили отъ недостойныхъ наслѣдниковъ въ разореніе». «Кольми же паче — гласилъ составитель устава — должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства!» Это попеченіе выразилось въ уставѣ: отъ воли-де государя зависитъ опредѣленіе наслѣдства; кому онъ захочетъ, тому и завѣщаетъ престолъ. «Дѣти и потомки» такимъ образомъ, по мнѣнію преобразователя, «не впадутъ въ злость авессаломскую: они будутъ имѣть на себѣ эту узду — уставъ.»

Вся Россія должна была учинить присягу, что не отступится отъ воли монарха; она признаетъ наслѣдникомъ того, кого онъ похочетъ ей дать, кого онъ ей завѣщаетъ. Уставъ былъ ничто иное какъ переходная мѣра къ объявленію «Катерины» преемницей державы: ея «Петрушеньки» небыло уже на свѣтѣ.

Въ церквахъ у присягъ стояли капитаны и разные чины воинскіе, по городамъ разосланы были солдаты. За «благополучнымъ и изрядным продолженіемъ присягъ» наблюдалъ ревностнѣйшій изъ птенцовъ Петра, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій (2).

---

(1) П. С. З. т. VI, № 3893.

(2) Письмо его къ А. В. Макарову. Каб. II пол., т. LXI, л. 870 и 871.

Россія присягнула.

Но ни солдаты и капитаны, ни страхъ истязаній и каторги не за жалъ рты многимъ изъ тѣхъ, которые не считали вслѣдъ за Петромъ старыхъ обычаевъ недобрыми и вредными.

— Нашъ императоръ живетъ... неподобно... говорилъ народъ: — мы присягали о наслѣдствіи престола всероссійскаго, а именно имъ не объявлено, кого учинитъ (наслѣдникомъ); а прежніе цари всегда прямо наслѣдниками чинили и всенародно публиковали; а то кому присягаемъ — незнаемъ! Такая присяга по тѣхъ мѣстъ, пока императоръ самъ живъ, и присягаемъ-то мы ему лукавымъ сердцемъ. (1)

Нарушеніе стариннаго обычая, исполненіе котораго всегда служило къ спокойствію страны и хоть въ выборѣ наслѣдника устраняло произволъ государя, вызвало въ народѣ рѣзкія сужденія; оно усилило общій ропотъ и недовольство.

Народъ и солдатство видѣли, что государь рѣшительно хочетъ упрочить за своей супругой мѣсто на россійскомъ престолѣ, и въ полкахъ слышались такого рода укоризны: «Государь царицу нынѣшнюю взялъ не изъ большого шляхетства, а прежнюю царицу богъ-знаетъ куда дѣвалъ! (2)»

Въ эти-то годы, когда царицѣ не изъ высокаго шляхетства расточались государемъ знаки самой пылкой страсти, когда ради ея онъ нарушалъ старинѣйшіе обычаи, которыхъ не дерзнулъ даже нарушить его прототипъ Иванъ Васильевичъ Грозный, — въ эти годы «Катерина не изъ шляхетства», какъ мы видѣли, дала полную мочь и силу красавцу камеръ-юнкеру. Виллимъ Ивановичъ не встрѣчалъ уже себѣ ни въ чемъ отказу. И немудрено...

Здоровье державнаго супруга Екатерины Алексѣевны было плохо. Какъ видно изъ его же цидулокъ за пять, за шесть лѣтъ до своей смерти, Петръ рѣдко разставался съ лекарствами. Блюментросту, Арескину и другимъ придворнымъ медикамъ была довольно трудная работа съ больнымъ, такъ какъ паціентъ никакъ не могъ выдерживать строгой діеты. Больнымъ возвращался государь и изъ персидскаго похода; птенцы въ заботахъ о его здоровьѣ выслали навстрѣчу барона Бера. «Баронъ обнадеживаетъ весьма, — писалъ Ягужинскій — что его лекарство дѣйствительно будетъ, которое онъ нетокмо на собственную похвалу полагаетъ, но предастъ сверхъ того на экзаминацію медиковъ. Дай всевышній-боже, чтобъ

---

(1) Д. Т. К., к. XXII, д. 46 (1722—1723 г.).
(2) В. Д. Р. Д. Т. К., карт. XI, д. 3 (1723 г.).

оный его арканумъ къ содержанію многолѣтно вашего величества здравія служилъ.» (1)

А подлѣ больного Петра — еще блестящѣе, еще эфектнѣе наружность полной, высокой, далеко еще не недужной Екатерины. Благодаря современнымъ живописнымъ портретамъ съ 1716 по 1724 годы, она какъ живая подымается въ нашемъ воображеніи. Вотъ она — то въ дорогомъ серебряной матеріи платьѣ, въ атласномъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпнѣйшемъ костюмѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ встрѣчала она день торжества пиштадтскаго мира; роскошная черная коса убрана со вкусомъ, на алыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыбка, черные глаза блестятъ огнемъ, горятъ страстью; носъ слегка приподнятый, выпуклыя тонко-розоваго цвѣта ноздри, высоко поднятыя брови, полныя щеки, горящія румянцемъ, полный подбородокъ, нѣжная бѣлизна шеи, плечъ, высоко поднятой груди, — все вмѣстѣ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ изображено на портретахъ, дѣлало изъ Екатерины еще въ 1720-хъ годахъ женщину блестящей наружности (2).

Печалуясь въ цидулкахъ къ мужу на постоянную почти съ нимъ разлуку, Екатерина, какъ мы видѣли, выражала эту печаль въ формѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурствъ: дѣло въ томъ, что по характеру своему, она небыла способна всецѣло отдаться одному человѣку, тосковать, терзаться, серьозно ревновать его; притомъ и набѣгавшая тоска разсѣевалась интимнымъ другомъ Виллимомъ Монсомъ Монсомъ съ его фамиліей.

Но неужели не нашлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепнулъ суровому и ревнивому монарху, что-де одинъ изъ камеръ-юнкеровъ его супруги — необыкновенной властью, своимъ вмѣшательствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ судебнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ, дастъ пищу неблагопріятнымъ толкамъ, бросаетъ тѣнь на его «сердешнинькаго друга»? Такой голосъ казалось всего скорѣе долженъ былъ раздаться со стороны птенцовъ государя; но птенцы нетолько молчали, но ползали предъ фаворитомъ: они нуждались въ немъ, нуждались для ходатайства предъ «премилосердой государыней», короче — имъ было *невыгодно* открывать глаза «старику-батюшкѣ». Довольно сказать, что князь Меньшиковъ, этотъ сильнѣйшій изъ птенцовъ Петра, держал-

---

(1) Письма Ягужинскаго. Каб. II, к. LXI, л. 900, 869 и друг.

(2) Портреты Екатерины въ Петровской и Романовской галереяхъ, №№ 1358, 1352 и друг. А вотъ между ними портретъ Екатерины I въ профиль: лицо обрюзглое, багрово-краснаго цвѣта, щеки какъ-то взборождены, подбородокъ отвисъ. Явно, что этотъ портретъ сдѣланъ незадолго до ея смерти.

ся въ это время только заступничествомъ Екатерины, то-есть — Монса. И это онъ понималъ, лучше-сказать объ этомъ онъ радѣлъ безпрестанно. Меньшиковъ въ 1722—1723 годахъ былъ обвиняемъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, въ превышеніи своей власти, въ захватѣ частной и казенной собственности и т. под. преступленіяхъ, которыя такъ были велики, что ихъ бы не искупили всѣ прежнія заслуги «Алексашки» предъ грознымъ монархомъ. Онъ уже въ немилости, о его неправдахъ наводятъ слѣдствіе, ему грозитъ нетолько опала, — нѣтъ, даже казнь — и онъ спѣшитъ за помощью къ Монсу и его сестрѣ. Скупой, гордый и тщеславный, князь не стыдился дѣлать имъ подарки: такъ напримѣръ онъ подарилъ Монсу лошадь съ полнымъ уборомъ, — подарки правда не цѣнные, но достаточно громоздкіе для того, чтобъ судить о его трусости. Въ 1723 году племянникъ Монса, Петръ Балкъ женился на Полевой; свадьба была играна въ Москвѣ и притомъ въ чертогахъ Меньшикова. Князь самъ предложилъ ихъ къ услугамъ Монсовъ, и мало того: забывая обычную свою скупость, на свой счетъ угощалъ многочисленныхъ гостей своихъ «патроновъ». — Трудъ и издержки не пропали. Виллимъ и сестра его похлопотали объ опальномъ предъ «милостивой матерью». Та неотступно просила государя о прощеніи Меньшикова: «Если, Катенька, — сказалъ Петръ — онъ не исправится, то быть ему безъ головы. Я для тебя его на первый разъ прощаю.» — «Его императорское величество и ея императорское величество — поспѣшила извѣстить Меньшикова знакомая намъ Матрена Ивановна — паки къ вамъ милостивы, о чемъ паки истинно всесердечною радостью радуюсь и желаю всегда вашей свѣтлости... получить милость отъ ихъ величествъ» (1).

Петръ ни въ чемъ не можетъ отказать «Катеринушкѣ»; та въ свою очередь не имѣетъ твердости устоять противъ просьбъ, своего камеръ-юнкера. Къ прежнимъ фактамъ приведемъ еще одинъ, впрочемъ не послѣдній.

При Екатеринѣ состоялъ камеръ-пажомъ Павловъ; молодой человѣкъ гульливый, дерзкій, онъ только и держался милостью Монса, милостью, какъ мы видѣли, закупленной золотыми часами и т. под. подарками. Однажды Павловъ жестоко избилъ, безъ сомнѣнія въ пьяномъ видѣ, одного изъ придворныхъ чиновниковъ. Избіенный взмолился о удовлетвореніи за обиду (2); онъ былъ правъ; гуляка и буянъ

---

(1) Письмо отъ 3 іюня 1723 г. Бумаги кн. Меньшикова.

(2) «Жаловался я оному Павлову — писалъ челобитчикъ — на человѣка его въ показанныхъ мнѣ обидахъ... и онъ Павловъ... учалъ меня бранить всякою неподобною бранью, и сталъ меня бить по щекамъ, и ухватя шандалъ со стола со

кругомъ виноватъ; безпутство пажа превзошло терпѣнье Екатерины и по ея просьбѣ, государь приказалъ выписать буяна въ армію въ солдаты. Казалось дѣло на этомъ и кончилось, но Павловъ нашолъ спасителя: то былъ могущественный Монсъ.

«Всенижайше ваше величество прошу — писалъ камеръ-юнкеръ — о всемилостивѣйшемъ прощеніи камеръ-пажа Павлова, понеже увѣдомился я, что ваше величество высокоблагоизволили назначить онаго въ солдаты. И ежели оное вашего величества изволеніе непревратно, покорнѣйше всемилостивѣйшую государыню прошу пожаловать онаго сержантомъ отъ двора отпустить. Буде же той милости не изволите съ нимъ учинить, покорнѣйше прошу оное вашего величества изволеніе до благополучнаго прощенія его величества отмѣнить. Вторично всемилостивѣйшую государыню прошу, чтобъ для бѣднаго прошенія моего изволили учинить съ нимъ милость, въ чемъ на великодушіе вашего величества имѣю надежду.»

Содержаніе просьбы, лучше-сказать поводъ, ее вызвавшій, маловаженъ; но тонъ просьбы, та увѣренность, которая такъ и слышится въ каждомъ словѣ челобитья, весьма знаменательны. Говорить ли, что просьба была принята, Павловъ нетолько оставленъ при дворѣ, но даже получилъ награду въ годъ полнѣйшаго торжества Екатерины Алексѣевны и одновременнаго съ нимъ возвеличенія Виллима Монса?

VI

КОРОНАЦІЯ И КАМЕРГЕРСТВО

1724

Въ концѣ 1723 года Петербургъ и Москва были очень заняты толками и приготовленіями двора къ предстоящей коронаціи Екатерины. Одинъ изъ усерднѣйшихъ ея сторонниковъ Петръ Андреевичъ Толстой, въ виду новыхъ наградъ и отличій, уже въ достаточномъ числѣ пожатыхъ имъ за изловленіе, допросы и истязанія

свѣчею бросилъ въ меня и ушибъ меня въ затылокъ. Да въ другой разъ ухватя стулъ, бросилъ въ меня-жъ и ушибъ меня въ голову, и тѣми разами проломилъ мнѣ голову до кроби, отъ которыхъ его ударовъ едва не изошелъ кровью. Отчего ненадѣясь себѣ живота и отцемъ духовнымъ исповѣдыванъ; и нынѣ отъ его тазовъ лежу при смерти, и слухъ весь заложило, и великой обморокъ ошибаетъ... и въ разумъ... едва прихожу... и жена моя отъ такого великаго страху нынѣ лежитъ при смерти... Того ради» и проч.

царевича, — этотъ самый Толстой отправленъ въ Москву въ качествѣ главнаго руководителя всѣми приготовленіями. Онъ заказывалъ корону и разные уборы для императрицы, подъ его наблюденіемъ шили ей епанчу съ гербами, обшива дорогими ливреями придворные чины, пажей, гайдуковъ, трубачей, волтернистовъ, обивали въ грановитой и въ столовой палатахъ стѣны, полы, лѣстницы, вышивали вензеля государыни на всѣхъ уборахъ, воздвигались тріумфальные ворота, производились закупки разныхъ запасовъ и т. п. Во всѣмъ возникавшимъ вопросамъ въ случаяхъ сомнительныхъ онъ обращался къ Монсу, и эта переписка знакомитъ насъ съ приготовленіями къ небывалому торжеству (1). Между *дѣловой* перепиской о дѣланіи ливрей, о цвѣтѣ суконъ для нихъ, о величинѣ гербовъ, собесѣдники обмѣнивались любезностями. Монсъ передавалъ Толстому увѣренность государыни, что тотъ ничего не упуститъ изъ виду: «за такую ея величества высокую милость — отвѣчалъ старый придворный — всеподданнѣйше благодарствую, и воистинно со всякимъ моимъ прилежнымъ попеченіемъ, презря мою болѣзнь, труждаюся, чтобъ во всемъ изволеніе ея величества исполнить.»

Петръ Андреевичъ «труждался» съ необыкновеннымъ усердіемъ и осмотрительностью; ничего-то онъ не упускалъ изъ виду: онъ не дѣлалъ напримѣръ гербовъ на епанчу Екатерины, либо ливрей на ея музыкантовъ безъ того, чтобы не спросить какой ей нравится фасонъ, цвѣтъ, «сколь богато устроить»; предъявлялъ свое «слабое мнѣніе» о необходимости прислать къ нему вмѣсто модели нѣсколькихъ изъ музыкантовъ для обшивки ихъ нарядами, и какъ соизволитъ гербы шить, и выбирать ли изъ столовой палаты рундуки противъ того, какъ это сдѣлано въ Грановитой? «А Грановитая палата безъ рундуковъ — замѣчалъ Толстой — зѣло лучше и веселѣе стала.» Надписи, и тѣ посылались къ Монсу на предварительное его разсмотрѣніе или докладъ государыни; къ нему шли рапорты о разныхъ помощникахъ Толстого, о свозѣ изъ городовъ въ Москву всякихъ запасовъ для ожидаемаго тамъ двора. «Для господа-бога — просилъ Толстой Монса — всему вышеписанному опредѣленіе учинить и меня увѣдомить неумедлите о всемъ обстоятельно.»

Въ виду предстоящаго торжества Екатерины, счастливаго камеръ-юнкера ея засыпали просьбами, порученіями, письмами съ «напамятованіями» по дѣламъ, наконецъ цидулками съ извѣщеніями о подаркахъ (2).

---

(1) Письма Петра *Толстого*. Москва, 1724 г., января 3, 17, 21, неизв. числа одно, и см. въ Прилож. № X: 1, 2, 3; Ивана *Толстого* — неизв. числа письмо; *Чернышева* — М. 1724 г., 31 января.

(2) Укажемъ на извѣстныя намъ лица, искавшіе въ Монсѣ или дарившіе его

Такъ Анна Ивановна чрезъ своего гофмаршала Бестужева просила Монса извѣстить ее о «платьѣ, какимъ образомъ для своего выѣзда (въ день коронованія Екатерины) изволила бы сдѣлать, понеже ея высочество — писалъ гофмаршалъ — изволила слышать, что при коронаціи... при дворѣ платья будутъ особымъ манеромъ, и вы, мой государь, о томъ увѣдомьте подлинно и съ первою почтою ко мнѣ отпишите.»

Вотъ аристократка и богачка Анна Шереметьева проситъ Монса «предстательствовать» предъ государынней объ освобожденіи изъ тайниковъ преображенскихъ — людей ея: «а тѣ мои люди сидятъ въ исцовыхъ дѣлахъ — пишетъ Шереметева — и лакеи, и возницы побраны, и многое время уже держатся, въ чемъ я имѣю заключеніе въ домѣ своемъ, что выѣхать мнѣ изъ двора не съ кѣмъ; понеже ѣздила я къ обѣднѣ до церкви божіей, и въ то время послѣд-

---

въ 1724 году любезностями, обѣщаніями, а чаще всего всевозможными презентами: Леонтій *Арцыбушевъ*, Семенъ *Аврамовъ* — состоявшій при дворѣ персидскаго шаха, графъ *Бонде*, Вильгельмъ *Бергъ* — шведъ, Петръ Михайловичъ *Бестужевъ Рюминъ*, князь Михаилъ *Бѣлосельскій* — офицеръ, Артемій Петровичъ *Волынскій*, Ларіонъ *Головинъ*, Никита *Грузинцовъ* — завѣд. нижегородскими вотчинами Екатерины, фельдмаршалъ князь Мих. Мих. *Голицынъ*, Михаилъ Гавриловичъ *Головкинъ*, негоціантка *Гутманъ*, кн. Алексѣй Григорьевичъ *Долгоруковъ*, с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ А. М *Девіеръ*, Иванъ *Дмитріевъ*, дворц. служ. Петръ *Еблонскій*, Андрей *Енгеръ* — агентъ въ Шемахѣ, Данила *Ефремовъ* — старшина въ войскѣ донскомъ, *Іонгстейнъ* изъ Риги, *Климовъ* — харьковск. полковой писарь, Ив. *Константиновъ* — ревизоръ по имѣніямъ Екатерины, Александръ *Кайсаровъ* — служ. при ея дворѣ, *Кузьминъ* — тоже, Тимофей *Кутузовъ* — сборщикъ оброковъ въ имѣн. государыни, *Корницкій*, Родіонъ *Кошелевъ* — служ. при дворѣ, Сусанна *Люисъ* — негоціантка, Степанъ Васильевичъ *Лопухинъ*, *Мармора* — управл. имѣн. Екатерины, Алексѣй Васильевичъ *Макаровъ*, *Мелкосаровскій* — служ. по имѣніямъ Екатерины, *Михайловъ* — помѣщикъ, стряпчій Федоръ *Масловъ*, Василій и Петръ *Мошковы*; *Новосельцкій*, *Ярошевскій*, *Малявкинъ* и *Кулонъ* — крестовые дьяки; Захарій *Мишуковъ* — морякъ, Борисъ *Неронова* — придворн., Александръ *Нарышкинъ*, Алексѣй *Носовъ* — придворн., баронъ Андрей Ивановичъ *Остерманъ*, Иванъ *Патрикѣевъ* — придворн., Петръ *Поспѣловъ* — деньщикъ Петра, Георгій *Поликола* — госуд. докторъ, камеръ-пажи Никита и Федоръ *Павловы*, главный управляющій имѣніями Екатерины Григорій *Полибинъ*, *Потемкинъ* — кораб. мастеръ, князь Борисъ Ивановичъ *Прозоровскій*, Яковъ *Рыцловъ* — винный погребщикъ, Степанъ *Соболевъ* — придворн., *Салуцци* — негоціантъ, придворный факторъ; Ферапонтъ *Суровцевъ*—синбирскій помѣщикъ, Петръ Андреевичъ *Толстой*, Иванъ Петровичъ *Толстой*, Андрей Ивановичъ *Ушаковъ*, кн. Василій *Хованскій*, Дмитрій *Чернышевъ* — придворн., *Челищевъ*, Иванъ *Шуваловъ* — комендантъ Выборга, Анна *Шереметева*, Федоръ *Шушеринъ* — заводчикъ, капитанъ Иванъ Ивановичъ *Шульцъ*, кн. Николай *Щербатовъ*, и пѣк. другъ. — Всѣ письма этого года, подобно предыдущимъ, преимущественно на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ.

няго лакея отъ каретъı моей взяли... о семъ прошу вашего милостиваго предстательства.»

О предстательствѣ же просилъ Арцыбушевъ, правитель вотчинной канцеляріи императрицы: рядомъ писемъ въ началѣ 1724 года онъ вымаливалъ у Монса исходатайствовать о дачѣ ему жалованья, «такъ какъ въ санктъ-питербурхѣ безъ денегъ и безъ хлѣба житіе трудное»; а въ тоже время убогій правитель щедрою рукою выдавалъ изъ дворцовыхъ амбаровъ въ домъ «милостивца» рожь, крупу, горохъ, снитковъ, овесь, сѣно — и выдавалось то въ избыткѣ, сверхъ окладу: это была своего рода взятка. А вотъ какъ приглашаетъ къ себѣ Виллима Ивановича нѣкто Иванъ Воронинъ: «уповаю, или могу хотя чрезъ многой трудъ я вашу милость къ себѣ получить, того ради милости у тебя, моего государя, покорно прошу: помилуй, помилуй, не оставь убогаго просьбы... Пріѣзжалъ (я) до вашей милости персонально просить... (но) въ домѣ васъ не получилъ. Въ надѣяніи вашего милосердія униженно кланяюся.»

Этотъ униженный поклонъ отдавался кажется однимъ изъ свойственниковъ Ворониныхъ, сосланныхъ по суздальскому розыску: грядущее празднество вообще давало надежду родственникамъ опальныхъ по дѣлу царевича на милостивое прощеніе; но для полученія его надоимѣть ходатая: его видѣли въ Монсѣ (¹). Такъ Чернышевъ особенно хлопоталъ, при его посредствѣ, о возвращеніи изъ ссылки княгини Троекуровой, столь нещадно избитой батогами въ 1718 году; просилъ о чемъ-то таинственно кн. Николай Щербатовъ, безъ сомнѣнія о своихъ родственникахъ, также пострадавшихъ въ то страдное время; просилъ и Степанъ Лопухинъ... но нѣтъ, у того были свои заботы: писалъ онъ Виллиму Ивановичу, что-де осматриваетъ онъ да холитъ лошадей его, своего «дядюшки и отца», тѣхъ самыхъ лошадей, которыхъ «присовокупилъ» дядюшка въ бытность свою въ Астрахани въ 1722 году отъ г. Волынскаго. Хлопочетъ Степанъ Васильевичъ о покупкѣ позументовъ и другихъ гарцеробныхъ принадлежностей опять-таки для дядюшки. Кажется все заботы такія невинныя, столь безкорыстныя, но тутъ же въ письмѣ вложена цидулка другого почерка и безъ подписи: «въ московскомъ уѣздѣ сельцо Суханово съ деревнями — 25 дворовъ, въ суздаль-

(¹) Впрочемъ по случаю коронаціи Монсъ докладывалъ о прощеніи, о снятіи ареста и о возвращеніи имѣнія многимъ неполитическимъ преступникамъ. Такъ онъ просилъ о бывшемъ комендантѣ Кошкаревѣ, кн. Иванѣ Щербатовѣ, о оберъ-комендантѣ Карповѣ, о стольникѣ Зубовѣ, поручикѣ Ракитинѣ, стольникѣ Беклемишевѣ, комисарѣ Молчановѣ: всѣ эти лица, въ особенности послѣдніе двое, виновны были и осуждены за взятки. Они прославились воровствомъ въ Сибири при князѣ Гагаринѣ и нашли себѣ заступника въ Монсѣ.

скомъ уѣздѣ село Слумово съ деревнями — 300 дворовъ.» Цидулка краснорѣчиво свидѣтельствовала, что и зять камеръ-юнкера пехотѣлъ упустить благопріятнаго случая поживиться отъ щедротъ государыни. Соблазнъ вообще такъ былъ великъ, съ коронаціей соединялось столько надеждъ на милости, что даже честный воинъ, фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, и тотъ не хотѣлъ остаться вдали отъ мѣста торжества: «увѣдомился я — писалъ князь къ Виллиму Монсу изъ Ахтырки — увѣдомился, якобы ихъ величества въ Москву изволятъ прибыть вскорости: того ради васъ, моего государя, прошу, дабы для такого великаго дѣла, которое между всей Европіею надъ ея величествомъ... прославитца, излуча часъ доложить, чтобъ хотя на малое время былъ (я) уволенъ въ Москву... и какой на докладъ изволите получить указъ, прошу *приказать* меня увѣдомить.»

Подарки между тѣмъ идутъ да идутъ Монсу; у него правило — ничѣмъ не брезгать. Иванъ *Толстой* прислалъ собаку «для веселія»; синбирскій помѣщикъ *Суровцевъ* подарилъ парочно приведенную изъ своей вотчины лошадь и даритъ на томъ основаніи, что она «будетъ сходна» съ одной изъ лошадей Монса; Михаилъ *Головкинъ*, посолъ въ Берлинѣ, при посредствѣ канцлера, отца своего, презентовалъ Виллиму Ивановичу иноходца, такъ какъ «его милость до такихъ лошадей охотникъ». Князь Алексѣй *Долгоруковъ*, какъ мы видѣли, одолжилъ брата и сестру Монсовъ двумя шестериками лошадей и коляской (1). Причина столь щедраго одолженія состояла въ слѣдующемъ: нѣкто иноземецъ Стельсъ владѣлъ по указу государя, нѣсколькими дворцовыми деревнями, приписанными къ пороховымъ его заводамъ; по смерти Стельса не осталось прямыхъ наслѣдниковъ, тѣмъ неменѣе шуринъ его Марли продалъ деревни кн. Долгорукову; оберъ-фискалъ протестовалъ противъ незаконной продажи, и вотъ покупщикъ спѣшилъ сдѣлать ее законною щедрыми «посулами»; сенатъ позамѣшкался, рѣшенія не положилъ — и дѣло, стараніями Монса, скоро очутилось въ вотчинной колегіи. — Повидимому скромнѣе другихъ подарковъ была посылочка изъ Вологды иноземки-негоціантки Готманъ. Она хлопотала о жалованной грамотѣ на вольную покупку въ Вологдѣ и въ другихъ городахъ пеньки и другого товара, съ тѣмъ чтобы отпускать

(1) Ловкій придворный, Долгоруковъ какъ кажется незабылъ одарить и зятя Монса, Степана Лопухина. Покрайней-мѣрѣ послѣдній также хлопоталъ о его дѣлѣ: «вамъ самимъ извѣстна — писалъ Степанъ къ Виллиму, убѣждая его порадѣть о дѣлѣ князя — вамъ самимъ извѣстна его любовь ко всѣмъ намъ, такожде и къ вамъ; а чтоже съ моей стороны, истинно никого не имѣю такого себѣ, какъ его».

его чрезъ архангельскій портъ заграницу. Отпускъ товаровъ заграницу, въ силу указовъ Петра, долженъ былъ производиться чрезъ петербургскій портъ: вотъ почему просьбу Готманъ трудно было удовлетворить; зная это, она для лучшаго «старательства» послала къ высокой милости Монса *рыжечковъ мѣленькихъ въ сулеѣчкѣ*. «Соблаговолите принять — заключила она свою просьбу — и кушать на здоровье, и на сію мою малую посылку подивить не извольте.» Не много нужно догадливости, чтобъ понять, что «мѣленькіе рыжички» были ничто другое какъ голандскіе червонцы.

Они подошли кстати: среди приготовленій къ коронаціи Екатерины Виллимъ Ивановичъ развлекался постройкой обширнаго, богатаго, комфортабельнаго дома — на мѣстѣ дома, купленаго имъ у доктора Поликола, находившагося какъ кажется на Мойкѣ. Придворный стряпчій Масловъ принялъ на себя хлопоты о наймѣ и заключеніи контракта съ рабочими, о покупкѣ матерьяловъ, наблюденіи за работами и проч. (1); изъ вѣдомства кабинета ея величества на постройку дома камеръ-юнкера отпустили даромъ плитняку (12 куб. саженъ), кирпичу (150 тыс.), извести (650 боч.) и прочаго матерьялу; оберъ-полиціймейстеръ Девіеръ хлопоталъ между тѣмъ по дѣлу покупки Монсомъ другого двора, на Васильевскомъ островѣ, у флотскаго поручика Арсеньева. Государевы указы однако строго-настрого запрещали — ничьихъ дворовъ на Васильевскомъ острову, кромѣ излишнихъ противъ указнаго числа, ни подъ какимъ видомъ не продавать и не закладывать (2), доколѣ тотъ островъ «не удовольствуется строеніемъ». Дворъ поручика не былъ въ числѣ излишнихъ, покупка не состоялась, и извѣщая Монса о неудачѣ хлопотъ, Девіеръ тутъ же въ письмѣ осторожно вложилъ безыменную, своей впрочемъ руки, цидулку: «объявляю вашей милости: имѣю у себя двѣ лошади — коня да рыскучаю лошадь, и еже-

(1) Не безъинтересно указать во что обходились въ то время постройки деревянныя въ Петербургѣ. Изъ контракта стряпчаго, повѣреннаго Монса, съ плотниками (1724 г. мѣсяцъ февраль) видно, что послѣдніе обязывались: «на приморскаго онаго, господина де Монса, мѣстѣ сдѣлать плотничною, самою доброю и гладкою работою, безъ всякіе охулки, кромѣ токаренной работы, а именно балясъ. — сдѣлать: по обѣ стороны хоромъ галлереи на 20 саж., двое воротъ рѣшетчатыхъ, погребъ и свѣтлицу на 10 саж.; между обрубами погреба насыпать землею; отъ погреба провести въ прудъ трубу, на 23 саж.; выстроить конюшню, сарай, межъ ими ворота; на пруду сдѣлать плотину; въ 200 свай въ три яруса, сваи трехъ-саженные; старую плотину разобрать и землю выбрать; въ хоромы сдѣлать двери, наличники, окна и наличники на окна, и выходъ, и рундуки, и слуховые окна, и землю на потолки насыпать» и проч. За всю работу плотники должны были получить по контракту 410 рублей.

(2) Указы 30 іюня 1719 г., 4 іюля и 10 дек. 1720 г., 14 дек. 1721 г.

ли которая вамъ будетъ угодна, изволь ко мнѣ отписать, куда ее къ вашей милости прислать.» Какъ богатъ былъ въ это время Монсъ отъ всевозможныхъ презентовъ, можно судить по тѣмъ вещамъ, какія наполняли его комнаты: такъ у него была статуйка изрядной величины изъ чистаго золота, были часы, одна починка которыхъ стоила 400 рублей, и многіе другіе предметы роскоши (1). Изъ недвижимыхъ имѣній за нимъ были *благоприобрѣтенные* дворы съ строеніями въ Петербургѣ, домъ материнскій въ Москвѣ, другой домъ тамъ же, купленый для него государыней у Нарышкина, близь двора Салтыкова (2); дворъ съ строеніемъ, съ землею и угодьями близь Стрѣльны — подарокъ царицы Прасковьи; земля въ Лифляндіи: какъ досталась ему, неизвѣстно; села съ деревнями, выпрошенныя въ разное время и въ разныхъ уѣздахъ чрезъ государыню; ему же подарила царевна Прасковья за ходатайства по ея домовымъ распорядкамъ, кромѣ другихъ «гостинцовъ», громаднѣйшее имѣніе — село Оршу съ деревнями и 1500 жителей обоего пола, въ пусторжевскомъ уѣздѣ; въ концѣ 1723 года туда уже посланъ отъ Монса одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, который именемъ императрицы долженъ собрать объ имѣніи самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Царевна вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ сильно нуждалась въ такомъ могучемъ патронѣ, какимъ былъ для нея Монсъ: вотъ почему она такъ щедро его одаривала (3). Къ несчастію Виллима Ивановича встрѣтились какія-то формальности, вслѣдствіе которыхъ онъ не могъ сдѣлаться владѣльцемъ

---

(1) Письмо Мошкова къ Монсу 30 марта 1724 г. — Въ началѣ 1724 года за Монсомъ утвержденъ былъ сенатомъ «шведскій залогъ Смильтенскаго имѣнія въ Лифляндіи, принадлежавшій Венгартскимъ наслѣдникамъ». «Поспѣшите дальнѣйшими распоряженіями по этому дѣлу, — писалъ Монсу нѣкто Вильгельмъ Бергъ 9 февр. 1724 г., — потомучто въ настоящее время — наиудобнѣйшее для принятія (имѣнія), такъ какъ прошлогодніе доходы съ имѣнія находятся еще налицо и не вошли въ раздѣлъ между прежними владѣтелями».

(2) «А тотъ дворъ — описывалъ одинъ изъ слугъ Монса — всемѣрно хорошъ и на красномъ мѣстѣ стоитъ, съ котораго какъ Москва, такъ и нѣмецкая слобода всѣ видны; лучше красотою двора Василья Федоровича Салтыкова, только что тотъ его дворъ противъ вашего (письмо къ Монсу) очень великъ. И содержится тотъ вашъ дворъ близь самаго лѣтняго дворца во 120 саженяхъ, и пришелъ огородомъ къ самой Яузѣ рѣкѣ, и зѣло тотъ дворъ сухъ...» и проч. Московскій подарокъ Монсу состоялъ изъ слѣдующихъ построекъ: горницъ, кухарни, сарая, хлѣбныхъ амбаровъ, конюшни и двухъ людскихъ избъ. (Письмо Корницкаго 22 сент. 1724 г.)

(3) Быть-можетъ къ тому убѣдилъ ее кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, задушевный другъ Монса. Съ 1723 года Макарову порученъ былъ отъ государя главный надзоръ за хозяйствомъ царевенъ Екатерины и Прасковьи.

Орши ; тогда Прасковья Ивановна вошла съ нимъ въ сдѣлку : имѣніе осталось за ней, но оброкъ съ крестьянъ предоставлялся въ распоряженіе ея «милостивца, заступника и ходатая» (1).

Въ то время какъ Виллимъ Ивановичъ часы своего досуга отдавалъ пріятнымъ для него хлопотамъ, посмотримъ что дѣлали въ это время Петръ съ Екатериной, какъ проходила жизнь всего двора, какія событія разнообразили обычное препровожденіе времени.

Обычное препровожденіе времени Петра состояло въ его занятіяхъ государственными дѣлами, совѣщаніяхъ въ сенатѣ, разъѣздахъ въ Кронштатъ, въ Петергофъ, Ораніенбаумъ, Сарское село ; затѣмъ свободные часы пролетали въ пирушкахъ, въ посѣщеніи нѣмецкихъ «комедій», въ танцовальныхъ асамблеяхъ, въ маскарадахъ, въ наѣздахъ на дома вельможъ съ «безпокойной братьей», т. е. «всепьяннѣйшимъ и сумазброднѣйшимъ соборомъ»; наконецъ время проходило въ устройствѣ фейерверковъ и разныхъ шутовскихъ процесій, хотя бы и по поводу погребенія того или другого лица, состоявшаго при дворѣ. Петръ, какъ извѣстно, былъ необыкновенно изобрѣтателенъ на подобныя церемоніи.

Полюбуемтесь на него и на его птенцовъ въ ихъ забавахъ 1724 года. Вотъ государь опаиваетъ худенькаго, невзрачнаго и больно недалекаго герцога голштинскаго; опаиваетъ-то онъ его не въ первый и не въ послѣдній разъ, но въ настоящую пирушку эта спойка производится съ особою цѣлью: Петру почему-то хочется пристрастить герцога къ венгерскому и отучить отъ мозельвейна. Съ пирушекъ и піянственныхъ загуловъ дворъ ѣздилъ въ комедію ; спектакли тянулись вяло, скучно, такъ что государь рѣшительно приказалъ, чтобы комедіи имѣли неболѣе трехъ дѣйствій и не заключали бы въ себѣ никакихъ любовныхъ интригъ; но и въ этомъ видѣ онѣ все-таки не развлекали государя, такъ что сидя въ ложѣ съ семействомъ, Петръ развлекался только шутками надъ своимъ поваромъ. Гораздо интереснѣе была комедія, сочиненная самимъ Петромъ для забавы себя и своего двора. Главнымъ сюжетомъ по-

(1) Чтобъ дать понятіе о тогдашнихъ оброкахъ, привожу вѣдомость оброчную: «вотчины боярина Алексѣя Петровича Салтыкова въ рязанскомъ уѣздѣ. Въ жеребьи, въ селѣ Ижевскомъ было у него 50 дворовъ съ 304 д. муж. пола и 310 душ. жен. пола. Всѣхъ обоего пола 614 чел., на каждый дворъ по 12 чел., остатокъ 14. Оброку платили: оброчныхъ денегъ по 100 р. За окладной медъ по 25 р. Свинаго мяса по 200 пудъ, гусей по 200 шт.; утокъ по 22; поросятъ по 25; куръ по 50; яицъ по 700; вина по 100 вед.; пшеницы по 25 четвертей; крупъ гречневыхъ по 25 четв.; сукна по 50 арш.; холста по 50 арш.; свѣжей рыбы: щукъ по 500, карасей по 500. А земли въ дачѣ — 350 четвертей, да три озера, да притомъ еще два озера общихъ. И ежели положить — сказано далѣе въ вѣдомости — всяку душу по 10 рублевъ, и того будетъ 6140 руб., кромѣ земли и озеръ».

тѣхи былъ трупъ государева карлика (¹); похоронная процесія его была обстановлена слѣдующимъ образомъ: впереди шли попарно тридцать нѣвчихъ, все маленькіе мальчики; за ними слѣдовалъ въ полномъ облаченіи крошечный попъ; затѣмъ шесть крошечныхъ лошадей въ черныхъ попонахъ, ведомыя маленькими пажами, везли сани особаго устройства; на саняхъ лежалъ трупъ карлика въ гробу, подъ бархатнымъ покровомъ. Маршалъ съ маршальскимъ жезломъ и множество толстыхъ, безобразныхъ, большеголовыхъ карловъ и карлицъ вытягивались въ длинной процесіи въ траурныхъ костюмахъ, причемъ карлицы, игравшія роли «первыхъ траурныхъ дамъ», были подъ вуалями. Для контраста и большаго эфекта по бокамъ процесіи шли громаднѣйшаго роста гренадеры и гайдуки съ факелами. Какъ ни обычны были въ тогдашнее время потѣхи высокихъ персонъ надъ личностью низшаго, но при видѣ этого зрѣлища заѣзжіе нѣмцы невольно говорили: «такой-де странной процесіи сдвали гдѣ-нибудь придется увидѣть кромѣ какъ въ Россіи!» Зато здѣсь ихъ было множество. Такъ въ первыхъ числахъ февраля 1724 года втеченіи нѣсколькихъ дней по улицамъ Петербурга прогуливались и разъѣзжали голандскіе матросы, индѣйскіе брамины, навіаны, арлекины, французскіе поселяне и поселянки и т. п. лица: то были замаскированые государь, государыня, весь сенатъ, знатнѣйшія дамы и дѣвицы, генеральсъ-адъютанты, деньщики и разные придворные чины. Члены разныхъ колегій и сената въ эти дни офиціальнаго шутовства нигдѣ, *ни даже на похоронахъ* не смѣли скидавать масокъ и шутовскихъ нарядовъ; въ нихъ они являлись на службу въ сенатъ и въ колегіи. «Мнѣ кажется это неприличнымъ, — замѣчаетъ по этому случаю современникъ, — тѣмъ болѣе что многія лица наряжены были такъ, какъ вовсе неподобаетъ старикамъ, судьямъ и совѣтникамъ. Не покориться-жъ волѣ государя было несовсѣмъ благоразумно; тому были ежедневныя доказательства, и еще во время февральскихъ потѣхъ 1724 года одинъ поручикъ, состоявшій при дворѣ, былъ жестоко высѣченъ. Преступленіе его состояло въ нарушеніи какого-то маскараднаго постановленія. Героями маскарадныхъ потѣхъ были «всепьяннѣйшіе и сумазброднѣйшіе члены конклавіи князь-папы»; синклитъ его доходилъ до восьмидесяти человѣкъ и состоялъ изъ князей, бояръ, вообще потомковъ знатнѣйшихъ фамилій; тутъ же были и простолюдины. Кривляньями и забавными выходками они должны были развеселять императора, когда онъ бывалъ не въ духѣ.

(¹) Того самаго карлика, шутовскую свадьбу котораго Петръ устроилъ въ 1710 году. См. статью: «Царица Прасковья».

Въ эти же мѣсяцы дворъ былъ очень занятъ толками о крупномъ воровствѣ одного придворнаго брильянтщика Рокентина. Мы встрѣчали его уже въ числѣ искателей милостей Монса, видѣли изъ его челобитья какъ онъ метался, незная куда дѣться отъ тѣснившихъ его кредиторовъ. Защита Монса видно не укрыла его отъ нихъ и онъ наконецъ додумался до средства весьма рискованнаго. Князь Меньшиковъ далъ ему, какъ лучшему брильянтщику, множество драгоцѣнныхъ камней, цѣною тысячъ на сто рублей, для сдѣланія изъ нихъ застежки для мантіи императрицы. Князь Александръ Даниловичъ хотѣлъ презентовать застежку Екатеринѣ при ея коронаціи. Вдругъ Рокентинъ объявляетъ, что какіе-то пять человѣкъ, назвавшись посланными князя Меньшикова, обманомъ затащили его за-городъ, отняли драгоцѣнный уборъ, раздѣли его, грозили удавить, если тотъ будетъ кричать, и наконецъ избитаго и связаннаго бросили въ лѣсу. Все это оказалось выдумкою самого ювелира. Скоро заподозрѣнный Рокентинъ былъ арестованъ, и во дворцѣ государя, въ высочайшемъ присутствіи цѣлый часъ болтался на вывороченныхъ назадъ рукахъ; государь, лично занявшись допросомъ, убѣждалъ его сознаться; давалъ слово, что въ случаѣ раскаянья съ нимъ ничего небудетъ дурного и даже, чтобъ лучше вырвать у него признаніе, приказалъ при немъ бить кнутомъ другого преступника. Но и это оригинальное средство привлекать къ раскаянью не достигло своей цѣли, такъ что государь приказалъ дать Рокентину двадцать-пять ударовъ. Но ни въ этотъ разъ, ни на слѣдующей пыткѣ, о которой государь весьма весело и «милостиво» разсказывалъ герцогу голштинскому, ни на третьей вискѣ Рокентинъ ни въ чемъ не сознался. Наконецъ только убѣжденія суперинтенданта вызвали вора на откровенность. Онъ повинился, что самъ укралъ брильянты и зарылъ ихъ на дворѣ своего дома въ кучѣ песку. Такъ какъ суперинтендентъ добился признанія только тѣмъ, что обѣщалъ вору прощеніе, то Рокентинъ и былъ освобожденъ; но недѣли двѣ спустя опять взятъ въ полицію, допрашиванъ по тому же дѣлу и по другимъ поступившимъ на него жалобамъ; наконецъ послѣ полнаго сознанія онъ былъ жестоко истязанъ кнутомъ, заклейменъ и сосланъ въ Сибирь. «Не будь онъ иностранецъ, его бы казнили смертью»: такъ говорили современники (1).

---

(1) О причинахъ вторичной арестаціи ювелира ходили тогда въ Петербургѣ разные слухи: между прочимъ увѣряли, что его для того взяли въ полицію, чтобъ смотрѣть за нимъ, потомучто онъ будтобы въ нѣсколько дней страшно распухъ, и подозрѣвали, что его кто-нибудь пытался отравить ядомъ — такъ какъ весьма многіе имѣли съ нимъ разныя сдѣлки, и изъ боязни быть имъ оговоренными старались его извести. Любопытно, что 16 января 1724 года, въ

Впрочемъ дворъ не лишонъ былъ и этого рода зрѣлища: утромъ 24 января 1724 года совершены были казни оберъ-фискала Нестерова и его трехъ товарищей-фискаловъ, обвиненныхъ въ страшнѣйшемъ взяточничествѣ. Казни были совершены на Васильевскомъ острову, противъ зданія колегій. Подъ высокой висѣлицей, на которой такъ недавно еще висѣлъ князь Гагаринъ, устроили эшафотъ; позади его возвышались четыре высокихъ шеста съ колесами, спицы которыхъ на поларшина были обиты желѣзомъ. Шесты эти назначались для взоткнутія головъ преступниковъ, когда тѣла ихъ будутъ привязаны къ колесамъ. Когда декораціи были готовы, стеклась публика: бо́льшую часть ея составляли канцелярскіе и приказные чиновники, получившіе приказъ непремѣнно быть при казни; государь съ множествомъ вельможъ смотрѣлъ изъ оконъ ревизіонъ-колегіи. Всѣ три старца-фискала одинъ за другимъ мужественно сложили головы на плахѣ. Мучительнѣе всѣхъ была казнь Нестерова. Его заживо колесовали: раздробили ему сперва одну руку, потомъ ногу, потомъ другую руку и другую ногу. Послѣ того къ нему подошолъ одинъ изъ священниковъ и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ сознался въ своей винѣ; тоже самое, отъ имени императора, сдѣлалъ и майоръ Мамоновъ; государь обѣщалъ въ такомъ случаѣ оказать милость, т. е. немедленно отрубить голову. Но оберъ-фискалъ свободно отвѣчалъ, что все уже высказалъ что зналъ, и затѣмъ, какъ и до колесованья, непроизнесъ болѣе ни слова. Наконецъ его, все еще живого, повлекли къ тому мѣсту, гдѣ отрублены были головы тремъ другимъ, положили лицомъ въ ихъ кровь и также обезглавили. Девять человѣкъ получили каждый по пятидесяти ударовъ кнутомъ; четверымъ изъ нихъ щипцами вырвали ноздри и т. д.

Весь этотъ кровавый спектакль былъ явленіемъ обычнымъ; съ нимъ свыклись и пришлые нѣмцы, свыклись дотого, что напримѣръ Берхгольцъ, безстрастно записавши подробности курьознаго зрѣлища, сейчасъ же вносилъ въ дневникъ замѣтку о погодѣ. — Былъ ли при сказненіи взяточниковъ нашъ взяточникъ-дилетантъ, Вилимъ Ивановичъ? Едвали, такъ какъ государыня не изволила присутствовать; онъ, зная о казни, толковалъ разумѣется о правосудіи великаго монарха и нисколько не думалъ, что и онъ не-

---

тотъ именно день, когда Рокентинъ объявилъ свою выдумку, онъ два раза былъ у Монса; о чемъ они толковали, неизвѣстно. Деньги помогли остаться Монсу внѣ всякаго подозрѣнія по соучастію въ дѣлѣ съ мошенникомъ-иноземцемъ, но едвали межъ ними не было какихъ-нибудь тайныхъ сдѣлокъ, если не по этому, то по другимъ дѣламъ. (Письмо Девіера къ Монсу 18 янв. 1724 г. о присылкѣ въ полицію, по указу государя, людей Монса.)

далекъ отъ такой же катастрофы. Да и могъ ли, имѣлъ ли онъ время думать объ этомъ? Ему все такъ радостно улыбается, его съ такой любовью осыпаютъ любезностями, предлагаютъ услуги и дорогіе презенты; во всей аристократіи, среди всѣхъ наизнатнѣйшихъ персонъ мужского и женскаго пола онъ не имѣетъ враговъ, да и не можетъ ихъ имѣть: такъ всѣмъ онъ нуженъ, всѣ въ немъ ищутъ ходатая, заступника, челобитчика, милостивца по всѣмъ правымъ и неправымъ, честнымъ и нечестнымъ дѣламъ. Ему ли наконецъ, счастливому фавориту, въ виду полнѣйшаго торжества «премилостивой монархіи» задумываться надъ трагическою смертью русскихъ взяточниковъ?

Торжество близко: съ первыхъ же чиселъ февраля придворные чиновники и служителя отправились въ Москву; въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца «отправили» дочерей царицы Прасковьи Катерину и Прасковью; пріѣхала изъ Митавы герцогиня курляндская съ небольшой свитой, среди которой былъ и камеръ юнкеръ Биронъ; незамедлилъ отъѣздомъ герцогъ голштинскій; наконецъ выѣхали и государь съ государыней: они отправились въ Олонецъ, съ тѣмъ чтобъ проѣхать оттуда въ Москву. 27 февраля всѣ съѣхались въ первопрестольную столицу.

Съ пріѣздомъ въ Москву весь дворъ сталъ нетерпѣливо ждать дня коронаціи. Въ кремлевскихъ палатахъ ежедневно толкались придворные, дивившіеся коронѣ императрицы: она была сдѣлана съ большимъ изяществомъ, осыпана дорогими каменьями; осматривали разныя старинныя короны и драгоцѣнности, какъ-то сосуды и тому подобные дары иноземныхъ посольствъ московскимъ царямъ. Голштинскій герцогъ съ своимъ дворикомъ съ особеннымъ любопытствомъ распрашивалъ то Монса, то сестру его: когда именно предполагается коронація? Но ничего небыло извѣстно положительно, такъ какъ большія приготовленія разныхъ принадлежностей торжества отсрочивали вожделѣнный день. И тутъ, среди этихъ приготовленій, Петръ заявилъ свой своеобразный взглядъ на личныя права каждаго человѣка: частная собственность, по мнѣнію Петра, всецѣло принадлежала государю. На основаніи этого убѣжденія, отданъ былъ приказъ, чтобъ всѣ иностранные и русскіе купцы присылали къ князю Меньшикову своихъ лошадей; князю поручено было выбрать изъ нихъ самыхъ лучшихъ шестьдесятъ лошадей для лейбъ-гвардіи (роты кавалергардовъ) на время коронаціи. Нѣкоторые купцы должны были дать отъ четырехъ до шести лошадей, а у другихъ собственно для себя не осталось ни одной.

Всѣ придворные съ необыкновенной озабоченностью толковали о уборахъ, о томъ, кто поведетъ государыню на тронъ и съ трона,

какъ разставлены будутъ обѣденные столы и разсажены присутствующіе, будутъ ли приглашены иностранные министры, какія будутъ робы на дамахъ, привезутъ ли изъ Петербурга великаго князя, сына злополучнаго Алексѣя; словомъ — толкамъ, пересудамъ, новостямъ небыло конца, пока наконецъ 5 мая все это покрылось трубными звуками герольдовъ. Москва узнала, что коронованіе государыни Екатерины Алексѣевны будетъ въ четвергъ, 7 мая.

Мы не станемъ передавать подробности этого дня, быть-можетъ наисчастливѣйшаго и безъ сомнѣнія наиторжественнѣйшаго въ жизни Екатерины. Не станемъ расказывать о церемонномъ шествіи всѣхъ сановниковъ съ разными регаліями въ церковь, о костюмахъ дѣйствующихъ лицъ, о убранствѣ кремлевскихъ палатъ, о общемъ видѣ войска и народа, громаднѣйшими толпами наводнившихъ кремлевскія площади и улицы, прилегавшія къ Кремлю; не поведемъ васъ въ соборъ, не умилимся при видѣ нѣсколькихъ слезинокъ, скатившихся по лицу колѣнопреклоненной Екатерины, когда императоръ положилъ корону на ея голову; не останемся и на обѣдѣ, на которомъ недурно было бы полюбоваться на ловкость, съ которой услуживали императрицѣ ея камеръ-юнкеры Монсъ и Балкъ, — а предложимъ охотникамъ до высокоторжественныхъ празднествъ развернуть «Дѣянія Петра» Голикова или дневникъ Берхгольца и усладиться чтеніемъ длиннѣйшихъ описаній этого дня (1).

«Ты, о Россія! вѣщалъ въ этотъ день Феофанъ Прокоповичъ:— не засвидѣтельствуеши ли о богомвѣнчанной императрицѣ твоей, что прочіимъ раздѣленные дары (т. е. добродѣтели и достоинства Семирамиды вавилонской, Томиры скифской, Пенфесилеи амазонской, Елены, Пульхеріи, Евдокіи императрицы римской и другихъ знаменитыхъ жонъ) всѣ раздѣленные дары Екатерина въ себѣ имѣетъ совокупленные? Не довольно ли видиши въ ней нелицемѣрное благочестіе къ Богу, непзмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неусыпное призрѣніе къ порфирородным дщерямъ, великому внуку (т. е. сыну царевича Алексѣя!) и всей высокой фамиліи, щедроты къ нищимъ, милосердіе къ бѣднымъ и виноватымъ, матернее ко всѣмъ подданнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы помянутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя по

---

(1) Особенно обстоятеленъ расказъ Берхгольца IV, 44—58. Онъ съ особенною любовью и тщаніемъ, какъ чиновникъ наицеремоннѣйшаго дворика, описалъ всѣ мелочи празднества 7 мая и даже сдѣлалъ планъ Грановитой-палаты съ ея обѣденными столами и убранствомъ.

мнѣнію аки огнь съ водою совокупитися не могутъ, въ сей великой душѣ во всесладкую армонію согласуются: женская плоть не умаляетъ великодушія, высота чести не отмещетъ умѣренности нравовъ, умѣренность велелѣпію не мѣшаетъ, велелѣпіе икономіи не вредитъ: и всякихъ красотъ, утѣхъ, сладостей изобиліе мужественной на труды готовности и адамантова въ подвигахъ терпѣнія не умягчаетъ. О необычная!.. великая героиня... о честный сосудъ!.. И яко отецъ отечества, благоутробную сію матерь россійскую вѣнчавый, всю нынѣ Россію твою вѣнчалъ еси!.. Твое, о Россія! сіе благолѣпіе, твоя красота, твой верьхъ позлащенъ солнца яснѣе просіялъ.» (1)

Лучи отъ этого яснаго купола, несогрѣвъ и неожививъ никакимъ чувствомъ Россію, согрѣли однако и «влили радость въ сердца» лицамъ приближеннымъ къ свѣтилу. Въ числѣ первыхъ изъ награжденныхъ былъ Виллимъ Ивановичъ Монсъ. «Былъ онъ — читаемъ въ офиціальномъ документѣ — былъ онъ... при нашей любезнѣйшей супругѣ ея величествѣ императрицѣ... неотлучно, и во всѣхъ ему новѣренныхъ дѣлѣхъ съ такою вѣрностью, радѣніемъ и прилежаніемъ поступалъ, что мы тѣмъ всемилостивѣйше довольны были, и нынѣ для вящаго засвидѣтельствованія того, мы съ особливой нашей императорской милости, онаго Виллима Монсо въ камергеры всемилостивѣйше пожаловали и опредѣлили... и мы надѣемся, что онъ въ семъ отъ насъ... пожалованномъ новомъ чинѣ такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму человѣку надлежитъ.» (2)

VII

ДОНОСЪ

1724

Между тѣмъ, въ то время когда Россія, по увѣренію льстеца-Феофана, въ его лицѣ умилялась предъ «неизмѣнной любовью, вѣрностью къ мужу» и предъ другими превысокими добродѣтелями

---

(1) См. Слово въ день коронаціи г. и. Екатерины Алексѣевны, говоренное въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 7 мая 1724 г. Соч. Феофана Прокоповича, Спб. 1761, ч. II, 103—111.

(2) Патентъ В. И. Монсу. Одновременно съ нимъ награжденъ былъ званіемъ камергера Петръ Федоровичъ Балкъ-Полевъ; отецъ его Федоръ Балкъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры.

Екатерины; въ то время, когда фаворитъ ея получалъ «вящее засвидѣтельствованіе особливой милости», — надъ ними подымалась гроза. Тучи скоплялись не со стороны какихъ-либо сановниковъ, не со стороны напримѣръ «великихъ инквизиторовъ» и тому подобныхъ лицъ, которые въ другихъ случаяхъ тщательно доносили о всемъ Петру: нѣтъ, туча надъ Монсомъ исходила изъ самыхъ низшихъ слоевъ дворцоваго общества, — со стороны его служителей и мастеровыхъ.

Главнѣйшимъ изъ служителей, лучше-сказать изъ чиновниковъ, канцеляріи Монса былъ Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ. Простой служитель царицы Марфы Матвѣевны, потомъ писецъ адмирала Апраксина, малый весьма и весьма неглупый, пронырливый, вороватый, бойкій на языкъ и письмо, онъ сумѣлъ втереться на службу къ Виллиму Ивановичу; и стоило то ему теплое мѣсто недорого: онъ заплатилъ за него Монсу пищалью въ шесть червонныхъ, анделемъ венгерскаго вина, англійскими шолковыми чулками, кускомъ краснаго сукна и лисьимъ мѣхомъ въ двадцать рублей. Всѣ эти издержки онъ поспѣшилъ окупить сторицей. Дѣло въ томъ, что послѣдніе годы Монсъ былъ завалснъ всевозможными просьбами; невѣжда въ русской грамотѣ, весь погруженный въ хлопоты объ устройствѣ своихъ домовъ, скопленіи состоянія, занятый поддержкой своего фавора, онъ естественно нуждался въ человѣкѣ, который бы взялъ на себя трудъ принимать, прочитывать челобитья, входить въ разныя соглашенія съ просителями (разумѣется болѣе мелкими) относительно презентовъ, составлять доклады, словомъ — быть его первымъ секретаремъ и чиновникомъ разныхъ *особыхъ* порученій. Такимъ и сдѣлалъ онъ Егора Столѣтова, «канцеляриста корешпонденціи ея величества». Канцеляристъ скоро понялъ въ какой степени нуженъ онъ фавориту и незамедлилъ закрѣпить за собой разныя права, точно обозначавшія степень его власти и значенія; для этого онъ самъ составилъ инструкцію, Монсъ ее утвердилъ: всѣ приходящія и отходящія письма ея величества вѣдать ему одному, а другого къ нимъ не допускать; онъ одинъ являлся въ колегіи для объявленія разныхъ указовъ государыни, указовъ, составлявшихся подъ руководствомъ его патрона — Монса; на немъ лежала обязанность составлять докладъ для государыни изъ разныхъ челобитенъ просителей и просительницъ, и т. д.

Подобная инструкція ясно очерчивала сферу дѣятельности и власти Столѣтова; скоро почувствовали это почти всѣ искатели милости Монса; всѣ они, отъ мелкихъ придворныхъ служителей до свѣтлѣйшаго князя Меньшикова — въ 1723—1724 годахъ, отправляя подарки Монсу, не обходили и его дѣлопроизводителя.

Хлопоты Столѣтова состояли въ напоминаніяхъ Монсу о тѣхъ или другихъ просьбахъ, въ отводѣ имъ поболѣе мѣста во всеподданнѣйшихъ докладахъ, въ ходатайствахъ у разныхъ предсѣдателей колегій, эти въ свою очередь стали оказывать знаки *дружескаго* расположенія къ канцеляристу (1). Служба Столѣтова покупалась разнообразными подарками: тутъ были бѣлье, галстуки, камзолы, тулупы, серебряные чайники, кофейники, сукна, мѣха, бахрама, камка, золотая парча, овесъ, дорожная коляска, лошади, наконецъ деньги отъ 50 до 220 рублей единовременно. Въ числѣ просителей и дарителей, кромѣ множества разныхъ слугъ дворцовыхъ, приказчиковъ, поставщиковъ, управителей дворцовыми имѣньями, чиновниковъ, мы встрѣчаемъ Льва Измайлова, Ив. Шувалова, Степана Лопухина, князя Гагарина, кн. Василія Лукича Долгорукова, князя Алексѣя Долгорукова — столь неутомимаго, задарившаго семейство Монса, князя *Щербатова* — глухого, князя Меньшикова и царевну Прасковью Ивановну. Подарки Столѣтовъ, какъ наивно увѣрялъ впослѣдствіи, «вмѣнялъ не во взятки, но въ благодѣяніе и въ пріязнь», за исключеніемъ впрочемъ царевны Прасковьи Ивановны, которая жаловала его за то, «чтобъ онъ приводилъ Монса, а тотъ государыню императрицу, чтобъ та ее содержать въ милости своей изволила и домашнее бы имъ (царевнѣ и ея сестрѣ) опредѣленіе учинила».

Секретарь былъ малый хвастливый, тщеславный, болтливый на языкъ, какъ человѣкъ вышедшій изъ ничтожества — чрезвычайно зазнавался и вообще велъ себя крайне неосторожно. Какъ Монсъ дѣйствовалъ именемъ императрицы, такъ Столѣтовъ, бродя по разнымъ канцеляріямъ и колегіямъ по дѣламъ своихъ «милостив-

---

(1) Приведемъ перечень лицъ, оказывавшихъ *пріязнь* Столѣтову, т. е. обращавшихся къ нему съ письменными просьбами и нѣкоторые изъ нихъ съ подарками: Арцыбушевъ, иноземецъ Амандеръ, Воронинъ, Гладковъ, Грузинцовъ, кн. Юрій Гагаринъ, Брончаковъ, Грибоѣдовъ, Генингъ, Дмитріевъ, Федоръ Зеленой — другъ и родственникъ Столѣтова, Левъ Измайловъ, Калугинъ, Константиновъ, Кашкаровъ, Литвиновъ, Ст. Лопухинъ, Фед. Масловъ, Мишуковъ, Мошковъ, Нестеровъ, Носовъ, Павловъ, Василій Поспѣловъ, Рукинъ, Родіоновъ, Розановъ, Селетренниковъ, Марфа Столѣтова, Суровцевъ, Стрельниковъ, иноземецъ Хнибицъ, Ив. Шуваловъ, купецъ Янковъ, протопопъ Ярмѣрковскій и другія лица, фамиліи которыхъ неразборчивы. Всѣхъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Столѣтову 114; всѣ они на русскомъ языкѣ. Въ нихъ между прочимъ просили Столѣтова о передачѣ того или другого прошенія его высокографскому сіятельству Монсу, просили похлопотать у П. А. Толстого, А. И. Рѣпнина, Д. И. Татищева, Ф. М. Апраксина, В. П. Поспѣлова и у другихъ лицъ о разныхъ дѣлахъ: о деревняхъ, о вершеніи тяжебъ, о жалованьѣ, объ отсрочкѣ долговъ и проч.

цевъ» и пріятелей, употреблялъ имя Монса въ видѣ понудительнаго средства. Все это сдѣлалось извѣстнымъ родственникамъ камергера; объ этомъ же говорили адмиралъ Апраксинъ и Павелъ Ивановичъ Ягужинскій.

— Столѣтовъ у меня жилъ, разсказывалъ адмиралъ Петру Балку, — и Столѣтова я знаю: онъ бездѣльникъ, я имъ былъ недоволенъ и сбилъ его съ двора.

— Брось ты Егора, убѣждалъ Ягужинскій Монса: — онъ твоимъ именемъ много шалитъ, чего ты и незнаешь.

— Ради-бога брось его отъ себя! со слезами умоляла Виллима Ивановича вся его фамилія: — буде не бросишь, то этотъ Столѣтовъ тебя укуситъ и ты отъ него пропадешь.

— Висѣлицъ-то много! самоувѣренно отвѣчалъ Виллимъ Ивановичъ: — если Егоръ какую пакость сдѣлаетъ, то... не миновать ему висѣлицы.

Не одна увѣренность въ своей силѣ мѣшала Монсу «отбросить» болтливаго, вороватаго и заносчиваго Столѣтова: этому мѣшало то обстоятельство, что онъ посвятилъ секретаря во всѣ тайны взяточничества; на его попеченіе возложены были многія дѣла, по которымъ Монсъ уже взялъ презенты и которыя слѣдовательно надо было привести къ благополучному исходу; наконецъ Столѣтовъ вообще заявлялъ большія способности къ секретарской должности и былъ человѣкъ по своему времени довольно образованный: такъ онъ зналъ языки нѣмецкій, польскій, а на русскомъ кропалъ даже чувствительные романсы:

О, коль тягость голубю безъ перья летати,
Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати. 2.
И теперь я младенька въ слезахъ унываю,
Что я друга сердечна давно не видаю. 2.
Никакой въ сердцѣ своемъ радости не маю,
Ниже коей утѣхи въ себѣ обрѣтаю. 2.
Только всегда младенька горько болѣзную,
Что я безъ друга мила въ свѣтѣ семъ горюю. 2.
Не могу въ сердцѣ своемъ радости имѣти,
Доколѣ друга мила не возмогу зрѣти. 2.
Языкъ бо мой не можетъ ни съ кѣмъ говорити
И очи мои не могутъ на инаго зрити. 2.
Точію азъ слезами себя утѣшаю,
Своего мила друга часто вспоминаю: 2.
«Что ты, любезный друже, меня покидаешь,
Никогда мя горькую не воспоминаешь! 2.
Спомяни мя, сердечный другъ, вѣрную дѣвицу,
Аки згибшую въ темномъ лѣсѣ голубицу, 2.

Азъ такожде по всякъ часъ тебя споминаю
И всегда непрестанно о тебѣ мысль маю! » 2. (1)

Несмотря на чувствительность, высказываемую въ романсахъ, Столѣтовъ не являлъ чувствительности въ обращеніи съ нисшими; напротивъ, онъ велъ себя съ крайнею заносчивостью и «гордилъ» съ ними, такъ что его никто не любилъ.

Кромѣ Столѣтова, пособника во взяткахъ, Монсъ имѣлъ другого весьма полезнаго для себя помощника въ дѣлахъ чисто-дворцовыхъ: то былъ извѣстный Балакиревъ (2).

Стряпчій Хутынскаго монастыря Иванъ Балакиревъ вѣдалъ въ 1703 году сборомъ подушныхъ денегъ съ крестьянъ и монастырскими дѣлами по разнымъ приказамъ (3); нѣсколько лѣтъ спустя мы его видимъ гвардейскимъ солдатомъ. Солдатская лямка была тяжела Балакиреву; въ неисчерпаемой веселости своего характера, въ остроуміи, въ находчивости и способности ко всякаго рода шуткамъ и балагурству онъ нашолъ таланъ «принять на себя шутовство» и этимъ самымъ, при посредствѣ Монса, втереться ко двору его императорскаго величества. Вамъ извѣстны многочисленные анекдоты о проницательности, умѣ, находчивости, смѣлости, правдолюбіи, добротѣ, честности и т. под. достоинствахъ придворнаго шута Балакирева. Все это расказано въ нѣсколькихъ изданіяхъ «анекдотовъ» и все это болѣе нежели на-половину выдумка досужихъ издателей площадныхъ книжонокъ. Вѣрно одно: что Балакиревъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, умѣлъ дѣлаться полезнымъ разнымъ придворнымъ, былъ дѣйствительно изъ шутовъ не

---

(1) Въ бумагахъ Столѣтова сохранилось много стихотвореній; всѣ они въ чувствительномъ родѣ: въ нихъ воспѣвается супружеская вѣрность, любовь, высказывается ревность дѣвицы-голубицы, тоска, или мольба къ Богу. Въ прилож. XI № 1 и 2 помѣщено два образчика имъ написанныхъ стихотвореній. Есть стихотворенія — буквальный переводъ чуть ли не съ нѣмецкаго, быть-можетъ съ тѣхъ виршей Монса, которые не дошли до насъ; есть наконецъ пѣсни малорусскія: вѣроятно Столѣтовъ, какъ любитель поэзіи, записалъ ихъ со словъ какого-нибудь парня или дѣвицы. Въ его же и монсовыхъ бумагахъ сохранился длинный реестръ разныхъ книгъ богословскаго и преимущественно историческаго содержанія, на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Кому принадлежали означенныя въ реестрѣ книги — Монсу ли, его ли секретарю, или кому-нибудь другому — неизвѣстно.

(2) Замѣтимъ кстати, что даже дворецкій Монса, Иванъ Кузьминъ, получалъ иногда подарки, доходившіе до 50 руб. единовременно, зато что брался обдѣлывать кой-какія дѣлишки чрезъ своего могучаго господина.

(3) Роспись Хутынь монастыря стряпчаго Ивана Балакирева издержанным имъ деньгамъ по монастырскому дѣлу на приказные расходы; роспись его же о сборѣ съ крестьянъ подушныхъ денегъ. 1703 г. № 491, 504.

дюжинныхъ, но всѣ его высокія добродѣтели и высокое значеніе его шутокъ — для разсѣянія черныхъ думъ Петра, для спасенія невинныхъ и проч., — все это разлетается дымомъ при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами.

Какъ умный человѣкъ, Балакиревъ втерся подъ крылышко Монса; у него онъ былъ домашнимъ человѣкомъ, служилъ разсыльнымъ между имъ и Екатериной, высматривалъ и выслушивалъ для него о разныхъ дворцовыхъ дѣлахъ, словомъ былъ его кліентъ, расторопный, но къ несчастью Монса, подобно Столѣтову, невоздержанъ на языкъ.

Таковы были главные изъ ближнихъ кліентовъ Монса. Познакомившись съ ними, заѣдемъ съ однимъ изъ нихъ, съ Балакиревымъ, къ его пріятелю — обойнаго дѣла ученику, къ Ивану Ивановичу Суворову.

Балакиревъ не въ духѣ.

— Письма я вожу нѣкоторыя изъ Преображенскаго къ Виллиму Монсу нужныя, говорилъ шутъ, — а мнѣ такія письма скучили, и опасенъ отъ нихъ: мнѣ (вѣдь) первому пропадать будетъ.

— Отъ кого-жъ тѣ письма и какія?

— А вотъ Егоръ Столѣтовъ домогается ключи у Монса отъ кабинета его (взять), продолжалъ Балакиревъ послѣ нѣкотораго молчанія и уклоняясь отъ прямого отвѣта: — а въ томъ кабинетѣ нужныя письма лежатъ, и Монсъ еще Егору въ томъ не вѣритъ. Я же вотъ — хвасталъ шутъ — въ великомъ кредитѣ у Монса: что хочу у него, то и дѣлаю.

Разговоръ этотъ происходилъ 26 апрѣля 1724 года въ селѣ Покровскомъ, гдѣ проживалъ въ то время Монсъ и куда приносились записки изъ Преображенскаго, резиденціи Екатерины (1).

Суворовъ зналъ не отъ одного Балакирева о «опасномъ» романѣ. Былъ у него однажды «Мишка», слуга царскаго деньщика Поспѣлова. Между прочею болтовнею Суворовъ замѣтилъ:

— Куда-де какія причины дѣлаются во дворѣ! Какъ это Монсъ очень (-то ужь) силенъ сталъ!

— Я еще лучше причину знаю, отвѣтилъ Мишка: — Кобыляковой женѣ (служанкѣ государыни) табакерку дали. И она ту табакерку бросила, говоря: «мнѣ-де въ этомъ пропасть! я-де донесу, какъ хотите!»

Подобныхъ извѣстій Суворовъ, какъ надо думать, понабрался и отъ другихъ служителей и служанокъ; свѣдѣніями своими онъ не-

---

(1) Кто писалъ эти записки? Не Матрена ли Ивановна Балкъ, неотлучно бывшая при государынѣ?

замедлилъ подѣлиться съ своимъ товарищемъ Михѣемъ Ершовымъ. Михѣй заночевалъ съ 26 на 27 апрѣля у Суворова; въ ночной тишинѣ между пріятелями завязалась интимная бесѣда.

— Нѣкоторое письмо — говорилъ хозяинъ — перелетѣло нужное изъ Преображенскаго въ Покровское къ Монсу. Я самъ видѣлъ у него подмоченныхъ писемъ много; оныя не опасно лежали, такъ что люди, которымъ не надлежало видѣть тѣхъ писемъ, могутъ смотрѣть, чего секретарю, какъ Столѣтовъ, не надлежитъ дѣлать; а когда сушили тѣ письма, тогда унесъ Егоръ Михайловъ (Столѣтовъ) изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боятся. И говорили Монсу сестра его Балкша, Петръ Балкъ и Степанъ Лопухинъ, чтобъ онъ Егора отъ себя отбросилъ.

— А что то за письмо? спрашивалъ Ершовъ.

— Хорошенькое письмо! Отдалъ его Егоръ Алексѣю Макарову, а Алексѣй отдалъ Василію Поспѣлову.

Нѣсколько дней спустя, въ первыхъ числахъ мая 1724 года встрѣтился Суворовъ съ своимъ знакомымъ — Борисомъ Смирновымъ у сената, который былъ въ то время въ Покровскомъ.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ Смирновъ.

— Въ сенатѣ, для подаянія челобитной о себѣ просительной, о причтеніи къ добрымъ людямъ.

— Ты бы челобитную-то подалъ Монсу.

— Опасаюсь, отвѣчалъ Смирновъ: — чаю его себѣ неблагодѣтелемъ, понеже и въ панинѣ дѣлѣ Монсъ его, паниной, стороны былъ.

— Виллимъ (-то Монсъ)? Хорошъ! говорилъ Суворовъ. — Хорошо его поддѣли на арканъ! Живетъ (вишь) у него секретарь его, который все что онъ ни дѣлаетъ — записываетъ.

— Что̀ во многихъ искать! передавалъ потомъ эту новость Смирновъ Ершову: — что̀ во многихъ искать! И лучшаго-то — Монса — Егорка подцѣпилъ на арканъ.

Странно было бы, еслибы въ тогдашнее время изъ всѣхъ этихъ собесѣдниковъ о вещахъ «вельми противныхъ» не нашлось бы ни одного извѣтчика. Такимъ объявился Михѣй Ершовъ. Страхъ ли наказанія за то, что о слышанныхъ словахъ не донесъ, надежда ли на награду, желанье ли погубить ненавистнаго всѣмъ имъ Егорку Столѣтова изъ чего-бы то нибыло, только Ершовъ рѣшился подать доносъ.

Рѣшеніе его однако не могло скоро осуществиться: этому помѣшала коронація. Начался рядъ празднествъ, всѣ были заняты и едвали кому охота была принимать, а тѣмъ болѣе розыскивать по доносу. Но вотъ шумъ и суетня великихъ торжествъ угомони-

лись, придворные заговорили о скоромъ отъѣздѣ царской фамиліи въ Петербургъ, начались сборы; государыня и ея дочери принимали уже прощальные визиты герцога голштинскаго и другихъ знатныхъ персонъ. Ершовъ побоялся далѣе мѣшкать, и во вторникъ 26 мая подалъ доносъ.

«Я, Михѣй Ершовъ,—писалъ извѣтчикъ,—объявляю: сего 1724 года апрѣля 26 числа ночевалъ я у Ивана Иванова-сына Суворова, и между протчими разговорами говорилъ Иванъ мнѣ, что когда сушили письма Виллима Монса, тогда де унесъ Егоръ Михайловъ изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боятся...» Наконецъ добавилъ замѣчаніе Смирнова: Егорка-де подцѣпилъ Монса на арканъ.

Допросили Смирнова; тотъ подтвердилъ о своемъ разговорѣ съ Суворовымъ у сената. Дѣло первой важности. Тутъ не извѣтъ на какое-нибудь пьяное слово, будтобы вредительное къ чести его императорскаго величества: тутъ дѣло идетъ нешуточное, указывается на письменный документъ, называются лица, и лица все близкія, довѣренныя Петру. Чтожъ, въ тотъ же день ихъ призвали къ допросу, арестовали, застѣнокъ огласился воплями истязуемыхъ? — Ничего небывало. Кому поданъ доносъ, кто выслушивалъ объявленіе Ершова, гдѣ происходило съ нимъ объясненіе, наконецъ почему немедленно не допросили оговоренныхъ въ немъ, если не Макарова и Поспѣлова, то менѣе важное лицо — Ивана Суворова, — всѣ эти вопросы остаются неразрѣшоными. Доносъ точно канулъ въ воду. Петръ не узналъ о немъ. Но человѣкъ, рѣшившійся скрыть извѣтъ и наложить молчаніе на Ершова и Смирнова, какъ кажется, немедленно далъ знать о всемъ случившемся Екатеринѣ.

Она въ это время наслаждалась полнѣйшимъ счастіемъ. Каждый день маленькій домикъ Преображенской слободы наполнялся именитыми гостями; угощеніе не прекращалось; самъ государь былъ какъ нельзя болѣе въ духѣ все время, щеголялъ — ради коронованной хозяюшки — въ новыхъ французскихъ кафтанахъ, и ради веселья и собственнаго счастія радушно поилъ всѣхъ и каждаго изъ собственныхъ рукъ. Словомъ Екатерина была весела, спокойна, довольна и пользовалась вожделѣннымъ здоровьемъ. Вдругъ *26 мая, во вторникъ*, когда Петръ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ, съ Екатериной дѣлается сильнѣйшій припадокъ, родъ удара. Больной немедленно пустили кровь; она очень ослабѣла, такъ что отданъ былъ приказъ по церквамъ — впродолженіи недѣли пѣть молебны за ея выздоровленіе. 31 мая ей опять стало хуже.

Государь, незная причины болѣзни, былъ довольно спокоенъ,

ѣздилъ на желѣзные заводы, и 16 іюня, лишь только замѣтилъ, что женѣ лучше, оставилъ ее оправляться, а самъ поспѣшилъ въ дорогое для него петербургское болото.

Здѣсь-то, шесть мѣсяцевъ спустя, вновь вынырнулъ страшный доносъ Ершова.

VIII

ПРЕДЪ РОЗЫСКОМЪ

1724 г.

16 іюня 1724 года, какъ мы видѣли, государь оставилъ Москву, а въ ней недужную супругу. Деньщикъ Древникъ получилъ приказаніе выждать ея выздоровленія, и лишь только она подымется въ отъѣздъ, ѣхать впередъ и извѣстить о томъ императора. По всему было видно, что государь ничего не зналъ о роковомъ доносѣ: Петръ попрежнему былъ внимателенъ, нѣженъ и заботливъ къ Екатеринѣ. «Катеринушка, другъ мой сердешнинькой, здравствуй! — привѣтствовалъ онъ ее съ дороги въ Петербургъ. — Я вчерась прибылъ въ Боровичи слава-богу благополучно, здорово, гдѣ нашолъ нашихъ потрошонковъ (т. е. дѣтей) и съ ними вчерась поплылъ на одномъ суднѣ; ....зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасаюсь, развѣ съ дождей вода прибудетъ; а ежели не прибудетъ и сносно тебѣ будетъ, лучше-бъ до Бронницъ ѣхать (тебѣ) сухимъ путемъ; а тамъ ямы (т. е. станціи) частые, — не надобно волостныхъ (подводъ). Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготовимъ... дайбоже васъ въ радости и скоро видѣть въ Питербурхѣ.» На любительной грамоткѣ, безъ сомнѣнія по желанію Петра, приписывали и «потрошонки» — Анна и Елисавета.

Въѣхалъ государь въ дорогой для него Петербургъ и незамедлилъ въ цидулкѣ подѣлиться чувствами съ «Катеринушкой». «... нашолъ все — писалъ онъ между прочимъ — какъ дитя въ красотѣ растущее, и въ огородѣ (т. е. въ Лѣтнемъ саду) повеселились; только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется: все пусто безъ тебя... и ежелибъ не праздники зашли (т. е. годовщина полтавской битвы и день Петра и Павла), уѣхалъ бы въ Кронштатъ и Питергофъ. ... дай-богъ васъ въ радости здѣсь видѣть вскорѣ! Кораблей чужестранныхъ здѣсь 100 въ приходѣ.»

Только-что отправился гонецъ съ цитованной нами грамоткой,

какъ на другой день государь самъ получилъ письмецо отъ «Катеринушки»: та писала, что пришла въ «старое» здоровье, что она отправляется изъ Москвы, и шутила въ прежнемъ родѣ. Какъ обрадовался государь вѣсточкѣ, можно судить изъ того, что онъ въ тотъ же день послалъ ей навстрѣчу суда, а на нихъ обычные презенты: «венгерское, пиво, помаранцы, лимоны и соленые огурцы». Та немедлила отвѣтами, писала съ пути, поздравляла съ празднествами 27—29 іюня, заявляла «сердечное желаніе въ радости васъ скорѣе видѣть» (¹).

Между тѣмъ какъ государыня, оправившись отъ неожиданнаго удара, спѣшила въ Петербургъ на радостную встрѣчу, втеченіи пути въ толпѣ ея многочисленной свиты шло шушуканье о вещахъ для нея опасныхъ.

— Монсова фамилія, — разсказывалъ придворному стряпчему Константинову знакомый уже намъ Суворовъ — Монсова фамилія вся приходила къ Монсу просить со слезами, чтобъ онъ Егора Столѣтова отъ себя отбросилъ, а то можетъ онъ, Монсъ, отъ Егора пропасть. Монсъ отвѣчалъ, висѣлицъ де много. Егоръ, свѣдавъ про то, сказалъ: «онъ, Монсъ, прежде меня попадетъ на висѣлицу». И достигалъ Егорка у него, Монса, изъ кабинета одного письма, однако не досталъ.

О силѣ того письма Суворовъ по незнанію или по осторожности промолчалъ.

Суворовъ спросилъ у Константинова: «А знаешь ли ты Балакирева?»

— Не очень знаю.

— Этотъ Балакиревъ хотя и шалуномъ кажется, однако не промахъ!

Разговоръ, какъ кажется, ничего не заключалъ въ себѣ интереснаго, а между тѣмъ кто-то имъ очень заинтересовался; кто былъ этотъ любопытный, изъ-за чего онъ чутко прислушивался къ подобнымъ толкамъ — неизвѣстно. Зато извѣстно, что въ тотъ же день составлена была «записка для памяти, что Иванъ Суворовъ разсказывалъ Андрею Константинову, ѣдучи въ дорогѣ отъ Москвы

(¹) На прогоны государынѣ отъ Москвы до Вышняго-Волочка выдано было изъ кабинета 1000 руб. Макаровъ, препровождая деньги въ распоряженіе Монса, просилъ давать ямщикамъ по 1 деньгѣ на версту за лошадь, а то императрица въ прежнія поѣздки платила по 1 алтыну на 10 верстъ: «и того было гораздо мало, отъ чего бѣдные зѣло скучаютъ». Письмо Макарова къ Монсу 17 іюня 1724 г.

до Петербурга». Записка спрятана. Кто ее доставилъ, кому подалъ, почему она исчезла до времени; все это остается загадкой.

Интрига какъ-видно обдуманная, осторожная, велась противъ Монса; надъ нимъ скоплялась гроза. Отношенія же между тѣмъ государя къ государынѣ, а слѣдовательно и значеніе нашего героя оставались прежнія.

Такъ 8 іюля 1724 г. Екатерина была встрѣчена съ большимъ торжествомъ: цѣлая флотилія буеровъ выплыла къ ней навстрѣчу за Александроневскую лавру, и немало пороху было разстрѣляно, немало вина было роспито, прежде нежели окончились поздравленія императрицѣ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Но глазъ наблюдателя легко могъ замѣтить, что эти поздравленья, тосты, пушечные залпы, не могли придать силу и бодрость государынѣ; замѣтно было, что необъяснимый для двора припадокъ 26 мая сильно потрясъ организмъ Екатерины; она была еще очень слаба и даже не садилась за столъ. Впрочемъ это продолжалось недолго. Скоро послѣдовали обычные пиры съ обычными явленіями; пиры эти въ лѣто 1724 года задавались при дворѣ какъ-то особенно часто, такъ какъ поводовъ къ нимъ было много: безпрестанно спускали нововыстроенные корабли, фрегаты, мелкія морскія и рѣчныя суда. Рѣдкая изъ пирушекъ при этихъ случаяхъ, особенно размашистыхъ, обходилась безъ присутствія императрицы. Государь, оживленный явленіемъ «новорожденнаго» адмиралъ-баса Головина (1), оживленный участіемъ въ его радости «свѣтъ-Катеринушки», былъ обыкновенно въ очень хорошемъ расположеніи духа. Прямымъ слѣдствіемъ было то, что «новорожденныхъ» окрещивали страшнѣйшими водкопзліяніями. Вино оказывало свое дѣйствіе: возникали ссоры, дѣло не обходилось безъ затрещинъ; то птенцы клевали другъ друга... Если «новорожденное» судно было невелико, то государыня иногда не принимала участіе въ пирѣ, но объѣхавъ судно въ своей баркѣ, осушала бокалъ за здоровье «свѣтъ-батюшки», и этого было довольно: «государь опять былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа». А запируется онъ и жена ѣдетъ къ нему съ «напамятованіемъ»: «пора домой, батюшка.» Батюшка слушается и оставляетъ сотоварищей.

Бывали ли въ это время свадьбы придворныхъ чиновниковъ и служителей — и на нихъ, по обыкновенію, почти всегда можно было встрѣтить Петра и Екатерину: ихъ величества бывали очень веселы.»

---

(1) «Новорожденными» дѣтками Головина назывались новые корабли.

На государя особенно часто въ это время находила шутливость и онъ шутилъ грубо, цинически, но по своему времени остроумно. Что Монсы и Балки (1) нисколько не теряли «кредита», видно изъ того, что государь съ государыней посѣщали ихъ семейные праздники: такъ 11 августа высочайшія особы были на крестинахъ дочери Балка *Екатерины;* нѣсколько дней спустя мать Балка фигурировала на свадьбѣ тайнаго кабинетъ-секретаря Макарова въ качествѣ «сестры жениха»; словомъ положеніе этого семейства при дворѣ, какъ относительно державныхъ супруговъ, такъ и въ кругу вельможъ и аристократокъ, нисколько не умалилось.

30 августа, въ воскресенье, все блестящее петербургское общество вслѣдъ за государемъ и государыней и во главѣ многочисленнаго скопища народа принимало участіе въ религіозно-политической процессіи. Въ этотъ день Петербургъ вышелъ во срѣтеніе мощей св. Александра-невскаго. Страстный охотникъ до катаній по водѣ, Петръ и эту церемонію устроилъ на рѣкѣ: многочисленная флотилія пушечными залпами встрѣтила мощи славнаго князя. «Звонъ колоколовъ неумолкалъ — повѣствуетъ Берхгольцъ: — необъятное множество зрителей крестились и кланялись. Большая часть изъ нихъ, проникнутая глубокимъ благоговѣніемъ, горько плакала. Императрица съ двумя дочерьми, затѣмъ обѣ герцогини Анна и Екатерина и всѣ дамы, въ великолѣпнѣйшихъ нарядахъ, находились на переднемъ монастырскомъ дворѣ (въ Александроневской лаврѣ), у архіерейскаго дома, и тамъ ждали приближенія мощей. Увидѣвъ ихъ, онѣ также начали креститься и кланяться, причемъ нѣкоторыя старыя дамы заливались слезами неменѣе простолюдиновъ. Какъ скоро мощи пронесли мимо ея величества императрицы, она послѣдовала за ними въ часовню со всею своею свитою и впереди духовенства» и проч. За религіозными церемоніями слѣдовалъ пиръ; отшельники Невской лавры явились радушными хозяевами. Гостямъ подавалось мясо, провозглашались тосты, въ стѣнахъ мирной обители гремѣли пушки.

Словомъ всѣ церемоніи, празднества, спуски кораблей, свадьбы придворныя, рѣчныя катанія и прогулки въ «огородѣ» рѣдко обходились и въ это время безъ присутствія государыни. Ее всегда можно было видѣть подлѣ ласкающаго ее супруга, всегда можно было видѣть и знаки вѣрноподданничества, расточаемые ей вельможами: такъ напримѣръ при провозглашеніи тоста за ея здоровье на од-

(1) Петръ Федоровичъ Балкъ одновременно съ Монсомъ пожалованъ былъ камергерствомъ.

ной изъ пирушекъ, 25 октября 1724 года, всѣ старые и именитые сановники пали къ ея ногамъ. Подобныя заявленія «рабской преданности» были нерѣдки.

Въ виду чувствительныхъ сценъ, въ виду нѣжныхъ цидулокъ государя (1), словомъ при прежнемъ значеніи Екатерины не уменьшалась власть и сила ея фаворита.

Послѣ удара надъ Екатериной и по отъѣздѣ Петра изъ Москвы, Монсъ скоро былъ обрадованъ грамоткой Василья Поспѣлова: «Государь моі братецъ вилимъ Ивановичь, — писалъ Поспѣловъ — покорно прошу васъ, моего брата, отдат моі долшій поклонъ моеи милостивоі государыне матушке, императрице Екатерине Алексѣевне; и слава богу, что слышим еѣ величество в лутчемъ состояніи; дай Боже і впред благополучне слышат. Остаюсь вашь моего друга и брата слуга Петровъ Поспелов.»

Кто былъ Поспѣловъ, мы уже видѣли; понятно, что ласковая цидулка отъ него не могла не быть пріятной Монсу; «на верьху» значитъ все благополучно, могъ думать онъ, — если любимѣйшій деньщикъ царя пишетъ столь любительно.

И Монсъ, безъ сомнѣнія встревоженный вначалѣ доносомъ, мало-помалу успокоился. Занятія по службѣ, хлопоты по дѣламъ челобитчиковъ, милость государыни и ласкательство двора, быстро разсѣяли его опасенія. Служебныя занятія оставались прежнія: онъ вѣдался съ поставщиками какихъ-нибудь «гданскихъ волокъ для двора ея величества», подряжалъ «живописцевъ для нѣкотораго исправленія комедіи», расчитывался съ разными дворцовыми подрядчиками, списывался съ управляющими по имѣніямъ государыни, выслушивалъ ихъ жалобы другъ на друга (2), отставлялъ отъ мѣста

---

(1) Послѣдняя (напечатанная) цидулка Петра къ «Катеринушкѣ, другу сердешнинкому» была отъ 31 октября 1724 года.

(2) Жалобы эти были весьма не мягкаго свойства: напримѣръ нижегородскій приказчикъ государыниныхъ имѣній, Киселевской, доносилъ, и главноуправляющій Палибинъ подтверждалъ доносъ, что другіе приказчики тѣхъ же имѣній, Грузинцовы «чинятъ крестьянамъ обиды и разореніе». Грузиновцы, задаривъ Монса, Столѣтова, Балкшу (послѣдней дано было 100 руб.) и имѣя ходатаевъ въ лицѣ богатыхъ помѣщиковъ Горскихъ, писали къ Монсу въ качествѣ оскорбленной невинности: «со слезами просимъ васъ, своего государя, къ принятію доношенія отъ насъ нижайшихъ на вора и душегубицу Киселевскаго, и разбойника, и церковнаго мятежника, и многихъ показанныхъ дѣлъ при розыскѣ доказано свидѣтельми» и т. д. въ томъ же родѣ, въ тѣхъ же крѣпкихъ словахъ, ведущихъ къ слезному моленью; «сотвори государь съ нами божескую милость, чтобъ отъ такого вора напрасно не разорится; со слезами и рабски просимъ» и проч.

однихъ, принималъ другихъ, и разумѣется чинилъ все то не безъ малыхъ презентовъ. Въ получкѣ послѣднихъ, какъ уже извѣстно, принималъ участіе обреченный Монсомъ на висѣлицу, тѣмъ неменѣе все-таки довѣреннѣйшій его секретарь Столѣтовъ: «Васъ нижайше прошу, — писалъ напримѣръ Степанъ Лопухинъ къ Егору Михайловичу: — посланъ человѣкъ отъ моего друга, князь Алексѣя Григорьевича Долгорукова къ дядюшкѣ, котораго прошу неоставить и дядюшкѣ въ дѣлѣ его (Долгорукова; о дѣлѣ см. выше) воспоминать... и представь онаго (посланнаго) всегда дядѣ (Монсу) по всякой возможности, чтобъ онъ отъ него все выслушалъ съ покоемъ, за что я вамъ истинно самъ служить потщуся сердечно, и онъ (Долгоруковъ) вамъ будетъ благодарить.» Знатнѣйшіе аристократы, впрочемъ изъ опальныхъ семействъ, въ лицѣ напримѣръ князя Юрья Гагарина, заискивали у «канцеляриста корешпонденціи»: «въ надеждѣ вашей дружеской милости прошу васъ, ежели возможно, вамъ пожаловать облехчитца ко мнѣ сей день откушать; ежели же невозможно, вѣдаю, что вамъ многія суеты (т. е. заботы), то прошу хотя на одинъ часъ...» и проч. Свиданія этого жаждетъ князь для узнанія о судьбѣ своей и женіной челобитной, вѣроятно по дѣлу о конфискованныхъ имѣніяхъ кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ: «я трижды пріѣзжалъ ко общему нашему милостивому патрону Вилиму Ивановичу, только не получилъ видѣть, и иногда и на дворъ не пущаютъ: по истиннѣ я вѣдаю, что нынѣ дѣло ему суетно» и пр. Какъ однако ни было суетно, но Виллимъ Ивановичъ все-таки имѣлъ время принимать подарки; такъ втеченіе времени съ мая по октябрь въ 1724 году — помѣщикъ одинъ прислалъ ему изъ Симбирска персидскую кобылу; въ тоже время московская купчиха иноземка просила его «воспріять во благо» два куска тончайшихъ кружевъ да 500 червонныхъ; крестьянинъ подмосковный, по своему дѣлу, поднесъ 400 рублей; другой челобитчикъ, «въ несумнѣнной надеждѣ, послалъ къ Виллиму Ивановичу, отцу и государю, иноходца карева, съ просьбой, какое-то прошенье всенижайшее принять, равно какъ и убогое дарованіе, принесенное отъ усердія...» Купецъ иноземецъ билъ челомъ сотней бутылокъ понтаку да нѣсколькими бутылками пива, бочкой базарака, ящикомъ бургонскаго, ящикомъ

Въ той же надеждѣ «высокой его превосходительства къ себѣ милости, беретъ на себя смѣлость» (такъ говоритъ Монсу не простой приказчикъ, а князь Хованской) — «по незаслугамъ своимъ утруждать его превосходительство, милостиваго своего патрона Виллима Ивановича» по одному своему семейному дѣлу. Въ этихъ просьбахъ важно не содержаніе, но тонъ ихъ и безпрестанныя извиненья, «что такъ осмѣлился ваше превосходительство утрудить, ту смѣлость принялъ« и проч.

шампанскаго и проч. винъ; Александръ Нарышкинъ подарилъ ему на заводъ двѣ кобылы; Нарышкинъ дарилъ ради «новой пріязни»; другой нашъ знакомый, помѣщикъ Отяевъ, подарилъ по «старой дружбѣ» двухъ собакъ да *охотника*. Мошковъ еще въ маѣ презентовалъ для вновь строющагося дома Монса бесѣдку изъ дома царевича Алексѣя; царевна Прасковья, хлопоча о домовомъ съ сестрами раздѣлѣ, посылала ему постоянно съѣстные запасы. Словомъ Виллимъ Ивановичъ попрежнему не брезгаетъ ничѣмъ, и точно предчувствуя близкій расчетъ, беретъ все больше и больше, чаще и чаще. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ!

«Особливому отцу въ нуждѣ» падаютъ въ ноги цѣлыя товарищества, депутаціи: такъ слезно молятъ его нѣсколько крестовыхъ дьяковъ «не отринуть ихнаго прошенья отъ *своего высочества* (!)»... о ходатайствѣ ихъ за долговременную службишку «жалованья»; такъ пишетъ къ нему и донское казачество въ лицѣ «старшинъ своихъ съ товарищи»: «вамъ, нашему премилостивому государю и патрону, — пишутъ козаки — зѣло благодарствуемъ, что вы насъ милостиво содержите, и впредь покорно просимъ, о чемъ посланной нашъ есаулъ будетъ вашего благородія просить, дабы его прошеніе оставлено не было, за что долженствуемъ вамъ, нашему премилостивому... патрону сослужить.»

Дѣло казаковъ, какъ кажется, касалось размежовки земель ихъ съ владѣльцами сосѣднихъ жалованныхъ помѣстій. Виллимъ Ивановичъ незадумываясь хлопоталъ въ пользу казацкихъ старшинъ, и одновременно съ тѣмъ же *безкорыстіемъ* радѣлъ о удовлетвореніи просьбы лейбъ-кучера Возжинскаго. Послѣднему пожелалось получить чинъ и дворянство; чрезъ кого достать и то и другое? ну разумѣется чрезъ Монса. Государыня дала указъ, камергеръ отписалъ къ Остерману: «сочините-де патентъ»; тотъ сочинилъ, препроводилъ къ Монсу на разсмотрѣніе, и тутъ же явилъ обычную осторожность: «ежели оный (патентъ) — писалъ Остерманъ Монсу 7 августа 1724 г., — его величество изволитъ апробовать, то надобно его напечатать, ибо всѣ патенты имѣютъ быть печатные. Впрочемъ вашему благородію доношу, что понеже, по указамъ и регламентамъ его императорскаго величества, на дворянство патенты опредѣлено давать изъ сената, то не изволите-ль ваше благородіе о помянутомъ лейбъ-кучерѣ, что онъ во дворяне пожалованъ, сообщить прямо въ сенатъ, дабы намъ въ сочиненіи такихъ патентовъ не учинить какой противности указамъ и регламентамъ, въ чемъ я не безопасенъ.»

Но какъ трусливъ и осмотрителенъ былъ Андрей Ивановичъ,

такъ напротивъ того самонадѣянъ Виллимъ Ивановичъ; пожалованіе лейбъ-кучера дворянствомъ принадлежало къ числу неважныхъ для него операцій; нѣтъ, онъ не затруднился вмѣшаться въ дѣло первой важности, въ «сочиненіе брачнаго союза единой изъ дщерей великаго государя». Монсъ былъ ревностнымъ ходатаемъ герцога голштинскаго.

Герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ прибылъ изъ Германіи въ Ригу въ началѣ 1721 года. Это былъ молодой человѣкъ двадцати одного года, слабаго сложенія, маленькаго роста и бѣдный; жертва сѣверной войны, лишонный своихъ владѣній королемъ датскимъ, герцогъ сохранилъ за собой только небольшую территорію съ главнымъ городомъ Килемъ. Между тѣмъ Петръ исходомъ сѣверной войны дѣлался сильнѣйшимъ государемъ Европы, и вотъ герцогъ, въ качествѣ бѣднаго претендента, претендента однако съ большими претензіями, является въ Россію искать денегъ, связей, войска. Претендентъ на отнятыя у него голштинскія владѣнія, претендентъ (въ качествѣ племянника Карла XII) на шведскій престолъ, Карлъ-Фридрихъ искалъ защиты и помощи въ Петрѣ; а чтобъ получить и то и другое, онъ сталъ добиваться руки одной изъ дочерей государя. Въ годъ его пріѣзда Аннѣ было тринадцать, Елисаветѣ одинадцать лѣтъ. Гостя приняли хорошо; государь ласкалъ его, приглашалъ на всѣ празднества, время отъ времени, особенно подъ веселую минуту, являлъ знаки своего расположенія, но дѣла герцога все-таки не подвигались ни въ отношеніи предполагаемаго брака, ни въ отношеніи его династическихъ притязаній. Все оканчивалось полуобѣщаніями. Петръ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, которое можетъ при случаѣ пригодиться, чтобы пригрозить кому-нибудь или запутать и затянуть какіе-нибудь дипломатическіе вопросы. Дневникъ Берхгольца, безъ сомнѣнія вопреки желанію самого автора, служитъ лучшимъ матерьяломъ для представленія себѣ личности голштинскаго претендента и для представленія себѣ той роли, какая выдалась ему съ 1721 по ноябрь мѣсяцъ 1724 года.

«Во все это время Петръ съ нимъ шутитъ, поитъ и спаиваетъ его, и большею частью во всемъ этомъ просвѣчиваетъ какое-то небрежное покровительство; а иногда онъ нетолько не церемонится съ гостемъ, но и не обращаетъ на него никакого вниманія... Всѣ (т. е. собственно приближонные герцога) считаютъ его женихомъ великой княжны, а дѣло ограничивается неловкими реверансами или этикетнымъ цѣлованьемъ ручки. Вотъ кажется блеснулъ лучъ надежды и объявятъ ихъ обрученіе. Не тутъ-то было: внезапно великихъ

княжонъ увозятъ куда-нибудь, или герцога перестаютъ звать во дворецъ за отъѣздомъ Петра, или по другимъ причинамъ. Герцогъ едва имѣетъ средства къ существованію, незнаетъ какъ помочь плѣннымъ шведамъ, которыхъ задабриваетъ передъ отправленіемъ ихъ въ Швецію. Но на дары Петра много расчитывать нечего. Они заключаются по большей части въ красномъ яйцѣ, подаренномъ въ свѣтлое воскресенье, или въ присылкѣ какихъ-нибудь продуктовъ натурой къ обѣду, за что надо отблагодарить напримѣръ сереналой въ именины Екатерины, для чего нужны деньги на музыкантовъ и проч. Нужда въ деньгахъ и безъ того настоятельная, а тутъ вдругъ сюрпризъ: царскій приказъ шить костюмы на всю свиту для предстоящаго маскарада, или строить подмостки для какихъ-нибудь илюминацій, или готовиться къ немедленному отъѣзду въ Москву. Въ награду за все это герцогъ получаетъ улыбку, или шуточку, или нѣсколько стакановъ вина изъ рукъ Екатерины и ея дочерей: и какъ онъ и всѣ его придворные радуются, какому предаются восторгу, если на него обращено хоть малѣйшее вниманіе! Чтобъ вызвать его, герцогъ напрягаетъ силы на царскихъ пирушкахъ. Страсть къ пьянству является главнымъ пунктомъ его соприкосновенія съ русскими вельможами. Многочисленные свои досуги Карлъ наполняетъ или попойками, или препровожденіями времени, въ которыхъ проявляются нелѣпые вкусы тогдашнихъ карикатурныхъ и миніатюрныхъ германскихъ дворіковъ, формальность и этикетъ, растворённые казарменностью. Онъ учреждаетъ изъ своихъ придворныхъ то форшнейдеръ-колегію, то тостъ-колегію, уставъ которой опредѣляетъ мельчайшія подробности всякаго ужина, то какое-то обыкновенное свое общество, гдѣ участвуютъ только избранные. Вдругъ установляется имъ какой-нибудь орденъ «виноградной кисти», а черезъ нѣсколько времени — «тюльпана», или «дѣвственности», и онъ съ важностью жалуетъ шутовскіе ихъ знаки нѣкоторымъ приближеннымъ. Лѣтомъ на дачѣ герцогъ составляетъ изъ своей свиты войско, которое располагаетъ въ лагерѣ и мучитъ ученьями, а иногда играетъ имъ въ войну, и т. п. Таковы были преимущественно... упражненія молодого человѣка, имѣвшаго желаніе и даже шансы нетолько властвовать въ Голштиніи, но царствовать въ Швеціи или управлять Россіей.» (1)

---

(1) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра-великаго съ 1721 по 1725 годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. 4 ч. 8 д. М. 1857—1860 г. Критическая статья по поводу этого изданія М. Н. *Лонгинова*, въ «Русск. Вѣстн.» 1860 г. кн. XII, с. 448—450.

Въ 1724 году надежды герцога особенно окрылились; онъ съ нетерпѣньемъ ждалъ коронаціи Екатерины, твердо вѣруя съ своими голштинцами, что одновременно съ нею объявятъ его обрученіе. Надежды эти поддерживалъ Монсъ. Голштинцы умѣли снискать пріязнь фаворита, что́ имъ, какъ нѣмцамъ, было нетрудно; Монса и Балка принимали они съ почетомъ, герцогъ дарилъ какъ ихъ, такъ и Матрену Ивановну золотыми табакерками, лентами, собаками и т. п. игрушками, насколько то позволялъ его скудный достатокъ (1); ходатайству Монса нало приписывать то, что Екатерина также являла чувство любви и расположенья къ герцогу, посылала ему время отъ времени подарки и вообще смотрѣла на него несравненно милостивѣе и была къ нему внимательнѣе, нежели государь.

Льстя себя надеждой, что время осуществленія его желанія близко, эксъ-женихъ съ января 1724 года рѣшился познакомиться съ русскимъ языкомъ. Учителемъ его былъ переводчикъ шведъ, но кажется на первыхъ урокахъ занятія остановились, покрайнемѣрѣ акуратный Берхгольцъ не говоритъ далѣе о нихъ ни слова. Да и до ученья ли было человѣку, котораго, какъ самъ онъ разсказывалъ, съ малолѣтства еще отучили отъ всякаго ученья безсмысленнымъ заучиваніемъ кучи предметовъ; до ученья ли было тому, кто каждый день, незная чѣмъ убить время, волновалъ себя мечтами: состоится или несостоится соблазнительно выгодное для него сватовство? Но ктоже его невѣста? А ему все равно — Анна или Елисавета; послѣдняя даже больше ему нравится, но все равно онъ готовъ по первому указанью государя воспылать страстью къ любой изъ его дочерей, а пока онъ одинаково нѣжно цѣлуетъ имъ ручки и отвѣшиваетъ глубочайшіе поклоны.

3 февраля 1724 года, въ день ангела Анны Петровны на обѣдѣ и на балѣ государь былъ очень ласковъ съ ея величествомъ: этого было довольно, чтобъ дать надежду голштинцамъ, бывшимъ тутъ же съ герцогомъ, что-де въ этотъ день будетъ объявлено что-нибудь положительное о бракѣ Карла Фридриха; «но увы! ожиданія наши не сбылись, — такъ писалъ по возвращеніи домой Берхгольцъ: — и теперь остается только надѣяться, что авось наконецъ въ корона-

(1) Любимцу царицы голштинцы постоянно расточали знаки особенной пріязни. Такъ еще въ 1721 году тайный совѣтникъ Бассевичъ давалъ обѣдъ иностраннымъ министрамъ и камеръ-юнкерамъ царицы, Монсу и Балку; наконецъ самъ герцогъ нерѣдко бывалъ у «генеральши Балкъ», гдѣ онъ по нѣскольку часовъ проводилъ въ пріятной болтовнѣ съ хозяйкой, съ ея прелестной дочерью Натальей Лопухиной и съ другими членами этого семейства.

цію, съ божіею помощью, все приведено будетъ къ желанному окончанію.»

За справками, обнадеживаніями, вообще для переговоровъ по этому и другимъ дѣламъ голштинцы обращались къ Монсу. Такъ между прочимъ 17 февраля оберъ-камергеръ герцога, графъ Бонде отправился къ Монсу, чтобъ узнать, когда его королевскому высочеству можно будетъ пріѣхать проститься съ государыней, по случаю ея отъѣзда въ Москву. Камеръ-юнкеръ самъ явился къ герцогу съ извиненіемъ отъ государыни, что проститься теперь она не можетъ, причемъ Екатерина посылала поклонъ и соболью шубу въ 1500 рублей. Герцогъ поспѣшилъ отдарить посланнаго золотой табакеркой.

Прошолъ февраль, кончался мартъ, — дворъ давно гостилъ въ Москвѣ, шли оживленныя приготовленія къ коронаціи, но объ обрученіи герцога со стороны государя не было и помину. Тщетно на пирушкахъ Карлъ-Фридрихъ провозглашалъ тосты съ понятными для всѣхъ намеками на его желанія; государь отвѣчалъ на нихъ весьма охотно и смѣялся надъ ними. Тосты эти были: за успѣхъ всего хорошаго, за желанія и надежды наши; весна приноситъ розы; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и т. п. Тостъ «*чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше*» герцогъ провозгласилъ неиначе какъ предварительно посовѣтовавшись съ Ягужинскимъ. Послѣдній сказалъ о томъ на ухо императору, который отвѣчалъ на своемъ голандскомъ языкѣ: почему же нѣтъ? и тотчасъ же самъ потребовалъ стаканъ вина.

Наконецъ наступилъ день коронаціи; кончились торжества. Герцогъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи встрѣчалъ каждый день; вдругъ 21 мая узналъ онъ, и то совершенно случайно, что императорскія принцесы непремѣнно выѣдутъ изъ Москвы въ Петербургъ въ будущій вторникъ. Это было ему очень непріятно, потому-что какъ самъ онъ, такъ и почти вся Москва (безъ сомнѣнія только въ воображеніи голштинцевъ) считали за вѣрное, что въ день рожденія императора, т. е. 30 мая, будетъ сдѣлано что-нибудь въ пользу его высочества. «Теперь — восклицалъ Берхгольцъ — всѣ наши надежды разрушатся этимъ внезапнымъ отъѣздомъ!» На другой день голштинцы съ великимъ сожалѣньемъ увѣрились, что цесаревны дѣйствительно уѣдутъ изъ Москвы еще до рожденія императора. Опечаленный герцогъ сообщилъ о своемъ горѣ своему оберъ-камергеру графу Бонде. Тотъ поспѣшилъ къ общему ихъ пріятелю Монсу. Было 7 часовъ по полуночи. Бонде не засталъ Монса дома и оставилъ у него на нѣмецкомъ языкѣ записку. Представляемъ любопытный документъ въ современномъ переводѣ:

«Мой любезный братъ! Охъ горе! я теперь у васъ былъ, да не засталъ тебя. Государь мой (герцогъ) во всю ночь въ безпокойствѣ у меня былъ и не можно его утѣшить. Онъ вчерашняго числа слышалъ, что принцесы отъѣзжаютъ, и онъ еще ничего не имѣетъ, и ничего не слышитъ, что къ его спасенію принадлежитъ. Сердечный братецъ! попроси ея величество императрицу, чтобъ она умилосердилась надъ бѣднымъ, опечаленнымъ и влюбившимся государемъ. Онъ по истинѣ исчезаетъ въ сей неподлинности; и остается истинно деспераненъ, ежели до отъѣзду принцесъ объ одной не будетъ обнадеженъ. Ради Христа, братецъ дорогой, не покинь! И матушку нашу попроси, чтобъ помиловала она. Ей, ей, смерть хозяина моего, ежели милости вашей и божіей не будетъ. Я не могу его утѣшить. И ежели ему и нынѣ изъ Москвы ѣхать, и никоторой изъ принцесъ, которой за нимъ быть наречено не будетъ, и я заклинаю тебя предъ Богомъ и всѣми святыми, доложи о сей нуждѣ нашей всемилостивѣйшей матушкѣ. Генеральша (т. е. Матрена Балкъ) всевозможное здѣсь чинитъ, чтобъ меня съ утѣшеніемъ въ домъ къ государю моему отправить; только я ничего не могу принять, развѣ ты мнѣ дашь лучшее извѣстіе. Я пребываю, дражайшій мой братъ, весь вашъ Бонде. Въ 8-мъ часу.»

Монсъ и самъ не думалъ, что дѣло влюбленнаго герцога затянется еще на неопредѣленное время; онъ еще недавно говорилъ Бѣлосельскому да секретарю своему Столѣтову: «вотъ государыня цесаревна (Анна Петровна) — какой человѣкъ хорошій, а отдаютъ за голштинскаго герцога; а онъ ей по человѣчеству не придетъ. То-то чины-то будутъ...» Говорилъ онъ эти рѣчи быть-можетъ и не безъ укоризны, такъ какъ видно, что герцогъ дѣйствительно по человѣчеству не стоитъ цесаревны, хотя самъ же и радѣлъ о его дѣлѣ; а еще вѣроятнѣе говорилъ онъ то не «къ поношенію, но къ одному нѣмецкому обхожденію». (1)

Какъ бы то нибыло, но всѣ толки и хлопоты не повели пока ни къ чему. «Весьма удивляюсь — писалъ не безъ горечи шведской канцеляріи совѣтникъ и сторонникъ герцога, баронъ Цедергіельмъ къ графу Велингу — весьма удивляюсь, что о совокупленіи брачномъ еще ничего неслышно, и два срока: яко коронація и день Петра и Павла въ семъ случаѣ напрасно прошли; сіе возбуждаетъ у нѣкоторыхъ мнѣніе, что все пересечется, а у нѣкоторыхъ сумнѣніе и недовѣрку. А какъ оное потребно есть общему интересу, то оставлю мудрѣйшихъ зрѣлому разсужденію. И такимъ образомъ всякъ принужденъ колеблятся, когда объявленія безъ дѣйства

(1) Дѣло Столѣтова 1736 г., показаніе Бѣлосельскаго.

остаются. Мнѣ мнится, ежелибъ я сказать смѣлъ, что императора собственный кредитъ и интересъ въ томъ претерпѣваетъ.»

«Я имѣлъ честь прошлой почты вамъ объявить — писалъ тотъ же Цедергіельмъ три дня спустя (1) — въ какомъ я состояніи обрѣтаюсь и о неспокойствѣ, которое мнѣ приключаютъ пункты, интересованные о маріажѣ и... Вѣдая такъ, какъ я извѣстенъ его императорскаго величества разумъ и твердость, менѣе бы насъ тревожило въ продолженіи помянутаго маріажу, ежелибъ не чинились нѣкоторыя интриги, чтобъ опровергнуть взятыя мѣры и публику обольстить такимъ образомъ, дабы доброжелательные не знали, на что имъ надѣяться. А между тѣмъ противники надеждою себя флатируютъ, что по заключеніи (между Швеціей и Россіей) аліанціи, императоръ объ интересѣ герцога болѣе попеченія имѣть не будетъ, отчего онъ можетъ придти въ посмѣяніе и на жертву отданъ быть. И начинаютъ уже сумнѣватся, какое окончаніе дѣла его воспріимутъ. Сіе отъемлетъ куражъ и остановляетъ горячесть, и подаетъ случай къ разнымъ разсужденіямъ, и кажется будто блекнетъ тѣмъ слава монарха, который ему протекцію свою обѣщалъ. Я признаваю, что сіе суть токмо проводы, обѣщанія и паролю императорскаго не держится. Но почто сіе продолженіе? Подается токмо тѣмъ пріятелямъ омбражъ, а непріятелямъ случай всѣ свои способы къ помѣшательству употреблять. И во истину, когда непріятели о томъ радуются, то другіе весьма печалятся и не утѣшительны. И тако, которой партіи нынѣ хотятъ угодить, и отъ которой надѣются сентиментовъ сходнѣйшихъ? Никогда-бъ повѣрить не можно, чтобъ коронація и Петровъ день напрасно минулись безъ деклараціи. Во истинно, общій интересъ въ томъ такъ претерпѣваетъ, что словами оное изобразить не можно и экспрессіи на то нѣтъ. Многими продолжающимися выкрутками можно того къ паденію привесть, котораго обѣщано поднять...»

О томъ же писалъ и графъ Велингъ въ мѣстечко Поль къ Бассевичу или къ Бонде (2); словомъ, вся голштинская партія была огорчена и оскорблена тѣми долгими «выкрутками», изъ-за которыхъ не объявлялось до сихъ поръ обрученіе герцога. Письма Цедергіельма и Велинга были доставлены Монсу кѣмъ-то изъ близкихъ герцога, вѣроятно графомъ Бонде, и безъ сомнѣнія для докладу государынѣ. Монсъ, какъ можно думать, не переставалъ хлопотать по этому дѣлу, государыня подъ его вліяніемъ продолжала являть свое рас-

---

(1) Медви. Іюля 21 и іюля 24 дня 1724 г., современные переводы писемъ Цедергіельма.

(2) Мѣстечко Поль за Нарвою принадлежало Бассевичу, главнѣйшему совѣтнику герцога; въ іюнѣ 1724 г. здѣсь была свадьба графа Бонде.

положеніе къ герцогу, но государь попрежнему уклонялся отъ декларацiи. Явно, что она еще не входила въ его политическіе расчеты. Но вдругъ исканія герцога увѣнчались успѣхомъ; причиной того былъ возникшій въ ноябрѣ *розыскъ*.

IX

РОЗЫСКЪ

(1724)

5-ое ноября 1724 г. было роковымъ днемъ для Виллима Ивановича. Въ этотъ день объявился давнишній доносъ Ершова. Какъ это случилось, кто былъ передоносчикомъ, изъ-за чего вновь возникло дѣло—эти интересные вопросы рѣшительно остаются загадками. Съ недоумѣніемъ останавливаешься предъ Поспѣловымъ, Ягужинскимъ, Макаровымъ, Меншиковымъ, Толстымъ, Анной Крамеръ: но нѣтъ, никто изъ нихъ не могъ сдѣлаться доносчикомъ на Монса, а слѣдовательно и на Екатерину. Почему этого не могло случиться, мы уже объясняли; и что они дѣйствительно не были виновниками розыска, это видно изъ наградъ и милостей, которыми ихъ осыпала Екатерина по восшествіи своемъ на престолъ (1). Быть-можетъ Ушаковъ? Дѣйствительно онъ не былъ друженъ съ Монсомъ (2); ему и поручилъ Петръ чинить допросы, производить слѣдствіе, но все-таки и Ушакова нельзя заподозрить въ доносѣ: въ противномъ случаѣ онъ пострадалъ бы съ воцареньемъ Екатерины, чего, какъ извѣстно, не случилось. Словомъ, вѣрнѣе всего, что государь узналъ о извѣтѣ Ершова путемъ тайнаго, безыменнаго письма. Въ ноябрѣ принесено было одному изъ его лакеевъ Ширяеву будтобы съ по-

---

(1) Такъ *Поспѣловъ* сдѣланъ былъ въ мартѣ 1725 г. камеръ-юнкеромъ; *Ягужинскій* въ томъ же мѣсяцѣ до такой степени пользовался благоволеніемъ Екатерины, что однажды пьяный сильно забушевалъ въ ея комнатахъ и не подвергся за то немилости; *Макаровъ* изъ ея рукъ получилъ орденъ Андрея-первозваннаго, жена Ягужинскаго сдѣлана статсъ-дамой, о Меншиковѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ мы не говоримъ: извѣстно, что они были щедро награждены преемницей Петра. — Незабыта была и Анна Крамеръ, одна изъ довѣреннѣйшихъ служанокъ государыни и другъ Монса (она вела черезъ него переписку съ разными лицами). Екатерина пожаловала Крамеръ деревней, что̀ не могло бы имѣть мѣста, еслибъ справедливы были разсказы иноземцевъ о томъ, что Крамеръ была въ числѣ извѣтчицъ по дѣлу 1724 года.

(2) Такъ отъ Ушакова было только одно письмо къ Монсу, и то совершенно офиціальное.

чты письмо. Въ чемъ оно состояло, куда исчезло — неизвѣстно (1); но что оно было и относилось къ дѣлу Монсу, это видно изъ описи сего дѣла 1727 г. Въ ней рукою Черкасова между прочимъ помѣчено: «Пакетъ, а на немъ подписано: письмо подметное, принесенное въ пакетѣ къ Ширяеву въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1724 г; вмѣсто котораго указалъ его императорское величество положить въ тотъ пакетъ бѣлой бумаги столько же и сожжено на площади явно. А сіе письмо указано беречь; а кресты на ономъ ставлены рукою его же императорскаго величества, блаженной и вѣчно достойной памяти.» Итакъ какъ ни свѣдалъ Петръ о доносѣ Ершова, но 5 ноября, по его повелѣнію, взятъ былъ въ тайную Иванъ Суворовъ.

Суворовъ, по выслушаніи доноса, показалъ, что Ершовъ дѣйствительно у него ночевалъ, говорилъ онъ съ нимъ про Егора Столѣтова, про то, что письма Монса сушили безъ опаски, что къ камергеру приходила его сестра съ сыномъ съ слезнымъ моленіемъ отбросить Егорку; «говорилъ мнѣ о всемъ этомъ Балакиревъ, — разсказывалъ Суворовъ — тотъ самый Балакиревъ, что живетъ у Монса. А словъ, что написалъ Ершовъ: когда-де сушили письма Монса, тогда унесъ Столѣтовъ изъ тѣхъ писемъ одно сильненькое, что и рта разинуть боятся, и что-то хорошенькое письмо отдалъ Егоръ Макарову, а Макаровъ Поспѣлову — и (ничего этого) *я не говорилъ;* чтоже до того, говорилъ я Смирнову: Столѣтовъ-де Монса поддѣлъ или поддѣнетъ на арканъ, — того подлинно не упомню, и въ чемъ, того незнаю, только (говорилъ) примѣняясь къ словамъ Балакирева, что Егора не любятъ.»

На очной ставкѣ струсившій Суворовъ и доносчикъ Ершовъ — каждый стояли на своемъ.

Кажется государь еще не предугадывалъ, какое развитіе получитъ это дѣло; едвали онъ не смотрѣлъ на него какъ на обыденное слѣдо-

---

(1) Ширяевъ былъ однимъ изъ весьма неважныхъ дворцовыхъ слугъ. Въ первыхъ числахъ ноября 1724 г. къ нему явился незнакомецъ и вручилъ будтобы съ почты письмо на его имя. Податель немедленно удалился. Распечатавъ пакетъ, Ширяевъ нашолъ въ немъ другой на имя государя. Онъ доставилъ его по адресу. Весь этотъ маневръ со стороны неизвѣстнаго извѣтчика былъ употребленъ для того, что подметныя письма строго-настрого повелѣвалось жечь, нераспечатывая. Настоящій же способъ «подметыванія» правительствомъ не предвидѣлся и потому увѣнчался успѣхомъ: извѣтъ былъ принятъ къ свѣдѣнію и исполненію. Впрочемъ государь непреминулъ объявить указъ: «если къ кому впредь незнакомые люди станутъ приносить письма, то бы у нихъ просто оныхъ не принимали, но впустя его въ покой, хозяинъ распечаталъ для того, чтобъ ежели такое явится, онаго взять и привезть бы въ полицмейстерскую канцелярію. Сіе накрѣпко заповѣдуется подъ жестокимъ наказаніемъ и ссылкою въ работу.»

ваніе о противныхъ словахъ. Такъ покрайней-мѣрѣ можно думать, глядя на препровожденіе имъ времени. Въ тотъ день на свадьбѣ одного нѣмецкаго булочника онъ пробылъ три часа, пируя въ обществѣ своихъ деньщиковъ съ нѣмцами-ремесленниками; и все это время онъ былъ «необыкновенно веселъ». Самъ Монсъ, ничего непредчувствуя, хлопоталъ о составленіи патентовъ на камергерство, пожалованное ему при коронаціи: патенты ему и Балку были написаны, но имъ не суждено было украситься подписями государя (1).

Розыскъ продолжался. На другой день Суворовъ на новомъ допросѣ передалъ А. И. Ушакову извѣстный уже намъ разговоръ свой съ Балакиревымъ. Ершовъ объявилъ, что онъ слышалъ только то отъ Суворова, что показано въ доносѣ.

День 7 ноября прошолъ безъ допросовъ. Не въ этотъ ли день донесено было государю о важности начатаго по его указу розыска, не этотъ ли день таинственное лицо, которое вело интригу противъ Монса, употребило на то, чтобъ раскрыть глаза государю на странность власти и значенія камергера при ея величествѣ?

Къ сожалѣнію ни въ повседневномъ журналѣ того времени, ни въ извѣстномъ намъ рукописномъ календарѣ, гдѣ попадаются отмѣтки о препровожденіи времени государей, ни изъ записокъ наконецъ Берхгольца невидно, гдѣ былъ государь и чѣмъ былъ онъ занятъ въ этотъ день. Зато положительно извѣстны его занятія 8 ноября.

День былъ воскресный; государь отстоялъ обѣдню въ Троицкой церкви, что на Петербургской-сторонѣ, и оттуда прошолъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ одномъ изъ ея застѣнковъ Петра ожидали Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Иванъ Черкасовъ, помощникъ кабинетъ-секретаря Макарова: Черкасовъ призванъ былъ для записыванія показаній; тутъ же трепетали отъ страху Суворовъ, Столѣтовъ и шутъ Балакиревъ. Дѣло было не до смѣху и шутокъ. Отъ него потребовали отвѣта на показанія Суворова.

«Я говорилъ только — отвѣчалъ Балакиревъ, скрывая все что было *опаснаго* въ его болтовнѣ съ Суворовымъ — я говорилъ только, что живу я у Монса въ милости, но всегда на посылкахъ, безъ покою; награжденія-жъ не имѣю. А про Столѣтова говорилъ только, что онъ ищетъ въ Монсѣ и чаетъ у него быть въ кредитѣ, и нынѣ письма всѣ у него на рукахъ. Такія слова, что монсова фамилія, вся пришедъ къ нему Монсу, со слезами просила, чтобъ онъ Егора отъ себя бросилъ и проч. (см. выше) я Суворову сказывалъ; говорилъ же ему и про отвѣтъ Столѣтова: что-де они мнѣ сдѣлаютъ?

---

(1) Такъ они сохранились до нашего времени. Они заканчиваются слѣдующими словами: «Данъ в санктпитерзбурхе лѣта 1724, ноября въ день.»

Они-де сами (т. е. Монсъ и Балки) прежде меня пропадутъ; про висѣлицу упоминалъ ли или нѣтъ, того не помню.»

Затѣмъ Балакиревъ на всѣ показанія Суворова и записку неизвѣстнаго о разговорѣ съ Константиновымъ отвѣчалъ или отрицаніемъ, или увѣреніями, что не помнитъ, или наконецъ смягчалъ фразы: такъ по поводу разговора своего съ Константиновымъ, отчего Монсъ не женится, Балакиревъ такъ *смягчилъ* на допросѣ: «сказывалъ я просто: слышалъ я отъ Монса: начто-де мнѣ жениться, у меня-де ихъ много, лишь бы охота была.»

Дали очную ставку. Суворовъ стоялъ на своемъ; Балакиревъ запирался. Его величество велѣлъ вздернуть придворнаго шута на дыбу. Шутъ, повиснувши на вывороченыхъ рукахъ, повинился, «токмо силы письма», привезеннаго имъ (въ апрѣлѣ 1724 г.) изъ села Преображенскаго въ Покровское къ Монсу, не сказалъ, а вмѣсто того началъ было называть лица, съ кого его патронъ бралъ взятки. Назвалъ Якова Павлова, который за презентъ Монсу сдѣланъ былъ учителемъ царевны Натальи, жену Люпса; назвалъ купца Мейера, князей Меншикова и Алексѣя Долгорукова, подарившихъ Монсу лошадей, «а о прочихъ — объявилъ допрашиваемый — надлежитъ подробно написать». (1)

Спросили Столѣтова. «Вѣдалъ я — сказалъ Егоръ, запершись во всемъ, что показалъ на него Балакиревъ — вѣдалъ я только, что фамилія монсова ко мнѣ недоброхотлива; а Монсу на меня наговаривали. И говорилъ я, вѣдая все это: что они мнѣ сдѣлаютъ? я ихъ не боюсь! А быть-можетъ я и говорилъ, вѣдая ихъ недоброхотство, что сами прежде меня пропадутъ, а *причины* къ тому не знаю.» Очная ставка съ Балакиревымъ не раскрыла *причины*.

Откровеннѣе былъ Суворовъ. Онъ сообщилъ и то, о чемъ его и не спрашивали. Такъ онъ пересказалъ разговоръ свой съ Мишкой, слугой Поспѣлова.

Всего этого было довольно. Петръ отправился за объясненіями къ Поспѣлову. Что тамъ было, неизвѣстно; нѣсколько времени спустя государь возвратился въ зимній дворецъ. Казалось онъ былъ довольно спокоенъ, покрайней-мѣрѣ въ немъ ничего не замѣтили придворные, весело балагурившіе у Екатерины. Государь сѣлъ съ ними ужинать; Монсъ былъ въ ударѣ и «долго имѣлъ честь разговаривать съ императоромъ, неподозрѣвая и тѣни какой-нибудь немилости». «Минуту спустя (послѣ ужина) — такъ разсказываетъ

(1) Весьма вѣроятно, что самъ государь остановилъ дальнѣйшія показанія Балакирева до новаго допроса, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Петру хотѣлось знать не о взяткахъ Монса, а о предметѣ болѣе интересномъ.

саксонскій посолъ Лефортъ (1) — государь велѣлъ Монсу посмотрѣть на часы. — «Десятый часъ», сказалъ камергеръ.

— «Ну, время разойтись!» и съ этимъ словомъ Петръ отправился въ свою комнату.

Придворные разъѣхались; Монсъ, придя домой, раздѣлся и закурилъ трубку. Вдругъ въ комнату вошолъ Ушаковъ. Страшный инквизиторъ объявилъ фавориту, что съ этой минуты онъ арестантъ; взялъ у него шпагу, ключи, запечаталъ бумаги и отвезъ несчастнаго къ себѣ на квартиру. Здѣсь ждалъ ихъ самъ императоръ. «А! и ты тутъ!» сказалъ онъ, окидывая Монса презрительнымъ взглядомъ. Съ рѣдкимъ для себя самообладаніемъ государь удержалъ порывъ гнѣва, не сталъ и допрашивать. Онъ оставилъ Монса на всю ночь терзаться мученіями страха и угрызеній совѣсти, если та несовсѣмъ заглохла въ красавцѣ-камергерѣ. Въ туже ночь арестованы были Столѣтовъ и Павловъ; обоихъ заперли въ лѣтнемъ дворцѣ. (2)

Вѣсть объ арестѣ Монса какъ громомъ поразила сотни сановниковъ и сановицъ петербургскаго общества; Матрена Ивановна, до которой дѣло слишкомъ близко касалось, до такой степени испугалась, что слегла въ постель и была въ совершенномъ отчаяніи; ея семейство и всѣ пріятели, всѣ имѣвшіе извѣстнаго рода дѣла съ Монсомъ, были въ смущеніи: всѣмъ памятны были розыски Петра надъ царевичемъ Алексѣемъ и его сторонниками, слѣдствіе и судъ надъ Гагаринымъ, надъ нѣсколькими важнѣйшими изъ оберъ и провинціялъ-фискаловъ, надъ важнымъ Шафировымъ; всѣмъ были памятны, что въ каждомъ изъ этихъ розысковъ немногое осталось неподмѣченымъ, и почти никто изъ лицъ маломальски прикосновенныхъ къ дѣлу не остался безъ строгой отвѣтственности. Такъ и теперь: никто еще не зналъ, какъ взглянетъ Петръ на взятки Монса? не взмахнетъ ли онъ мечемъ правосудія и по тѣмъ головамъ, которыя, склоняясь предъ фаворитомъ, подкупали его на разныя несправедливости и происки?

Опасенія ихъ были напрасны: Петръ уже былъ не тотъ, что прежде. Эта желѣзная натура сдѣлалась какъ-то мягче, такъ что открытіе главной вины Монса глубоко его поразило; ударъ былъ такъ силенъ, что государь на всѣ остальныя вины арестанта взгля-

---

(1) Geschichte des russischen Staats, von Dr. *Ernst Herrmann*. Hamburg, 1849 г. ч. IV. стр. 441—443. Разказъ германскаго историка о «казни Монса» основывается на извѣстіяхъ графа Рабутина и камергера Лефорта; первый былъ вѣнскимъ посломъ, второй — саксонскимъ при дворѣ Петра I.

(2) Зданіе у Лѣтняго сада, на набережной Фонтанки и Невы.

нулъ какъ-то слегка, только какъ на офиціальный предлогъ къ его осужденію; преслѣдовать же дававшихъ взятки, входившихъ въ постыдныя сдѣлки съ фаворитомъ, это значило протягивать дѣло, откладывать казнь, словомъ — болѣе и болѣе растравлять свое сердце присутствіемъ ненавистнаго соперника.

Петръ рѣшился стереть его съ лица земли, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Въ понедѣльникъ, 9 ноября, въ канцелярію кабинета внесли ворохи всевозможныхъ бумагъ Виллима Монса; пришолъ государь; ввели по его ордеру, арестанта. Камергеръ не вынесъ взора Петра: въ этомъ взорѣ было столько гнѣва, жажды мести и въ тоже время глубочайшаго презрѣнія, что Монсъ не выдержалъ, затрясся и упалъ въ обморокъ. Ему открыли кровь, государь велѣлъ его увезти назадъ подъ караулъ и дать ему время оправиться, а между тѣмъ съ жадностью принялся за пересмотръ его бумагъ. Надо думать, что при этомъ пересмотрѣ были и пособники, такъ что предъ государемъ скоро поднялась большая куча «противныхъ» документовъ, которые потомъ и переплелись въ особую книгу; затѣмъ остальныя бумаги остались въ двухъ громаднѣйшихъ связкахъ.

Книга и связки передъ нами; содержаніе первой особенно разнообразно; были ли подобраны сюда бумаги петровскими помощниками по суду, вплетены ли онѣ въ общій корешокъ гораздо позже такъ, случайно, — какъ бы то нибыло, но сюда вошли бумаги всевозможныхъ родовъ. Такъ здѣсь находятся челобитья о разныхъ дѣлахъ съ предложеніями презентовъ отъ Хитрово, Люпсовой жены, Льва Измайлова, кн. Алексѣя Долгорукова, документъ о передачѣ въ владѣніе Монса деревни царевны Прасковьи, письма и выписочки о дѣлахъ Отяева, Малевинскаго, архимандрита Писарева, Петра Салтыкова, Камынина, ростовскаго архіерея Дашкова и многія другія бумаги, касающіяся важнѣйшихъ взятокъ Монса. Тутъ же вплетена и нѣмецкая кореспонденція Монса съ матерью, съ сестрами, съ друзьями изъ нѣмецкой слободы, его стихи, письма «амурныя», гадальная книжка, памятные листки о перстняхъ, о травахъ: вообще содержаніе отобраныхъ «противнѣйшихъ» документовъ было, какъ я уже сказалъ, весьма разнообразно (1). Нѣко-

(1) Изъ бумагъ на нѣмецкомъ языкѣ здѣсь находится около 30 писемъ, записокъ, стиховъ и разныхъ «амурныхъ» цидулокъ Виллима *Монса;* нѣкоторыя изъ нихъ, какъ извѣстно, писаны на русскомъ языкѣ, но нѣмецкими буквами. Тутъ же вплетены 26 писемъ *Модесты Монсъ,* 23 письма Матрены *Балкъ,* 10 пис. Петра *Балка,* 5 пис. Анны фонъ *Кейзерлингъ* (урожд. Монсъ), гадательная книжка и листки изъ записной тетради *Монса;* затѣмъ есть по нѣскольку писемъ: *Брейтигама,* Бориціуса *Ванденбурга,* художника *Видекинда* (1 п.), *Витвера, Гер-*

торые изъ документовъ — таковы всѣ *любовныя* записки Монса, письма той же матеріи къ нему отъ Петра Балка, Матрены Ивановны, или Функа и Бретингама, а также и письма голштинцевъ, относящихся до исканій герцога, — всѣ эти бумаги были по волѣ Петра немедленно переведены на русскій языкъ. Государь, по невполнѣ ясному разумѣнію нѣмецкой грамоты, боялся проглядѣть какого-нибудь слова, мало-мальски разъясняющаго дѣло. Было ли найдено письмо *сильненькое* «съ рецептомъ о составѣ питья, ни про кого другого, что ни про хозяина» — неизвѣстно.

Невидно по дошедшимъ до насъ бумагамъ, имѣлъ ли Петръ объясненіе съ Екатериной; иностранцы разумѣется живописуютъ по этому поводу цѣлыя сцены, расказываютъ какъ государь въ припадкѣ гнѣва раздробилъ громадное венеціанское зеркало, какъ грозилъ онъ при этомъ супругѣ, что онъ такъ же въ дребезги разобьетъ и ея существованіе, какъ фельдмаршалъ Рѣпнинъ своимъ заступничествомъ спасъ Екатерину и проч. и проч. Подобными романическими подробностями намъ бы весьма легко было оживить нашъ расказъ, но мы не хотимъ отступать отъ подлинныхъ документовъ, и тамъ гдѣ молчатъ они, смолчимъ и мы. Это будетъ лучше, нежели повторять росказни иностранныхъ писателей, бравшихъ многіе факты изъ области собственной фантазіи (1).

Понедѣльникъ, 9 ноября, проведенъ былъ знатью петербургскою крайне смутно. Громовая вѣсть объ арестѣ Монса передавалась шопотомъ, по секрету; въ маленькихъ покояхъ зимняго дворца (на этомъ мѣстѣ нынѣче казармы лейбъ-гвардіи преображенскаго полка) какъ тѣни сновали испуганные деньщики и перетрусившія фрейлины; императрица заперлась во внутреннихъ апартаментахъ, а въ канцеляріи «кабинета» въ ворохѣ захваченныхъ бумагъ нетерпѣливо рылся государь. Этотъ день казалось не могъ не потрясти его души; въ разгарѣ настоящаго событія Петръ вспомнилъ, что онъ

феля, Гольца, Дугласа *Ихамета*, фонъ *Кейзерлинга* (изъ Гарца, 1 п.), *Кожена, Лупса* съ женой, *Мекса, Клинга, Мормора, Фрике, Функа, Фитингофа-Шеля, Шульца* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Всѣ они либо родственники и пріятели Монса, либо купцы, ремесленники и вообще разныя лица, имѣвшія нужду въ Монсѣ. Наконецъ въ книгу вплетены, кромѣ русскихъ и нѣмецкихъ писемъ, рецепты лекарствъ, счеты, росписки, описи, приходорасходныя тетрадки и т. п. бумаги. Общее заглавіе книги: «Уголовная сокретная: разные черные отпуски писемъ къ Толстому, Румянцову, Монсу и другіе 1724 г.», листовъ 528.

(1) Въ настоящемъ эпизодѣ мы сдѣлали исключеніе только для Берхгольца и Лефорта; и тотъ и другой, какъ современники, писали то что сами видѣли или слышали отъ очевидцевъ. Затѣмъ нѣкоторые изъ расказовъ позднѣйшихъ писателей, во многомъ ошибочные, какъ напримѣръ Гельбига и другихъ, см. въ моей статьѣ «Наталья Лопухина» («Русск. Вѣстн.» 1860 г. № 17).

еще не сдѣлалъ никакого распоряженія насчетъ преемства престола, лучше сказать, что дѣти его еще «не пристроены», — и вотъ съ обычной ему энергіей, онъ въ нѣсколько часовъ рѣшается на то, что́ откладывалъ втеченіе четырехъ лѣтъ. Мы говоримъ о обрученіи его дочери Анны съ Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ голштинскимъ. Мы едвали ошибемся если скажемъ, что чтеніе переведенныхъ для него писемъ Цедергіельма, графа Велинга и графа Бонде ускорило его рѣшимость.

На другой день, во вторникъ, въ десять часовъ утра, къ герцогу, опечаленному арестомъ его сторонника Монса, неожиданно явился Остерманъ. Въ получасовой секретной аудіенціи съ его высочествомъ, Остерманъ именемъ императора объявилъ, что государь твердо рѣшился покончить дѣло герцога и что обрученіе должно совершиться въ катерининъ день. Назначенье для этой церемоніи дня ангела государыни — дѣло непонятное. Хотѣлъ ли государь сдѣлать удовольствіе супругѣ, давно уже желавшей этого брака, и въ такомъ случаѣ кажется нельзя сомнѣваться, что Екатерина имѣла съ мужемъ объясненіе и оно кончилось для нея какъ нельзя лучше; или же государь имѣлъ какіе-нибудь другіе виды? Вообще надо придти къ одному изъ слѣдующихъ заключеній: 1) Екатерина съ обычнымъ искуствомъ успѣла вновь возбудить любовь къ себѣ государя, сумѣла совершенно оправдаться; 2) Монсъ не показалъ ничего для нея опаснаго, прешолъ многое молчаніемъ, и жизнью запечатлѣлъ къ ней свою преданность, или же наконецъ 3) Петръ узналъ грустную тайну, до сихъ поръ извѣстную всѣмъ кромѣ его самого, но рѣшился не чинить страшнаго розыска надъ той, которой обязанъ былъ счастливыми днями своей жизни. Послѣднее заключенье, какъ оно ни противорѣчитъ мстительному, ничѣмъ не сдерживаемому характеру Петра, тѣмъ неменѣе кажется вѣрнѣе другихъ.

Въ тоже утро, какъ Остерманъ сообщалъ герцогу вожделѣнную вѣсть, Монсъ вновь приведенъ былъ къ государю. Допросъ произведенъ былъ среди величайшей тайны. На бумагу тайна не была передана; письменные допросы, отвѣты и отписки касались только взяточничества. Тѣ и другіе записаны Черкасовымъ. Вопросы очень коротки, дѣлались какбы нехотя, невполнѣ, какбы единственно только для соблюденія формы слѣдствія; отвѣты Монса многословны, безпорядочны: ему видимо было не легко вспоминать о множествѣ лицъ, его подкупавшихъ, и вспоминая ихъ одного за другимъ, важнаго за неважнымъ, онъ облекалъ получаемые имъ презенты въ форму дружескихъ подарковъ. Камергеръ незналъ, что лукавство ни къ чему не поведетъ, что необходимость его казни для Петра до та-

кой степени обозначилась, что даже не станутъ дополнять и провѣрять его отвѣты показаніями лицъ, его даривших.

«Скажи о челобитной Хитрово въ деревняхъ, — спрашивали Монса — о заемномъ письмѣ его тебѣ въ 500 рубляхъ, также о письмѣ Макарова къ графу Матвѣеву, съ требованіемъ прислать то дѣло въ кабинетъ?

— «Подавалъ ли самъ Хитрово свою челобитную ея величеству,— отвѣчалъ Монсъ, — или я у него принялъ, не помню; но Хитрово (дѣйствительно) просилъ у меня вспоможенія въ дѣлѣ съ Дашковымъ и обѣщалъ за то 500 рублей... (1) Изъ нихъ привезъ 200 въ зачетъ даннаго имъ мнѣ заемнаго письма, а по окончаніи дѣла обѣщалъ достальные 300 р. дать. Только я у него тѣхъ денегъ не требовалъ, а привезъ онъ ихъ своею волею съ прошеніемъ, чтобъ принять, и письмо заемное такимъ же образомъ далъ. Что до письма Макарова (по дѣлу Хитрово), того не помню; о дѣлѣ же самомъ нигдѣ не прашивалъ; только государыня-императрица изволила приказывать князю Ромодановскому о рѣшеніи того дѣла по указамъ государевымъ. А какъ дѣло изъ юстицъ-колегіи перешло къ князю Ивану Федоровичу (Ромодановскому), того незнаю.

«О Любсовой женѣ?

— «Какъ Любсова жена била челомъ о своемъ отпускѣ (заграницу) тогда я какъ ее, такъ и ее челобитье, по указу государыни, ея величеству представлялъ. Тогда Любша мнѣ ничего не дарила, только въ прошломъ году на мои имянины подарила: кусокъ кружевъ, потомъ еще два куска, да предъ отъѣздомъ своимъ 500 червонныхъ. Тогда-жъ къ имянинамъ прислалъ Мееръ вина (слѣдуетъ исчисленіе бутылокъ и бочекъ). Послалъ я къ нему въ нынѣшнемъ году роспись, и по той росписи прислалъ онъ мнѣ еще вина (слѣдуетъ исчисленіе). А больше того ни отъ Любши, ни отъ Мейера я ничего не бирывалъ.

«О письмахъ Льва Измайлова, что просилъ о указѣ въ вотчинную колегію объ отдачѣ деревень и обѣщалъ деньги?

— «Тѣ деревни за государыней императрицей; а чьи были, того не помню; только слышалъ отъ Кошелева, что послѣ которой-то царевны ея величеству достались. И о тѣхъ деревняхъ Петръ Измайловъ билъ челомъ ея величеству на Воронежѣ, понеже (незнаю почему) имъ тѣ деревни надлежатъ. Ея величество изволила обѣщать отдать половину деревень, и о той половинѣ Левъ Измайловъ

---

(1) Мы приводимъ отвѣты Монса съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ какъ сущность дѣлъ, по которымъ онъ бралъ взятки, изложена въ предыдущихъ главахъ.

за брата своего просилъ въ Москвѣ. Обѣщалъ (мнѣ) 1000 рублей; но ничего не давалъ, а я не бралъ, и нынѣ тѣ деревни не отданы.

«О псковскихъ деревняхъ царевны Прасковьи Ивановны?

— «Царевна отдавала мнѣ эти деревни, и я, польстясь на нихъ, взялъ у нея духовную, которою крѣпки были онѣ ей, царевнѣ, царицею Прасковьей Федоровной. Однако видя, что ихъ невозможно за собой укрѣпить, я говорилъ царевнѣ: «ими не жалуйте, понеже онѣ не могутъ быть мнѣ крѣпки, а подлогомъ крѣпить опасенъ.» Она на то сказала: «коли деревень не возьмешь, то я тебѣ оброкъ съ нихъ пришлю.» Я и отъ этого отрицался. А потомъ, по прошенію царевны, государыня изволила приказать оныя деревни, хотя она и о всѣхъ просила, въ вотчинной колегіи справить за ней царевной, ей же и отсылать съ нихъ оброкъ, что и учинено. 600 руб. оброку на прошлый годъ къ ней отослано, а она прислала ихъ ко мнѣ. Я принялъ. На сей годъ ничего не присылывала. Для отказу же тѣхъ деревень посылалъ надворнаго суда прокурора Тимофѣя Кутузова, для того, чтобъ о нихъ подлинную вѣдомость получить что они стоятъ: я намѣренъ былъ ихъ купить. Печатныя пошлины платилъ и отправлялъ для отказа изъ своихъ денегъ, и то чинилъ по указу Прасковьи Ивановны.»

«О деревняхъ Стельса, что перешли къ князю Алексѣю Долгорукову и противъ чего есть протестація Нестерова?

— «Я въ этомъ дѣлѣ никакого старанія не употреблялъ; а просилъ меня онъ же князь Алексѣй Долгоруковъ о справкѣ за нимъ, по указу, деревень отцовскихъ, чтобъ ему въ томъ споможеніе учинить. И по тому прошенію, говорилъ я Сухотину, президенту вотчинной колегіи, чтобъ по указу рѣшеніе въ дѣлѣ Долгорукова учинилъ. А понеже — Долгоруковъ мнѣ издавна другъ, то по дружбѣ подарилъ онъ мнѣ девять кобылъ вороныхъ на заводъ; а я ему отдалъ собаку во сто червонныхъ, что подарилъ мнѣ герцогъ голштинскій.»

«О письмѣ Корчмина, что имѣетъ дѣло съ сумскимъ полкомъ въ земляхъ?»

— «Письмо это далъ мнѣ Корчминъ для памяти того дѣла съ прошеніемъ: доложить о немъ ея величеству. Но я ничего по немъ не дѣлывалъ, понеже изслѣдовать о томъ велѣно полковнику Черныше̂ву.»

На общій вопросъ: что и отъ кого онъ получалъ? Монсъ отвѣчалъ слѣдующимъ, значительно имъ укороченнымъ спискомъ:

— «Какъ свободили Василья Юшкова изъ-за караула, тогда государыня послала меня съ вѣдомостью о томъ къ царицѣ Прасковьѣ Федоровнѣ. Царица дала мнѣ 1000 рублей, Юшковъ другую 1000

да сервизъ серебряный — въ іюлѣ 1724 года, съ прошеніемъ: содержать его въ протекціи у государыни императрицы.

«Бывшій архимандритъ троицкой Писаревъ просилъ доложить императрицѣ объ отдачѣ ему сундука (1); ея величество указала архіерею Феодосію отдать архимандриту сундукъ; архимандритъ далъ мнѣ (за это) 1000 рублей. Но потомъ, какъ эти деньги спросили въ синодъ, то я ихъ паки отдалъ. Кто же принесъ мнѣ грамотку отъ Писарева съ обѣщаніемъ дать мнѣ 1500 рублей, если я возвращу ему на это время 1000, того не помню, и нигдѣ никакого старанія о томъ не прилагалъ, и отдалъ тому Писареву первые 1000 рублей, больше ничего не бирывавъ. Интересовался ли въ этомъ дѣлѣ Макаровъ — незнаю, и отъ него о томъ дѣлѣ не слыхалъ.

Въ нынѣшнюю бытность мою въ Москвѣ крестьянинъ села Тонинскаго — Солениковъ просилъ меня, чтобъ его по торгамъ и по богатству въ посадъ не записывать; понеже онъ заводилъ игольный заводъ, купилъ къ нему деревню и въ магистратѣ подписался, что ничѣмъ не торговалъ. По указу государыни Солениковъ опредѣленъ въ стремянные конюхи и за то онъ подарилъ мнѣ 400 рублей.

«Яковъ Павловъ, какъ взятъ ко двору въ пажи, далъ мнѣ на именины часы. Я ихъ продалъ.

«Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ) прошлаго лѣта подарилъ лошадь съ уборомъ.

«Князь Василій Долгорукой далъ парчу на верхній кафтанъ.

«Александръ Нарышкинъ — двѣ кобылы на заводъ.

«Архимандритъ троицкой Гавріилъ меня ни о чемъ не прашивалъ и ничѣмъ не даривалъ.

«Малевинской просилъ меня по своему дѣлу, чтобъ доимки не править; но я по тому прошенію ничего не дѣлывалъ, ничего не бирывалъ, а что онъ обѣщалъ, того не помню.

«Отяевъ просилъ меня въ тяжбѣ его съ Волковымъ, говорилъ я о томъ Ягужинскому. По цидулкѣ своей, Отяевъ 100 червонныхъ не давывалъ, только по старой дружбѣ подарилъ онъ мнѣ двухъ собакъ, да съ ними охотника на время. А Павла Ивановича (Ягужинскаго) просилъ я о неоставленіи Отяева, рекемендуя его только добрымъ человѣкомъ.

«По меморіямъ о Брянчаниновѣ, Войновѣ, о Васильѣ Глѣбовѣ (2) ничего не дѣлывалъ и они мнѣ ничего не давали.

---

(1) Вѣроятно съ вещьми, опечатанными при его арестѣ, по извѣстному дѣлу. См. выше.

(2) Монсу представили при допросахъ связку болѣе подозрительныхъ къ нему просьбъ и записокъ, съ тѣмъ чтобы онъ объяснилъ ихъ значеніе.

«Петръ Салтыковъ просилъ о деревняхъ, взятыхъ у него ко дворцу. Но я ничего для него не производилъ; онъ меня не дарилъ, а дарилъ ли кого изъ моей фамиліи, того незнаю.

«О выморочныхъ деревняхъ Мартемьянова, по челобитной Камынина — нигдѣ не прашивалъ, колпакъ, да камзолъ тканый да 1000 рублей съ него не бирывалъ; взялъ только, хваля мастерство, кошелекъ работы ихъ домоваго ткача.

«За архіерея Дашкова никого не прашивалъ; двухъ же чалыхъ лошадей подарилъ онъ мнѣ безъ всякаго дѣла (1).

«О Яковѣ Павловѣ просилъ я государыню, чтобъ отпустилъ его отъ двора сержантомъ, но за это я ни съ отца Павлова, ни съ него и съ брата ничего не бирывалъ.

«Левъ Челищевъ подарилъ иноходца, чтобъ исходатайствовать ему чинъ и заслуженное жалованье.

«Денегъ моихъ лежачихъ, ни въ торгу, ни у кого нѣтъ, кромѣ того, что обрѣтается въ моемъ домѣ. Подписалъ: «De Monso.»

Спросили подтвержденія показаній только у одной царевны Прасковьи; потому ли, что взятка данная сею душами и крестьянскими животами была крупнѣе прочихъ, или по другимъ какимъ соображеніямъ, неизвѣстно. Смущенная царевна призвана была къ государю; въ его присутствіи она должна была вывести своимъ крайне дурнымъ почеркомъ слѣдующія слова:

«дала я Монцу деревну для тово што все в немъ искали што-бы добръ...»

На послѣднемъ словѣ государь остановилъ Прасковью: достаточно было для суда и трехъ словъ, остальное царевна могла дополнить устно; притомъ же Петру, въ его нетерпѣливомъ желаніи завершить дѣло возможно скорѣе, было вовсе не ло Прасковьи.

Привели между тѣмъ Балка. Его не мучили длинными вопросами; государь удовольствовался однимъ:

«Балакиревъ объявилъ, что вы всею фамиліею приходили къ Монсу и со слезами просили его, чтобы онъ Столѣтова отъ себя бросилъ; буде же не броситъ, то Столѣтовъ его укуситъ и Монсъ можетъ отъ него пропасть; а на тѣ слова Монсъ отвѣчалъ: висѣлицъ-то де много! Вы всею фамиліею къ нему приходили ли, такія слова говорили, отвѣтъ отъ него былъ ли и для чего вы ему тѣ слова говорили?»

---

(1) Понятно, что вѣрить Монсу никакъ нельзя: еслибы онъ ни отъ кого ничего не бралъ, а главное не усердствовалъ по дѣламъ дарителей, то число ихъ не возрастало бы годъ отъ году. А мы видѣли, что это было такъ: Монса стали задаривать съ 1719 года и это продолжалось въ прогресіи чуть не до дня его ареста.

— «Такія слова говорилъ я со всей фамиліей Монсу для того, что о Егорѣ сказывалъ адмиралъ, у котораго Егоръ прежде служилъ: «Егоръ-де бездѣльникъ, я имъ недоволенъ и хотѣлъ его сбить со двора». Такожъ Ягужинскій говорилъ Монсу: «брось Егора, онъ твоимъ именемъ много шалитъ, чего ты и не знаешь». А я съ фамиліей — продолжалъ Балкъ — за Столѣтовымъ никакой не видали шалости, а говорили такъ со словъ адмирала да Ягужинскаго; на что и отвѣтилъ намъ Монсъ: «ежели Егоръ какую пакость сдѣлаетъ, то висѣлицъ много!»

Монса увели; Балка отпустили. Государь, утомленный допросами, ушолъ обѣдать, послѣ стола по обыкновенью отдохнулъ и вечеромъ отправился на имянины къ капитану Гослеру. Пирушка длилась долго; государь — такъ свидѣтельствуетъ очевидецъ — «былъ очень веселъ».

А въ кружкахъ петербургскаго общества не смолкалъ говоръ о арестѣ и допросахъ Монса; старики говорили осторожно, молодые болтали смѣлѣе. Такъ 11 ноября сержантъ Апраксинъ разсказывалъ любопытному Берхгольцу:

— «Монсъ эти дни сидѣлъ подъ арестомъ въ своей комнатѣ, стерегутъ его часовые; теперь перевезли его въ зимній дворецъ, гдѣ засѣдаетъ верховный судъ (1); допросъ дѣлаютъ подъ большою тайной. Монсъ въ эти дни страшно измѣнился; съ нимъ отъ страху былъ ударъ; впрочемъ онъ стоитъ на томъ, что не знаетъ за собой никакой вины. Матрена Ивановна Балкъ отъ страху все еще очень больна и не встаетъ съ постели.»

Такъ разсказывали при дворѣ герцога голштинскаго; другія свѣдѣнія въ тотъ же день собралъ саксонскій посолъ Лефортъ: «Сегодня, во вторникъ — писалъ онъ къ своему двору — Монса опять приводили къ допросу. И онъ, какъ говорятъ, *тотчасъ во всемъ признался*, такъ что ненужно было употреблять пытку. Въ тотъ же день императрица просила у государя помилованія Монсу; ей отвѣчали просьбой разъ навсегда — не вмѣшиваться въ это дѣло. Впрочемъ та велѣла сказать генеральшѣ Балкъ: «не заботьтесь о своемъ братѣ, арестъ его не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій.»

Извѣстія Лефорта едвали не достовѣрнѣе: Монсъ вполнѣ повинился. Если показанія его на бумагѣ были несовсѣмъ чистосердечны, то мы вправѣ думать, что онъ былъ искреннѣе на словахъ. Иначе — рѣшительно непонятно, какъ онъ могъ избѣжать пытки? Если пытали по дѣламъ совершенно ничтожнымъ, то могли ли обой-

(1) Подъ этимъ названіемъ съ 1719 года была постоянная комиссія по разнымъ судебнымъ дѣламъ первой важности.

тись безъ истязаній въ дѣлѣ первой важности? Такимъ покрайней-мѣрѣ считали дѣло Монса. Но немудрено, что пытка на этотъ разъ оказалась дѣломъ лишнимъ: въ самомъ дѣлѣ, тотъ кто отъ единаго страху упалъ въ обморокъ, тотъ кто велъ жизнь среди роскоши и нѣги, могъ ли вынести мысль о томъ, чтобы перенести пытку? Понятно, что недождавшись ея, онъ принесъ полное сознаніе. Только имъ онъ могъ спасти какъ себя, такъ и придворныхъ служителей и служительницъ отъ кнута и жженія.

Между тѣмъ допросы продолжались. 11 ноября, въ среду, дошла очередь до Столѣтова; поданное имъ своеручное показаніе относилось до взятокъ Монса.

Такъ Столѣтовъ разсказалъ нѣкоторыя подробности относительно крупной взятки царевны Прасковьи. «Когда царицы Прасковьи Федоровны не стало, тогда ея дочь Прасковья Ивановна отдала Монсу духовную мамы своей, боярыни Бутурлиной; а въ той духовной мама била челомъ царевнѣ вотчиною своей селомъ Оршо съ деревнями въ пусторжевскомъ уѣздѣ. Виллимъ Монсъ объявилъ духовную мнѣ да секретарю вотчинной ея величества канцеляріи Арцыбушеву и требовалъ резону: какимъ образомъ по этой бумагѣ можно получить деревню? Я, разсмотря духовную, объявилъ: «надо молъ справиться, закрѣплена ли та деревня за Прасковьей Ивановной, и если еще за ней не справлена, то она васъ жалуетъ чужимъ; а узнать о справкѣ надо въ вотчинной колегіи». По моему объявленію, Монсъ докладывалъ государынѣ, и ея величество позволить высокоблагоизволила въ той колегіи справиться. Я справливался, и нашолъ, что вотчина нигдѣ и никакъ за царевной не справлена. Тогда это поручили сдѣлать Арцыбушеву, понеже весь того дѣла порядокъ чрезъ него обращался. А и я посыланъ былъ, по тому-жъ дѣлу, въ вотчинную колегію, съ указомъ императрицы, чтобъ (ежели надлежитъ), то за ея величествомъ ту вотчину справить. И вотчинная колегія о справкѣ чинила немедленно исправленіе.»

Изъ этого разказа видно, какъ домогался Виллимъ Ивановичъ подарка царевны Прасковьи; никакихъ слѣдовательно отказовъ съ его стороны и особенной навязчивости со стороны дарительницы не было и въ помині. Судя по этому, можно быть увѣреннымъ, что и остальныя показанія Монса по поводу его взятокъ неменѣе имъ смягчены и искажены.

Къ сожалѣнію о другихъ не много сказалъ его пособникъ Столѣтовъ. Назвавъ князей Алексѣя Григорьевича да Василія Лукича Долгорукихъ, секретарь объявилъ затѣмъ: «что принадлежитъ до взятокъ съ партикулярныхъ персонъ, ничего незнаю, понеже отъ всѣхъ дѣлъ таковыхъ, кромѣ партикулярныхъ ея величества, весьма

чуждъ отъ Монса учиненъ, по зависти и обнесенію ему на меня фамилія его, которая такъ его преогорчила на меня, какъ извѣстно, что онъ и висѣлицу обѣщалъ.»

Уклонившись такимъ образомъ отъ разъясненія продѣлокъ Монса, секретарь пояснилъ, что онъ принужденъ былъ искать своего въ должности опредѣленія. «А опредѣленія сего — писалъ Столѣтовъ, — и донынѣ у него не сыскалъ. Взялъ меня Монсъ въ свою команлу (1), обѣщалъ всякое благополучіе, вмѣсто котораго и весьма неравнаго обрѣлъ себѣ таковое заключеніе, отъ котораго принужденъ всякой въ моей жизни надежды лишиться, токмо имѣю на великодушное его величества милостивое разсмотрѣніе надежду; и для того, въ чемъ я собственно виновенъ, приношу мое чистѣйшее покаяніе.»

Въ порывѣ покаянія Столѣтовъ представилъ небольшой списокъ своихъ «винностей», всего только три: 1) Принялъ я отъ служителей государыни, двухъ Грузинцовыхъ, двѣ лошади съ тѣмъ, «чтобы современемъ въ приключившихся нуждахъ ихъ, по возможности своей, помогать; что я и чинилъ по совѣсти, безъ утраты антересу ея величества.» 2) Князь Алексѣй Долгоруковъ благодарилъ меня за старанія по его дѣлу объ отцовскомъ наслѣдствѣ (то дѣло и донынѣ за нимъ несправлено для нѣкоторой претензіи одного изъ его братьевъ); прислалъ онъ мнѣ на камзолъ парчи золотной, бахраму и сукно, да потомъ подарилъ жеребчика; а принялъ я все то невмѣняя во взятки, но въ благодѣяніе и пріязнь, для того что услуги мои были ни по его прошенію, «но по указу ея величества.» Да 3) царевна Прасковья Ивановна за объявленное мое стараніе (въ дѣлѣ о передачѣ вотчины Монсу) пожаловала мнѣ 320 рублей въ разное время, съ тѣмъ: «чтобы я приводилъ Монса, а онъ бы государыню, чтобъ ее царевну, содержать въ милости своей изволила и домашнее бы имъ опредѣленіе учинила. Въ вышеписанномъ во всемъ — заключалъ исповѣдь Столѣтовъ — прошу у его величества великодушнаго разсмотрѣнія и милостиваго помилованія.»

Помилованія небыло. 12-ое ноября проведено было судьями, какъ кажется, въ окончательной переборкѣ захваченныхъ бумагъ, быть-можетъ и въ допросахъ, но онѣ либо не дошли до насъ, либо вовсе небыли записаны. Монсъ продолжалъ содержаться подъ карауломъ, по однимъ извѣстіямъ въ домѣ Ушакова, по другимъ — переведенъ былъ въ свой собственный домъ; Столѣтовъ и Балакиревъ (послѣдній послѣ прогулки въ крѣпость) все еще заперты были въ пустомъ

(1) Предъ поступленіемъ къ Монсу Столѣтовъ жилъ у царицы Марфы Матвѣевны, урожденной Апраксиной.

лѣтнемъ дворцѣ (тамъ еще недавно можно было видѣть темную коморку съ рѣшотчатымъ оконцемъ въ дверяхъ). Въ пятницу, 13 числа, рано по утру страшный вѣстникъ несчастія Ушаковъ предсталъ предъ Матреной Ивановной, измученной страхомъ и надеждой. Генеральша волею-неволею должна была подняться съ постели; ее увезли въ домъ инквизитора и — такъ говорили въ городѣ — заперли въ той самой комнатѣ, гдѣ сидѣлъ нѣсколько дней ея братъ. Множество человѣкъ оцѣпляло зданіе, видъ котораго невольно внушалъ страхъ и трепетъ въ жителяхъ Петербурга. Вслѣдъ за Матреной Ивановной арестовали и ея сына, придворнаго щеголя и красавца Петра Федоровича Балка. Ему пока объявленъ былъ арестъ въ своемъ домѣ или въ домѣ матери. Вообще нельзя не подивиться той необычной *деликатности*, если можно такъ выразиться, которую явилъ государь въ настоящемъ случаѣ. Арестаціи были невелики, дѣлали ихъ «безъ великаго поспѣшенія»; взятыхъ подъ арестъ не влекли въ крѣпостные казаматы; ноги взятыхъ персонъ, искусившіяся въ асамблейныхъ танцахъ, не ставили въ ремень, нѣжныя ручки не ввертывали въ хомутъ, кнутъ не бороздилъ ихъ спины. Словомъ, государь или стыдился являть жестокость по дѣлу слишкомъ близкому его сердцу, или же Екатерина, по народному выраженію, «своимъ волшебнымъ кореньемъ» продолжала и въ эти страшныя минуты «обводить», т. е. смягчать, ублажать государя.

Въ чемъ состоялъ устный допросъ Матренѣ Ивановнѣ со стороны государя, мы не знаемъ; то-же, что было записано съ ея словъ, отличается необыкновеннымъ лаконизмомъ. По всему видно, въ такой «объявившейся за ея семействомъ матеріи», каковы взятки, ей не позволили много распространяться. Перепуганная до-нельзя, Матрена Ивановна втеченіе двухъ дней 13 и 14 ноября вспоминала и диктовала Черкасову имена своихъ дарителей. Въ этомъ спискѣ были лица всѣхъ состояній, званій и обоего пола. Представляемъ имена ихъ въ нѣкоторой постепенности.

«Брала я взятки — винилась Матрена Ивановна — съ:

Служителей *Грузинцовыхъ* 100 рублей, съ тѣмъ чтобъ говорить Монсу о разсмотрѣніи ихъ дѣла.

Купецкой человѣкъ *Красносельцовъ* далъ 400 рублей за заступленіе въ дѣлѣ князя Василія Долгорукова, назадъ тому лѣтъ десять (вѣрнѣе въ 1718 г.).

Купчина *Юринской*, бывшій съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косяка камки и китайскій атласъ.

Купецъ иноземецъ *Мееръ* 300 червонныхъ.

Капитанъ *Альбрехтъ* долгу своего на мнѣ уступилъ 120 рублей.

Сынъ игуменьи, князь Василій *Ржевскій* закладныя мои серьги

въ 100 рубляхъ отдалъ безденежно, въ то время, какъ имѣлъ дѣло съ княземъ Хованскимъ.

Посолъ въ Китаѣ *Левъ Измайловъ* по пріѣздѣ оттуда, подарилъ три косяка камки да 10 фунтовъ чая.

Петръ *Салтыковъ* — старый недорогой возокъ.

Астраханскій губернаторъ *Волынскій* — полпуда кофе.

Великій канцлеръ графъ *Головкинъ* — двадцать возовъ сѣна.

Князь Юрій *Гагаринъ* — четыре серебряныхъ фляши.

Князь Ѳедоръ *Долгоруковъ* — полпуда кофе.

Князь Алексѣй *Долгоруковъ* далъ, по моему прошенію, старую коляску да шестерикъ недорогихъ лошадей.

Свѣтлѣйшій князь *Меншиковъ* на имянины подарилъ мнѣ маленькій перстень алмазный, а потомъ 50 четвертей муки.

Его высочество герцогъ *Голштинскій* — два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ и ленту.»

Неменѣе обильна была жатва генеральши съ прекраснаго пола. Ей презентовали:

«Купчиха *Любсъ* — парчу на кафтанъ, штофу шолковаго на самаръ.

Баронеса *Строганова* — балберекy 30 аршинъ.

Баронеса *Шафирова*, жена бывшаго вице-канцлера, — штофъ шолковый.

Княгиня *Черкасская* — атласъ китайскій.

Княгиня *Долгорукова* (жена посла Василья Лукича) — опахало.

Княгиня Анна *Долгорукова* — запасу разнаго.

Княгиня Анна Ивановна *Голицына* — тоже.

Княгиня *Меншикова* на имянины ленту, шитую золотомъ.

Царевна *Прасковья Ивановна* — 400 или 500 рублей, того не помню, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила (въ бытность при Екатеринѣ Ивановнѣ гофмейстериной); отъ нея-жъ кусокъ полотна варандорфскаго и запасы съѣстные въ разное время; запасы тѣ за то, чтобъ просила о ея домовомъ раздѣлѣ съ сестрами.

Царевна *Анна Ивановна*, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

Царица *Прасковья Ѳедоровна* подарила 200 червонныхъ за убытки мои въ Мекленбургѣ.

Да нынѣ (1724 годъ), — каялась Балкша — въ Москвѣ, изъ многихъ господскихъ домовъ присылывали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запасу домоваго, а сколько и когда, не помню.»

Чтобъ помочь ослабѣвшей памяти сестры и брата, обратились— къ гласности!

Въ туже пятницу, 13 ноября, по полудни кортежъ солдатъ, имѣя

во главѣ нѣсколькихъ барабанщиковъ и одного чиновника, прошолъ по улицамъ и площадямъ столицы. На барабанный бой сбѣжался народъ; ему велегласно объявили, что такъ-какъ камергеръ Монсъ и сестра его Балкъ брали взятки и за то арестованы, то каждый кто что-нибудь знаетъ объ этомъ или кому доводилось давать имъ, то тотъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, долженъ непремѣнно заявить о себѣ. Такія же извѣщенія прибили на стѣнахъ.

«Послѣ такихъ публикацій, — въ тотъ же день заговорили въ публикѣ, — послѣ такого объявленія дѣло арестантовъ приметъ весьма опасный оборотъ. Говорятъ, что они во многомъ уличены изъ собственныхъ ихъ писемъ.»

Уликъ дѣйствительно оказалось такъ много, что арестантовъ безъ дальнѣйшаго слѣдованія предали *«вышнему суду»*. Непремѣннымъ результатомъ его засѣданій (этого желалъ государь, того же требовали его указы) должна была быть.

X

КАЗНЬ КАМЕРГЕРА МОНСА

(1724)

Утромъ въ субботу, 14 ноября, члены суда съѣхались въ зимній дворецъ. Пока не привели еще подсудимыхъ, я назову вамъ имена грозныхъ судей; всѣхъ ихъ девять человѣкъ: Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, Иванъ Бахметевъ, Александръ Бредихинъ, графъ Яковъ Брюсъ, Семенъ Блеклый, Иванъ Головинъ, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, и нашъ старый знакомый, Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Желаете вы познакомиться съ ними поближе? Заглянуть въ ихъ прошлое, узнать значеніе каждаго изъ нихъ при Петрѣ, ихъ характеры, — все это для того, чтобъ вѣрнѣе могли бы вы обсудить тѣ мнѣнія, которыя услышите въ засѣданіи? Если таково ваше желаніе, то мы не возьмемся его выполнить. Не потому, чтобы это было не по нашимъ силамъ, — нѣтъ, со всѣми этими лицами мы неразъ встрѣчались въ нашихъ очеркахъ петровскаго времени, мы ихъ знаемъ близко, но здѣсь рисовать ихъ портреты было бы совершенно напрасно.

Мнѣній, толковъ, споровъ, разсужденій мы не услышимъ со стороны вышняго суда. Да не для нихъ онъ и созванъ. Дѣло вышняго суда было слѣпое выполненіе указовъ. Вотъ все что имъ требовалось.

Чтеніе и засѣданіе заключилось общимъ опредѣленіемъ: «выписать указы его императорскаго величества, по которымъ тѣ дѣла судить, и съѣхаться всѣмъ для того завтрешняго, то есть 15 числа сего мѣсяца, въ 5 часу по полуночи.»

Въ то время какъ въ одной изъ низкихъ, темныхъ палатъ тогдашняго зимняго дворца идетъ чтеніе «секретно-уголовнаго» дѣла, по улицамъ вновь трещитъ барабанный бой, вновь вызываются доносчики на взяточничество Монса, Балкши и всей ихъ фамиліи. Отнынѣ никто не сомнѣвался, что дѣло кончится плохо. Въ «публикѣ» говорили, что объявилось много лицъ, дававшихъ Монсу подарки.

Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно кто именно являлся? И являлись ли тѣ бароны и баронесы, князья и княгини, которыхъ такъ безцеремонно окрестилъ указъ 13 ноября *плутами?*

Едвали кто-нибудь изъ нихъ дерзнулъ «не объявиться» такимъ плутомъ, послѣ двукратнаго, всенароднаго вызова. Каждый и каждая, сколь *плутоваты* ни были, а не могли расчитывать, что сумѣютъ вывернуться въ случаѣ запирательства отъ монаршаго гнѣва. . . . . .

Ноябрьская ночь покрывала еще своимъ чернымъ пологомъ Питеръ-бурхъ. Сквозь закрытыя ставни деревянныхъ домиковъ рѣдко-рѣдко гдѣ начиналъ брежжить свѣтъ свѣчи или лампадки; подъ навѣсами гостиныхъ дворовъ да за запертыми воротами лаяли псы. Городъ только-что просыпался, а вышніе судьи спѣшили уже во дворецъ.

Расторопный Черкасовъ еще наканунѣ подыскалъ приличные дѣлу указы и составилъ по нимъ приговоръ. Подойдемъ поближе, и прочитавъ его вслѣдъ за судьями, раскажемъ вкратцѣ содержаніе.

Судьи, какъ видно изъ этого документа, признали за Монсомъ «слѣдующія преступленія въ его должности: 1) взялъ онъ у царевны Прасковьи Ивановны село Оршу съ деревнями; справилъ ихъ сначала за царевной, а потомъ одну деревню перевелъ въ вѣдѣніе вотчинной ея величества канцеляріи; оброкъ съ той деревни бралъ себѣ. 2) Для отказу той деревни посылалъ онъ бывшаго прокурора воронежскаго надворнаго суда — Кутузова, безъ сенатскаго разрѣшенія. А по указу 5 февраля 1722 года, безъ повелѣнія сената дворяне ни къ какимъ гражданскимъ дѣламъ не должны быть опредѣляемы; а если къ какому дѣлу опредѣляется дворянинъ, то онъ на то дѣло долженъ имѣть письменный указъ. Кромѣ того Кутузовъ судился по нѣкоторому дѣлу въ московскомъ надворномъ судѣ и обязанъ былъ подпиской никуда ни выѣзжать; Монсъ на то не по-

смотрѣлъ и именемъ государыни императрицы послалъ въ Москву указъ: Кутузова по тому дѣлу не истязывать и отлучку его въ вину не ставить. 3) Взялъ онъ, Монсъ, четыреста рублей съ посадскаго человѣка Соленикова, и сдѣлалъ его за то стремяннымъ конюхомъ ея величества; по указу же 13 апрѣля 1722 г. велѣно всѣхъ выходцевъ изъ посадскихъ выслать въ посады, за которыми ихъ и записать.»

Вотъ три преступленія, которыя, по изслѣдованію вышняго суда, объявились за Монсомъ. Первое изъ нихъ подтверждено было собственноручнымъ показаніемъ царевны Прасковьи, второе сознаніемъ Монса, третье — свидѣтельствомъ Столѣтова. Судьи не тратили время на розысканіе о множествѣ остальныхъ статей камергерскаго взяточничества; первыхъ трехъ, было достаточно для законности приговора и онъ завершился небольшой выпиской изъ законовъ. Прочтемъ и ее:

«Вышеписанныя преступленія учинилъ Монсъ въ своей должности; понеже онъ надъ всѣми вотчинами ея величества и надъ всѣмъ управленіемъ командиромъ былъ. А въ указѣ е. и. в., 25 октября 1723 года, написано: кто въ какомъ ни есть дѣлѣ, ему повѣренному, и въ чемъ его должность есть, а онъ то неправдою дѣлать будетъ, по какой страсти, вѣдѣніемъ и волею, такого, яко нарушителя государственныхъ правъ и своей должности, казнить смертію натуральною или политическою, по важности дѣла и всего имѣнія лишить.» На основаніи слѣдующей затѣмъ выписки изъ генеральнаго регламента (гл. 50): взяточникъ за великія посулы долженъ быть казненъ смертью или сосланъ вѣчно на галеры съ вырѣзкой ноздрей и отнятіемъ имѣнія.

«А такъ какъ Монсъ — заключалъ судъ — по дѣлу явился во многихъ взяткахъ и вступалъ за оныя въ дѣла, непринадлежащія ему, и за вышеписанныя его вины (мы) согласно приговорили: учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь, а имѣнье его, движимое и недвижимое взять на его императорское величество. Однако нижеподписавшихся приговоръ предается въ милостивое разсужденіе его императорскаго величества. Подписали:

«Иванъ Бахметевъ, Александръ Бредихинъ, Семенъ Блеклой, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, Андрей Ушаковъ, Иванъ Головинъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Иванъ Бутурлинъ, графъ Яковъ Брюсъ.»

Петръ на полѣ доклада начерталъ: *учинит по приговору.*

Достойно замѣчанія, что подобныхъ конфирмацій немного у Петра; я хочу сказать, что многочисленныя обреченія на плаху либо висѣлицу въ его время обыкновенно объявлялись: по словес-

ному указу его величества кѣмъ-нибудь изъ птенцовъ: Ушаковымъ, Толстымъ и другими лицами. Но здѣсь дѣло было близко сердцу; съ одной стороны являлось желаніе личнаго удовлетворенія за свое оскорбленіе, съ другой — хотѣлось прикрыть непохвальное чувство соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Первое однако рѣшительно выбивалось изъ законной формы; такъ напримѣръ боясь замедлить исполненіе приговора, государь не сталъ дожидаться ни опредѣленія, ни доклада суда о сознникахъ ненавистнаго ему камергера; онъ въ тоже воскресенье, 15 ноября, написалъ:

«*Матрену Балкшу* — бить кнутомъ и сослать въ Тобольскъ.

«*Столѣтова* — бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ на десять лѣтъ.

«*Балакирева* бить батогами и въ Рогервикъ на три года.

«Пажа *Соловова* — въ судѣ высѣчь батогами и написать въ солдаты.

«*Павловыхъ* — въ солдаты безъ наказанья.

«Послать указъ въ военную колегію: *Петра Балкова* — капитаномъ, а брата его (*пажа Балка*) урядникомъ въ гилянскіе новонаборные полки» (1).

Въ этомъ спискѣ мы находимъ четырехъ лицъ, которыхъ даже не допрашивали; покрайней-мѣрѣ допросы ихъ не были записаны. это младшій Балкъ, Яковъ да Никита Павловы и пажъ Григорій Сололовъ. Что первый невинный двѣнадцатилѣтній мальчикъ обреченъ былъ въ ссылку, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ то страшное время, если туча государевой опалы разражалась надъ семьей, то громъ и молнія разили, за немногимъ исключеніемъ, членовъ фамилій винныхъ и невинныхъ; что касается до Павловыхъ, то ихъ безъ сомнѣнія ссылали за посулы Монсу, а главное за буйство и драки, о которыхъ мы знаемъ изъ предыдущихъ главъ, а государь могъ узнать при пересмотрѣ бумагъ Виллима. Но за что высѣченъ мальчикъ, пажъ Сололово — неизвѣстно... (2) Но некогда теряться въ догадкахъ. Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, проводивши вышнихъ

(1) Въ словарѣ Бантыша-Каменскаго имена Балковъ спутаны: старшій названъ Павломъ, младшій Петромъ. (Изд. 1836 г. т. I. с. 82.) Вообще эти братья смѣшаны и у Гельбига, и въ нашей статьѣ «Н. Ф. Лопухина», составленной по печатнымъ источникамъ.

(2) Сололовъ Григорій стоялъ первымъ между пажами Екатерины. Такъ въ «реестрѣ пажамъ», какъ кажется 1724 года, мы читаемъ: «Григорій Сололовъ»; отмѣчено: «въ Москвѣ». Далѣе: Петръ Сумароковъ, Андреянъ Шуваловъ, Григорій Самаринъ, Иванъ Кологривовъ, Иванъ Самаринъ, Левъ Кайсаровъ. Федоръ Ватковской, Иванъ Ватковской, Дмитрій Кочетовъ, Петръ Кошелевъ, Петръ Шуваловъ. Итого 12 человѣкъ.

судей, пишетъ указъ въ полицмейстерскую канцелярію для «публикованія заблаговременнаго».

И вотъ, еслибы мы могли пройтись въ тотъ день, мы бы прочитали на стѣнахъ домовъ слѣдующую публикацію:

«1724 года, ноября въ 15 день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго объявляется во всенародное вѣдѣніе: завтра, то-есть 16 числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на Троицкой площади экзекуція бывшему камергеру Виллиму Монсу, да сестрѣ его Балкшѣ, подъячему Егору Столѣтову, камеръ-лакею Ивану Балакиреву — за ихъ плутовство такое: что Монсъ, и сестра его, и Егоръ Столѣтовъ, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали *винныхъ плутовъ* отъ обличенія винъ ихъ, и брали зато великія взятки; и Балакиревъ *въ томъ* (?) Монсу и протчимъ служилъ. А подлинное описаніе винъ ихъ будетъ объявлено при экзекуціи.»

Балакиревъ никѣмъ и не былъ обличенъ во взяткахъ; онъ былъ виноватъ въ другомъ: въ переносѣ да въ болтовнѣ о сильненькомъ письмѣ; предать это гласности нашли неудобнымъ, и вмѣсто того ему *присочинили* вину.

Одновременно съ извѣстіемъ о предстоящей экзекуціи, арестантовъ перевели въ крѣпость. Утромъ отведены были Балкша, Столѣтовъ и Балакиревъ; послѣ обѣда отправили изъ кабинета Монса. Когда проводили его по дворцовому двору, онъ увидѣлъ у оконъ великихъ княжонъ. Камергеръ раскланялся съ ними и благодарилъ за оказанныя ему милости. Монса посадили въ одинъ изъ домовъ, бывшихъ внутри крѣпости, едвали не въ тотъ самый, въ которомъ скончался Алексѣй. Въ тотъ же день въ городѣ говорили, что самъ государь былъ у Монса. «Ich bedauere es sehr — сказалъ ему Петръ — dich zu verlieren, aber es kann nun einmal nicht anders sein» (мнѣ очень жаль тебя лишиться, но иначе быть не можетъ).

Было уже темно, когда въ комнату заключеннаго вошолъ тотъ, кто бесѣдою во имя милосердаго Христа долженъ былъ усладить послѣднія минуты несчастнаго: этотъ утѣшитель былъ пасторъ Нацціусъ.

Послѣ христіанскаго напутствія въ жизнь загробную (1) Монсъ остался одинъ. Кругомъ царствовала тишина; лишь изрѣдка къ аре-

---

(1) Напутствіе изъ устъ Нацціуса едвали было хорошо понято Монсомъ: пасторъ имѣлъ чрезвычайно непріятный, дурной выговоръ; онъ ктому-жъ говорилъ такътихо, что даже трудно было разслышать его и понять.

станту доносились окликн часовыхъ да бой крѣпостныхъ курантовъ...

Многое Теперь, въ предсмертную ночь, среди тяжкаго раздумья о прошломъ, могло придти ему въ голову. Между тѣмъ надежда на прощеніе весьма естественно не оставляла его. «Неужели премилосердая Екатерина — могъ думать Монсъ — покинетъ меня, нѣкогда ея фаворита?.. Но поддастся ли государь ея мольбамъ? Строгость и твердость его извѣстна. Нѣтъ, видно смерти не избыть!..» И въ думахъ о ней несчастный прощался съ жизнью, съ свѣтомъ:

. . . . . .
. . . . . .
Welt, ade! ich bin dein müde,
Ich will nach dem Himmel zu.
Da wird sein der rechte Friede
Und die stolzste Seele Ruh.
Welt! bei dir ist Krieg und Streit,
Nichts denn lauter Eitelkeit;
In dem Himmel alle Zeit
Friede, Ruh und Seeligkeit!.. (¹)

Оставимъ Монса одного съ его думами, стихами, его надеждами и отчаяніемъ.

Между тѣмъ по ту стороны Невы, близь Лѣтняго сада, въ домѣ занимаемомъ герцогомъ голштинскимъ, царствуетъ довольство, веселье. Герцогъ, услажденный вѣстью о предстоящемъ обрученіи, весь исполненъ счастья; его ужь поздравили сановники русскіе, до сихъ поръ задушевные его пріятели только на перепойкахъ; теперь и въ трезвыя минуты сдѣлались они привѣтливѣй, любезнѣй. Герцогъ занятъ расчетами о подаркахъ для невѣсты, увлеченъ мечтами о своемъ значеніи, о тѣхъ средствахъ и томъ могуществѣ, которое получитъ съ русской царевной. Одно только непріятно ему, мечта его двоится: онъ незнаетъ еще которую изъ великихъ княжонъ выдастъ за него Петръ — старшую или младшую? Въ грезахъ то о той, то о другой засыпаетъ герцогъ... Туманилась ли радость голштинскаго гостя мыслью о Монсѣ, главнѣйшемъ виновникѣ его счастія (²)? Сомнительно: дѣло вѣдь обычное, что тѣ, кому

(¹) «Свѣтъ, прощай! Ты мнѣ наскучилъ. Я стремлюсь на небо, туда, гдѣ истинная отрада, гдѣ гордая душа моя успокоится. Свѣтъ! на тебѣ лишь вражда и ссора, пустая суета, а тамъ, тамъ — отрада, покой и блаженство!» (Стихи Монса: см. Прилож. III, № 4.)

(²) Мы хотимъ сказать, что дѣло Монса ускорило рѣшеніе государя выдать дочь за Карла-Фридриха.

улыбнулось счастье, забываютъ тѣхъ, отъ которыхъ отвернулась фортуна. Не печалился даже и Берхгольцъ; счастливый счастіемъ своего господина, онъ только *дивился* внезапности катастрофы, поразившей его бывшаго пріятеля:

«...Извѣстіе о казни Монса — записалъ Берхгольцъ вечеромъ 15 ноября 1724 года — на всѣхъ насъ произвело сильное впечатлѣніе: мы никакъ не воображали, что развязка послѣдуетъ такъ быстро и будетъ столь опаснаго свойства. Молодой Апраксинъ говорилъ (сегодня) за вѣрное, что Монсу на слѣдующій день отрубятъ голову, а госпожу Балкъ накажутъ кнутомъ и сошлютъ въ Сибирь.»

Въ понедѣльникъ 16 ноября, рано утромъ на Троицкой площади, предъ зданіемъ сената [1] все было готово къ казни. Среди сбѣжавшагося народа подымался высокій эшафотъ; на немъ лежала плаха да ходилъ палачъ съ топоромъ въ рукахъ: мастеръ ждалъ своей жертвы. У помоста торчалъ высокій шестъ: онъ ждалъ шапки, т. е. головы красавца-камергера. Тутъ же можно было видѣть другого заплечнаго мастера съ кнутомъ, да молодцовъ выхваченыхъ изъ сѣраго народа: они должны были замѣнить, по обычаю того времени, полставки; на спины ихъ вскидывали осужденныхъ на кнутобойню [2].

Въ 10 часовъ утра конвой солдатъ показался изъ-подъ «Петровскихъ» воротъ крѣпости; за нимъ слѣдовалъ Монсъ, исхудалый, измученный, если не физическою болью, то нравственными страданіями. Камергеръ былъ въ нагольномъ тулупѣ, шолъ въ сопровожденіи пастора и повидимому былъ довольно твердъ.

Если вѣрить нѣмцу Берхгольцу (а на этотъ разъ въ расказѣ о казни единоземца онъ могъ пожалуй и подкрасить расказъ), то Монсъ при выходѣ еще изъ тюрьмы явилъ замѣчательную твердость. Онъ совершенно спокойно простился со всѣми окружающими. При этомъ очень многіе, въ особенности же близкіе его знакомые и слуги, горько плакали, хотя и старались, сколько возможно, удерживаться отъ слезъ [3].

---

[1] На томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда повѣшенъ былъ Гагаринъ.

[2] Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуетъ извѣстный путешественникъ Аббатъ Шапъ, посѣтившій Россію въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка. Можно догадываться, что этотъ обычай существовалъ и при Петрѣ, хотя есть также свидѣтельства, что преступниковъ для наказанія кнутомъ привязывали къ столбамъ.

[3] Къ сожалѣнію, мы незнаемъ, были ли здѣсь тѣ изъ «задушевныхъ друзей

На эшафотѣ прочитали тотъ длинный приговоръ, съ содержаніемъ котораго мы уже знакомы. Выслушавъ его, Монсъ поблагодарилъ читавшаго, простился съ пасторомъ, отдалъ ему на память золотые часы съ портретомъ Екатерины, самъ раздѣлся, попросилъ палача какъ можно поскорѣй приступать къ дѣлу и легъ на плаху. Палачъ исполнилъ просьбу... Нѣсколько минутъ спустя голова красавца мертвыми очами смотрѣла съ шеста на народъ; кровь сочилась изъ-подъ нея и засыхала на шестѣ.

У братниная трупа генеральша, бывшая гофмейстерина и статсъ-дама выслушала слѣдующее:

«Матрена Балкова! Понеже ты вступала въ дѣла, которыя дѣлала черезъ брата своего Виллима Монса при дворѣ его императорскаго величества, (дѣла) непристойныя ему, и зато брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество: бить тебя кнутомъ и сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье.»

Проводамъ въ ссылку предшествовало пять ударовъ кнутомъ по обнажонной спинѣ.

«Егоръ! провозгласилъ подъячій тайной канцеляріи, обращаясь къ Столѣтову: — понеже черезъ лачу (т. е. взятку) добился (ты) къ Виллиму Монсу въ подъячіе съ намѣреніемъ дѣлать при дворѣ его императорскаго величества дѣла, противныя указамъ его императорскаго величества изъ взятковъ, что такъ и учинилъ, въ чемъ и обличенъ. И за оное твое плутовство указалъ его императорское величество бить тебя кнутомъ и сослать въ Рогервикъ въ работу на десять лѣтъ.»

Пятнадцать ударовъ.

«Иванъ Балакиревъ! продолжалъ чтецъ, обращаясь къ камеръ-лакею: — понеже ты, отбывая отъ службы и отъ инженернаго, по указу его величества, ученія, принялъ на себя шутовство и чрезъ то Виллимомъ Монсомъ добился ко двору его императорскаго величества; и въ ту бытность при дворѣ во взяткахъ служилъ Виллиму Монсу и Егору Столѣтову, чего было тебѣ, по должности твоей, чинить не надлежало. И за ту твою вину указалъ его величество высѣчь тебя батоги и послать въ Рогервикъ на три года.»

Дано шестьдесятъ палокъ.

Были ли наказаны тѣ, которые «дачею взятокъ» втягивали фамилію Монса и его слугъ въ дѣла «непристойныя»? На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно; наканунѣ камергерской казни за архимандритомъ троицкимъ Писаревымъ посланъ былъ гвардей-

и сердечныхъ братцевъ», которые такъ еще недавно расточали Монсу льстивыя завѣренія въ нѣжныхъ къ нему чувствахъ?

скій солдатъ; архимандрита требовали къ отвѣту въ синодъ; точно также подвергнули допросу Кутузова; затѣмъ остальнымъ «дачникамъ» взятокъ государь устроилъ казнь, дѣлавшую честь и его уму, и его времени. Допросы, пытки, заточеніе и тѣлесное штрафованіе относительно всѣхъ ихъ замѣнены были характеристическимъ распоряженіемъ:

На особыхъ столбахъ, близь эшафота, въ тотъ же день прибили «росписи взяткамъ». Безъ сомнѣнія, была прибита роспись взяткамъ Монса, но до насъ дошли только Балкши и Столѣтова. Объявленія эти были въ слѣдующей формѣ:

Роспись взяткамъ Матрены Балкши:

1. Съ Еремѣя Меера — 300 червонныхъ.

2. Съ Любсовой жены — парчу на кафтанъ, да штофъ шолковый на самаръ.

3. Съ Льва Измайлова — три косяка камки да 10 ф. чаю.

4. Съ царевны Прасковьи Ивановны — 500 рублей, да кусокъ полотна варандарфскаго, да всякіе столовые запасы.

5. Съ князя Алексѣя Долгорукова — 6 лошадей, да коляску.

6. Съ Петра Салтыкова — возокъ.

7. Съ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) — перстень золотой, муки 50 четвертей, да съ княгини его ленту, шитую золотомъ и т. д.

Всѣхъ нумеровъ въ росписи двадцать-три. Здѣсь на публичный позоръ, вполнѣ заслужоный, были выставлены между прочими лицами имена князей и княгинь: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, Гагарина, графа Головкина, баронесы Шафировой, Артемія Волынскаго и другихъ лицъ менѣе важныхъ.

Этихъ менѣе важныхъ лицъ больше значилось въ «росписи взяткамъ Егора Столѣтова». Но и здѣсь, въ перечнѣ четырнадцати именъ подъячихъ, управляющихъ, приказчиковъ, купцовъ, чиновниковъ, выставлены были на общій съ ними позоръ князья: Алексѣй Долгорукій и Щербатовъ-глухой, да царевна Прасковья Ивановна, столь неудачно расщедрившаяся на всѣхъ, кто только имѣлъ значеніе при Монсѣ.

Что было сильнѣе противъ взятокъ: плеть, кнутъ, топоръ да каторга, или преданіе гласности именъ взяточниковъ и ихъ дарителей? Въ глазахъ Петра необходимо было и то и другое средство; и въ настоящемъ случаѣ, если всѣ эти князья и княгини отдѣлались одной оглаской, то это случилось вовсе не потому, чтобы Петръ находилъ излишнимъ приструнить ихъ допросами и истязаніями (въ случаяхъ запирательства): нѣтъ, а просто потому, что ему въ настоящее время былъ недосугъ, да и истомилась его душа. Петръ видимо изнемогъ подъ бременемъ заботъ, сильной болѣзни и душе-

внаго огорченія; ему было уже не по силамъ затѣять новый большой розыскъ, притомъ на этотъ разъ не надъ сторонниками сына, а надъ своими собственными лукавыми и корыстными птенцами.

Какъ бы интересно было подслушать толки и пересуды, возникшіе 16 ноября въ тогдашней *публикѣ* и въ простомъ *народѣ* надъ теплымъ еще трупомъ Монса? Въ этихъ пересудахъ вѣроятно выразилось бы многое для характеристики того времени... Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ матерьяловъ, мы должны ограничиться тѣмъ, что́ думали и писали о Монсѣ и его дѣлѣ нѣмцы-современники и нѣмцы позднѣйшаго времени (1).

«Монсу прочитаны были — пишетъ Берхгольцъ — только *нѣкоторые* пункты его вины... Вообще — продолжаетъ голштинскій камеръ-юнкеръ — многія лица знатнаго, средняго и низшаго классовъ сердечно сожалѣютъ о добромъ Монсѣ, хоть далеко не всѣ осмѣливаются показывать это. Вотъ ужь на комъ какъ нельзя болѣе оправдывается пословица, что кто высоко стоитъ, тотъ и ближе къ паденію! По характеру своему Монсъ хоть и не былъ большимъ человѣкомъ, однакожъ пользовался немалымъ почетомъ и много значилъ; имѣлъ конечно, подобно другимъ, и свои недостатки; можетъ-быть ужь слишкомъ надѣялся на милость, которую ему оказывали; но со всѣмъ тѣмъ онъ многимъ дѣлалъ добро, и навѣрно никакъ не воображалъ, что покончитъ такъ скоро и такъ плачевно.»

Берхгольцъ, какъ пріятель, наконецъ единоземецъ Монса, не могъ иначе и отозваться о немъ. Отзывъ его пристрастенъ. Монсъ положительно не могъ вызвать *сердечныхъ сожалѣній многихъ* лицъ, а тѣмъ болѣе изъ *всѣхъ* сословій. Такъ напримѣръ подъ *низшимъ* классомъ общества едвали можно разумѣть кого-нибудь кромѣ нѣсколькихъ дворцовыхъ лакеевъ, имѣвшихъ въ Монсѣ ходатая по ихъ челобитьямъ; подъ среднимъ классомъ можно ли разумѣть кого-нибудь кромѣ подрядчиковъ, приказчиковъ, управляющихъ, обкрадывавшихъ императрицу и Монсомъ закрывавшихся отъ преслѣдованія? Жалѣли наконецъ *птенцы*, но жалѣли разумѣется до тѣхъ поръ, пока не нашли другого «патрона», новаго «милостивца» къ ихъ сутяжничеству, воровству, честолюбивымъ и властолюбивымъ происканъ.

Пристрастный, хотя и осторожный отзывъ Берхгольца въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ раздутъ Гельбигомъ въ выспрен-

---

(1) Французскихъ баснословцевъ Левека, Леклерка, Вильбоа, Шантеро и даже Вольтера (онъ въ своей исторіи Петра могъ бы сказать правду, такъ какъ имѣлъ много матерьяловъ, но не сказалъ) мы оставляемъ въ сторонѣ.

нія похвалы. Издатель «Russische Günstlinge» такъ же умилился предъ *благороднымъ* характеромъ Монса, какъ восторгался нравственностью его сестры Анны Ивановны (1).

Спокойно и безстрастно разсказалъ дѣло Монса только одинъ нѣмецъ, новѣйшій историкъ Россіи — Германъ.

«Въ ноябрѣ 1724 года — говоритъ онъ въ разсказѣ о царствованіи Петра — государь этотъ испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Довѣреннѣйшими и приближеннѣйшими особами его супруги были: первый ея камергеръ Монсъ и его сестра, *вдова* генерала Балка. Монсъ пріобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Екатерины, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ исходатайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ наконецъ о взяточничествѣ Монса. Монсъ и его фамилія были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ — продолжаетъ Германъ — изъ донесенія австрійскаго посла, графа Рабутина, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Монса и его слишкомъ услужливой сестры; преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе» и проч. (2)

И наказанія вполнѣ заслуженныя постигли преступниковъ. Петръ былъ неумолимъ. Матрену Ивановну, по истеченіи шести дней, только-что оправившуюся отъ страха и боли, отправили въ Тобольскъ. Ее конвоировали сержантъ съ двумя солдатами. Оба сына ея высланы въ Гилянь — одинъ капитаномъ, другой унтеръ-офицеромъ; пажи Соловово и оба Павловы, первый послѣ сѣченія розгами, послѣдніе *безъ наказанія*, опредѣлены рядовыми въ преображенскій полкъ. Долѣе другихъ задержали въ крѣпости Балакирева и Столѣтова. Послѣдній, четыре дня спустя послѣ казни своего патрона, представилъ (вѣроятно по требованію) новое добавочное показаніе о взяткахъ Монса. Въ этомъ запоздаломъ обличеніи Столѣтовъ сообщилъ о яхонтѣ въ 15,000 рублей: подарилъ его Монсу Левъ Измайловъ «съ такимъ договоромъ, чтобъ исходатайствовать ему за подарокъ чинъ и деревню».

Какъ ни интересны были подобные разсказы, но тайная канце-

---

(1) Отзывы Гельбига, введшія и насъ въ заблужденіе до знакомства съ подлинными документами, приведены въ статьѣ: «Наталья Федоровна Лопухина», стр. 20—22. Тутъ же смотр. извѣстіе Гельбига о сохраненіи головы Монса въ спиртѣ до временъ Екатерины II. Пока это курьозное извѣстіе не подтвердится свидѣтельствомъ современныхъ документовъ, до тѣхъ поръ оно едвали заслуживаетъ вниманія.

(2) Geschichte des russischen Staats, von Dr. Ernst Herrmann. Hamburg, 1849 T. IV, отд. V, стр. 441.

лярія не стала требовать новыхъ подробностей, и въ декабрѣ того же года Столѣтовъ съ Балакиревымъ отправлены въ Рогервикъ въ каторгу (1).

Тѣло Монса съ недѣлю лежало на эшафотѣ, а когда помостъ стали ломать, трупъ взволокли догнивать на особо устроенное колесо.

Между тѣмъ дворъ оживился офиціальными празднествами по случаю обрученія герцога съ цесаревной. 22 ноября подписанъ былъ свадебный контрактъ; только въ этотъ день женихъ достовѣрно узналъ, что изъ двухъ княжонъ ему *достанется* старшая. Полный восторга Карлъ на другой же день устроилъ серенаду подъ окнами государыни и невѣсты. Екатерина милостиво пригласила его въ покои, попла изъ собственныхъ ручекъ виномъ, а государь ласково звалъ къ домашнему столу обѣдать.

Въ катерининъ день совершено было обрученье (2). 7 декабря Петръ Андреевичъ Толстой въ собственномъ домѣ на Петербургской-сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, давалъ торжественный обѣдъ. На немъ была императрица съ дочерьми, придворными дамами и кавалерами, былъ разумѣется и герой празднества — герцогъ съ своей свитой. Не было только государя, потомучто онъ еще наканунѣ обѣдалъ у Толстого. Впромъ заправлялъ Ягужинскій. «По глазамъ императрицы — отмѣтилъ Берхгольцъ — видно было, съ какимъ удовольствіемъ она смотрѣла на дружбу и любовь обоихъ высокихъ обрученныхъ.»

Удовольствіе не могло не омрачиться другимъ зрѣлищемъ: на обратномъ пути изъ дома Толстого, Екатерина, Анна, Елисавета, Карлъ, а за ними и вся свита, проѣзжали мимо колеса, съ котораго виднѣлся трупъ, одѣтый снѣгомъ; съ шеста угрюмо смотрѣла на пышный поѣздъ голова Монса. (3)

---

(1) Рогервикъ — гавань въ семи верстахъ отъ Ревеля. Въ послѣдніе годы царствованія Петра здѣсь шли большія фортификаціонныя работы.

(2) «...И былъ въ этотъ день фейерверкъ: на планѣ изображена была Венусъ на колесницѣ, которую везли лебеди съ поднесеніемъ счастливаго согласія. И сидѣли въ палатѣ, въ зало, до двѣнадцатаго часу при ихъ величествахъ и ихъ высочествахъ всѣ господа, гдѣ была изрядна музыка, и танцовали.» Отмѣтка въ «Календарѣ» на 1724 годъ, хран. при каб. дѣл. Петра.

(3) Очень жаль, что неизвѣстно сохранился ли гдѣ-нибудь портретъ Монса? Что онъ былъ, это видно изъ письма старухи-Монсъ: «любезное дитя, — писала она къ нему въ 1716 году: — ты меня чрезвычайно обрадовалъ присылкой твоего

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло Монса, какъ мы уже говорили, ускорило рѣшимость Петра выдать дочь за герцога. Но говоря словами Цедеркрейца: кромѣ «возстановленія своего кредита», не имѣлъ ли при этомъ государь другой, болѣе важной цѣли? Неужели онъ обрекалъ любимую старшую дочь на незавидную судьбу быть герцогиней небольшого клочка Германіи? Не имѣлъ ли онъ въ виду завѣщать ей Россію? Не съ этой ли цѣлью началъ онъ было писать завѣщаніе, изъ котораго сохранилось нѣсколько строкъ? Строки эти какъ видно, прямо относились къ Аннѣ Петровнѣ:

«1) Вѣру і законъ, въ ней же радилася, сохрани до конца неотмѣнно.

«2) Народъ свой не забуди, но въ любви і почтеніі імѣй паче протчихъ.

«3) Мужа люби и почитай, яко Главу, і слушай во всемъ, кромѣ вышеписаннаго»... (1)

Намѣренью государя (если только оно было) завѣщать императорскую корону не женѣ, а старшей дочери, не суждено было осуществиться (2): этому воспрепятствовало событіе, которое и составитъ предметъ главы:

XI

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА

(1725)

Государь сталъ недомогать задолго еще до смерти. Въ письмахъ его къ Екатеринѣ довольно часто встрѣчаются извѣстія о его болѣзняхъ. То онъ страдаетъ «чечюемъ», то завалами или разстройствомъ желудка, отсутствіемъ апетита, то припадаетъ съ нимъ «рѣст», вообще ему «мало можется». Въ январѣ 1716 года, убѣждая

портрета; я повѣсила его надъ своей кроватью и бесѣдую съ нимъ, проливая горькія слезы. Посылаю тебѣ въ обмѣнъ свой портретъ на память.» Въ описи вещей старухи, заготовленной ею предъ смертью, значится: «портретъ сына моего.»

(1) Собств. зап. Петра. Каб. дѣл., кн. LXIV, л. I.

(2) Правда, во второй статьѣ трактата о супружествѣ герцога мы читаемъ: «царевна, равно какъ и герцогъ, отказываются за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону россійской имперіи.» Но изъ этого пункта вовсе нельзя выводить заключенія, чтобы Петръ не имѣлъ намѣренія завѣщать Аннѣ корону: онъ только лишалъ ихъ права *притязать*, и за собой оставилъ произволъ *завѣщать*.

сына или «нелицемѣрно удостоить себя наслѣдникомъ», или быть монахомъ, государь прямо говорилъ: «безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо что *нынѣ мало здоровъ сталъ*». По совѣту врачей Петръ прибѣгалъ къ пособію минеральныхъ водъ, пользовался ими и заграницей, пивалъ воды и у себя, въ Олонцѣ, да въ девяноста верстахъ за Москвой «на заводахъ», но вообще мало берегся. Сытныя яства, иль «Ивашка Хмѣльницкій» съ батареями хмѣльныхъ напитковъ сокрушали его твердость. Воздержаніе было не въ его характерѣ; да при его кипучей дѣятельности, при его порывистой, страстной натурѣ, ищущей широкаго разгула, трудно было и совладать съ требованіями діэты и регулярной жизни. Въ 1722 году, во время персидскаго похода, у него открылись первые симптомы той болѣзни, которая низвела его въ могилу (1). Съ этого времени недуги государя участились, и въ 1724 году мы особенно часто находимъ его на лекарствѣ, одного, въ теплой комнатѣ, подъ запретомъ выходить на воздухъ. Трудно было Петру выносить несносный докторскій арестъ: его такъ и тянуло обойти свое хозяйство, полазить по верфи, испробовать ходъ того или другого изъ вновь выстроенныхъ судовъ, либо махнуть куда-нибудь на свадьбу, отвести душу на асамблеѣ. И вотъ, лишь только чувствовалъ онъ себя легче, тотчасъ запреты забыты, съ крѣпостныхъ верковъ петербургской «бастиліи» раздавались выстрѣлы — сигналъ, что государю легче и онъ разрѣшилъ себѣ кататься по рѣкѣ. Слѣдствіемъ же преждевременныхъ прогулокъ и кутежей было возобновленіе недуга.

Возобновленія дѣлались чаще и чаще; лѣто и осень 1724 года государь очень страдалъ; волею-неволею онъ не разставался съ лекарствами, но помощь отъ нихъ была небольшая. Извѣстный случай съ нимъ осенью того же года на Лахтѣ имѣлъ слѣдствіемъ сильнѣйшую простуду. До декабря недугъ его то утихалъ, то снова увеличивался. Кажется не будетъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы скажемъ, что дѣло Монса, глубоко оскорбивъ государя, сильно потрясло его организмъ; а тутъ въ день крещенія новая сильнѣйшая простуда — и государь окончательно слегъ въ постель.

---

(1) *Рихтеръ* въ сочиненіи: «Исторія медицины въ Россіи», М. 1820, т. III, стр. 84—94, опровергаетъ разныя свидѣтельства о томъ, будтобы Петръ умеръ — по однимъ отъ яду, принятаго имъ въ молодости, по другимъ отъ каменной болѣзни, по третьимъ отъ сифилиса, отъ чирья въ мочевомъ пузырѣ и т. д. По мнѣнію Рихтера, основанному на свидѣтельствѣ извѣстнаго Штелина (авторитетъ далеко не надежный), государь умеръ отъ затрудненія мочи, которое обратилось въ воспалительное задержаніе и наконецъ въ мѣстное разстройство мочевого пузыря. Антоновъ огонь ускорилъ смерть.

Такимъ образомъ смерть сразила его не въ одинъ ударъ. Она подкрадывалась къ этому колоссу исподволь, въ видѣ разныхъ болѣзней. Народъ это видѣлъ и въ лицѣ своихъ «вѣдуновъ» еще въ началѣ 1719 года предвѣщалъ скорую кончину.

Такъ однажды въ весенній день 1719 года, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, вверхъ по Невѣ, на кирпичныхъ заводахъ, въ кабачкѣ угощалось нѣсколько человѣкъ: тутъ были служителя великой княжны Натальи и пѣвчіе князя Меньшикова. «Здравствуй государь-царь Петръ Алексѣевичъ!» вскрикнулъ цѣловальникъ, осушая стопу пива.

— Здравствовалъ бы свѣтлѣйшій князь, раздался голосъ одного изъ присутствовавшихъ, — а государю недолго жить!..

Или вотъ зайдемте напримѣръ въ вольный домъ (т. е. въ трактиръ) на Выборгскую-сторону, въ приходѣ Самсонія-странноприимца. 15 января 1723 года мы застали бы здѣсь веселую «вечерину» у хозяина заведенія, шведскаго полоненника Вилькина. Множество гостей, угощаемые хозяиномъ, услаждались пѣніемъ и игрой на гуслях и скрипицахъ императрицыныхъ пѣвчихъ. Съ ними-то и велъ «непотребную» бесѣду Вилькинъ:

— А сколько лѣтъ его императорскому величеству? спросилъ онъ ихъ между прочимъ.

— Пятьдесятъ четыре.

— Много, много ему лѣтъ! молвилъ въ отвѣтъ шведъ-вѣдунъ:— а вишь непрестанно онъ въ трудахъ пребываетъ; надобно ему нынѣ покой имѣть; а ежели и впредь — продолжалъ Вилькинъ — въ такихъ же трудѣхъ станетъ государь обращаться, и паки такою же болѣзнью занеможетъ, какъ четыре года тому назадъ былъ боленъ, то *болѣе трехъ лѣтъ не будетъ его жизни...*

— Врешь ты все, дуракъ! изругали вѣдуна испуганные музыканты.

— Нѣтъ, слова мои не отъ дурости, а который человѣкъ родился на рождество христово или на пасху въ полуночи, и тотъ, какъ вырастетъ, можетъ видѣть діавола и станетъ признавать сколько кому лѣтъ жить; самъ я напримѣръ проживу лѣтъ съ десять... — И пошолъ говорить отъ библіи...

— Нѣтъ, сказывали межъ тѣмъ въ колодничьихъ палатахъ Петропавловской крѣпости, — императорскому величеству *и нынѣшняго года не пережить.*

— Смотрите, одновременно шептались солдатки, — государя у насъ скоро изведутъ, а послѣ и царицу всекончно изведутъ же. Великій князь (сынъ Алексѣя) малъ, стоять некому. И будетъ у

насъ великое смятеніе, — пророчески замѣчали вѣщуньи. — Посмотрите, скоро сіе сбудется!

Съ одной стороны подобныя предсказанья, съ другой разныя видѣнья давали обильную пищу народному говору. Да и какъ было не говорить: на колокольнѣ троицкаго собора, что на Петербургской-сторонѣ, объявилось привидѣніе. То не были сказки, толковала чернь да духовенство мелкой стати: — часовые-де сами слышали стукъ и бѣготню этого духа: то кто-то бѣгалъ по трапезѣ, то что-то стремглавъ падало. «Недѣли эдакъ за три до николина дня (1723 г.) — расказывалъ одинъ изъ часовыхъ — ночью, подлинно мнѣ довелось слышать превеликой стукъ въ трапезѣ; побѣжалъ я въ камору, разбудилъ псаломщика и солдатъ караульныхъ, и въ то время въ трапезѣ застучало опять такъ, якобы кто упалъ.»

Ночь на 9 декабря проходила спокойно; предъ часовымъ, смѣнившимъ прежняго расказчика, лежала пустая площадь; въ австеріяхъ и въ вольныхъ домахъ (тогдашнихъ трактирахъ и кабакахъ) потухали огни, умолкли брань и пѣсни бражниковъ, и на соборной колокольнѣ «ординарные» часы глухо прогудѣли полночь.

Вдругъ заслышались странные звуки. По деревянной лѣстницѣ въ колокольнѣ кто-то бѣгалъ; ступени дрожали подъ тяжолыми шагами; привидѣніе перебрасывало съ мѣста на мѣсто разныя вещи. «Великій стукъ съ жестокимъ страхомъ, подобіемъ бѣганья» то умолкалъ, то снова начинался. Такъ продолжалось съ часъ.

На утро оглядѣли колокольню; стремянка лѣстница, по которой обыкновенно лазили къ верхнимъ колоколамъ, оторвана и брошена наземь; «порожій» канатъ перенесенъ съ одного мѣста на другое; наконецъ веревка, спущенная для благовѣста въ церковь съ нижняго конца на трапезѣ, на прикладѣ обернута вчетверо.

— Никто другой какъ кикимора! говорилъ въ тотъ же день за обѣдней соборный попъ, относясь къ своему дьякону.

— Не кикимора, возражалъ тотъ, — а возится въ той трапезѣ чортъ.

— Нѣтъ, пожалуй что кикимора, а не чортъ, замѣчаетъ отецъ протопопъ.

— Питербурху, Питербурху пустѣть будетъ! пророчествуетъ дьяконъ...

И вотъ молва о томъ, что объявилась-де на троицкой колокольнѣ кикимора, не къ добру-де она, электрическою искрою пробѣжала по площадямъ и задворкамъ столицы.

Пророчества вѣдуновъ, вѣщуней, знаменательныя въ глазахъ черни шалости кикиморы скоро осуществились.

28 января 1725 года «Питербурхъ опустѣлъ». Государь Петръ

Алексѣевичъ послѣ мучительной тринадцатидневной агоніи испустилъ духъ.

За нѣсколько дней до рокового расчета его съ жизнью «во всемъ дому — такъ повѣствуетъ Феофанъ — не ино что, токмо печаль общую видѣть было и слышать. Сенаторы, архіереи, архимандриты, фельдмаршалы, генералы, штабъ и оберъ-офицеры, и отъ колегій члены первѣйшіе, а иные изъ дворянства знатные присутствовали; словомъ-сказать множество народа, кромѣ дворцовыхъ служителей, палаты наполняло. И въ такомъ многолюдствіи не было ни единаго, кто видъ печали на себѣ не имѣлъ бы: иные тихо слезили, иные съ стенаніемъ рыдали, иные молча и опустясь, аки-бы въ изумленіи бродили, или посиживали. Разный позоръ былъ печали — по разности, чаю, натуръ, не аффектовъ; ибо не надѣюсь, чтобы и единъ такой сыскался, котораго бы не уязвляла смерть настоящая толикаго государя, героя и отца отечествія!

«Печаль же болѣзни — продолжаетъ велерѣчивый Феофанъ — самой государыни изобразить словомъ невозможно! Всѣ виды страждущихъ и болѣзнующихъ въ ней единой смѣшанные видѣть было: ово слезы безмѣрныя, ово нѣкакое смутное молчаніе, ово стенаніе и воздыханіе; временемъ слова печальныя проговаривала, но честныя и приличныя; иногда весьма изнемогала. Такъ бѣдно и разнообразно страждущи, день и ночь мужеви больному присѣдѣла и отходить не хотѣла.»

Государь межъ тѣмъ леденѣлъ все болѣе и болѣе, и въ четвертомъ часу по полуночи 28 января, подъ шопотъ благочестивыхъ напутствій и молитвъ тверского архіерея, испустилъ послѣдній вздохъ.

На одрѣ лежалъ посинѣлый трупъ, но присутствующіе все-еще думали, что въ этомъ тѣлѣ тлѣетъ еще жизнь. Наконецъ сомнѣніе исчезло.

«И тотчасъ вопль, которые ни были, подняли; сама государыня отъ сердца глубоко воздохнула чуть жива, и когда-бъ не поддержана была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевный голосъ издали, и весь домъ будто ревѣть казался, и никого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться!..» (1)

«Вообще всѣ люди безъ исключенія предавались неописанному плачу и рыданіямъ. Въ это утро не встрѣчалось почти ни одного человѣка, который бы не плакалъ или не имѣлъ глазъ, опухшихъ отъ слезъ. Говорятъ, что во всѣхъ трехъ полкахъ (двухъ гвардей-

(1) Кратк. пов. о смерти Петра-великаго, соч. Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Спб. изд. 1831 г.

скихъ и въ одномъ гренадерскомъ, составлявшихъ гарнизонъ столицы) не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ этой неожиданной и горестной кончинѣ какъ ребенокъ...» (1)

Среди «осиротѣлыхъ дѣтей» сложилась пѣсня:

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не постарому,
Не постарому и не попрежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта;
Все ты прячешься за облаки,
Укрываешься тучей темною?
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
Во соборѣ петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра-перваго,
Петра-перваго, великаго,
Молодой сержантъ Богу молится:
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
Но кончинѣ вскорѣ государевой,
Государя Петра-пѐрваго.
Въ возрыданье слово вымолвилъ:
«Разступись ты мать сыра земля,
Что на всѣ на четыре стороны!
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися, золота парча!
И ты встань-пробудись, государь,
Пробудись батюшка, православный царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ обезсилѣли...»

Умолчимъ о другихъ проявленіяхъ печали всего служилаго сословія отъ сената до солдатства включительно (2). «Но да отыдетъ

---

(1) *Берхгольцъ* IV, 118.

(2) См. «Петриду или описаніе стихотворное смерти Петра-великаго, написанное *Кантемиромъ* въ 1730 году.» (Лѣтоп рус. литературы. М. 1859, I. 16—22). Краткая повѣсть о смерти Петра-великаго, соч. *Ѳ. Прокоповичемъ*. Изд. 1831 г. *Берхгольцъ* IV, 118—119. *Сахаровъ*, изд. Спб. 1839, ч. IV, стр. 199. *Порошинъ*, стр. 128. Росказни иноземцевъ см. въ «Russische Günstlinge», стр. 38—40. Ѳеофанъ Прокоповичъ: слово на погребеніе Петра-великаго, 1 марта 1725 г., въ изд. соч. Ѳеофана. Спб. 1761, ч. II, стр. 127—133 и проч. Въ «Пам. в. р. нар. Акад.» стр. 154 см. варьянтъ приведенной пѣсни на смерть

скорбь лютая, скажемъ словами Феофана: — Петръ, въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ россіянъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его и подобнаго владѣтеля по смерти его въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня и монархиня и матерь всероссійская? Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру-великому. Владѣтельское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно?» (1)

Кому неизвѣстно и то, что вопреки широковѣщательнымъ и льстивымъ глаголамъ Феофана, Екатерина не была наименована умирающимъ государемъ его преемницею? «Восшествіе ея на престолъ — по словамъ современника — довольно чуднымъ образомъ воспослѣдовало, ибо Петръ-великій не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, чтобъ ее наслѣдницею своею учинить, ниже когда того желалъ... А между тѣмъ, государь еще не охладѣлъ мертвый, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то-есть наслѣдство его престола.» (2)

Такъ или иначе, но Екатерина сѣла на престолѣ, окружонная кн. Меньшиковымъ, гр. Толстымъ, Остерманомъ, Ушаковымъ, Феофаномъ и другими свѣтскими и духовными птенцами ея предшественника (3)...

Въ то время, когда бушуютъ страсти примученныхъ поборниковъ старины и народности, когда изрыгаются слова ненависти уже безсильному властелину, что̀ дѣлаетъ его преемница? Она пре-

---

Петра Алексѣевича: молодой солдатъ, въ слезахъ о его кончинѣ, приглашаетъ покойника встать, пробудиться да посмотрѣть на гвардію, да на «армеюшку, хорошо обряженную», въ нейже всѣ чины на своихъ мѣстахъ, нѣтъ только полковничка преображенскаго, капитана бомбамдирскаго, то-есть Петра I и проч.

(1) Слово на погребеніе императора Петра, 1 марта 1725 г. Изд. 14 марта 1725, Спб.

(2) *Щербатовъ*. О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

(3) Иноземные дворы спѣшили поздравить Екатерину I съ восшествіемъ на престолъ. Особенно интересно поздравлялъ персидскій шахъ: «Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра, что Богъ не одарилъ тебя любовью къ крѣпкимъ напиткамъ; я, который пишу къ тебѣ, имѣю глаза подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ и огнемъ пылающія щеки; и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдной постелѣ» и т. д. Зап. *Дашковой*, стр. 18—19.

доставляетъ первыя необходимѣйшія распоряженія по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ сенату, который и собирается въ ея покояхъ; ласкаетъ и осыпаетъ подарками и почестями нареченнаго своего зятя, возвышаетъ друга молодости — князя Меньшикова, сидитъ запершись въ своихъ апартаментахъ, куда, по ея указу, никого не допускаютъ безъ докладу, кромѣ Меньшикова, Бутурлина, Ягужинскаго, Девіера, Макарова и Нарышкиныхъ; «съ докладу же пущаютъ по регламенту» только «по шестой класъ»; выходитъ же сама Екатерина только къ гробу супруга.

Первые мѣсяцы ея царствованія, по исконному обычаю, ознаменовались наградами ея приближонныхъ, а также прощеніями преступниковъ и возвратомъ ссыльныхъ прежняго царствованія. Нѣсколько иноземцевъ, затѣмъ извѣстные птенцы Петра, бывшіе въ немилости — баронъ Шафировъ, Скорняковъ-Писаревъ, докторъ Лестокъ получили прежніе чины и отличія. Протопопы, попы и дьяконы покровско-суздальско-дѣвичьяго монастыря, всего шесть человѣкъ, страдальцы за преданность царицѣ Авдотьѣ, были возвращены изъ дальней ссылки и распредѣлены по церквамъ на мѣста. Сторонницы той же царицы Авдотьи и ея сына, вдовы: Варвара Головина, княгиня Настасья Троекурова, княгиня Марья Львова, разосланныя въ 1718 году по монастырямъ въ заточеніе, нынѣ получили право жить въ какихъ угодно монастыряхъ, хотя бы въ московскихъ. Вологодскимъ шести духовнымъ особамъ разнаго чина, судившимся по важнымъ противнымъ словамъ «раздьякона вологодскаго собора Непеина», и нѣкоторымъ другимъ колодникамъ смягчены наказанія, либо и вовсе сказано прощеніе. Изъ Сибири, по свидѣтельству современника, въ мартѣ 1725 года провезли человѣкъ двѣсти ссыльныхъ, возвращенныхъ на родину: это были лица, пострадавшія за непринесеніе присяги въ 1722 году установленному Петромъ порядку престолонаслѣдія. Надо думать, что прощеніе было имъ объявлено еще по случаю коронаціи Екатерины, въ маѣ 1724 года.

Какъ бы то нибыло, но въ числѣ возвращающихся изъ разныхъ мѣстъ ссылокъ неужели не было нашихъ близкихъ знакомыхъ — Матрены Ивановны съ ея сыновьями, неужели забыли и другихъ пособниковъ камергера Монса? Нѣтъ, о нихъ вспомнили, и вспомнили довольно скоро. Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только-что возвѣщалось по улицамъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина изрекла милостивое прощеніе своей довѣреннѣйшей подругѣ. Прощеніе дано было въ формѣ указа ея величества *изъ сената* на имя генералъ-майора и лейбъ-гвардіи майора Ушакова. Что это за ловкій чело-

вѣкъ Андрей Ивановичъ! Давно ли на него, какъ на надежнѣйшаго сыщика и застѣночнаго инквизитора, возлагалъ Петръ щекотливое дѣло Монса — и вотъ по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ тотъ же Андрей Ивановичъ нетолько не вызываетъ на себя мщенія Екатерины, — нѣтъ, его любятъ, ему довѣряютъ, и ему же поручаютъ озаботиться о возвратѣ лицъ, такъ недавно имъ арестованныхъ, допрашиванныхъ и преданныхъ въ руки заплечныхъ мастеровъ!

Прощеніе изрекалось Екатериной подъ обычною формою: «ради поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрену Балкшу не ссылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено *по дѣламъ вышняго суда*, но вернуть съ дороги и быть ей въ Москвѣ. Дѣтей ея, Петра да Якова, вмѣсто ссылки въ гилянскій гарнизонъ опредѣлить въ армію тѣми же чинами, въ какихъ посылали ихъ въ Гилянъ.» Не забыли Балакирева; вспомнили также о Столѣтовѣ. Тотъ и другой освобождены отъ каторжной работы и возвращены въ столицу. Иванъ Балакиревъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ въ солдаты, а Егоръ Столѣтовъ свобожденъ на волю, а у дѣлъ ея величества нигдѣ не быть (1)

Освободили героевъ и героинь трагедіи, но самую хронику, лѣтопись событія, посчѣшили запрятать подъ замки и печати. Извѣстный уже намъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, выполняя безъ сомнѣнія высочайшую волю, запечаталъ своею печатью четыре пакета. На первомъ изъ нихъ написалъ онъ своеручно: «дѣло Монсово»; на второмъ: «письма, подлежащія къ дѣлу Монсову»; наконецъ въ четвертый кувертъ спряталъ онъ письмо, подброшеное къ Ширяеву въ ноябрѣ 1724 года. Къ сожалѣнію столь важный документъ не сохранился. Быть-можетъ какая-нибудь «высокая персона» въ XVIII вѣкѣ перебирала для собственнаго любопытства секретнѣйшія дѣла своихъ предшественниковъ и предшественницъ и нашла нужнымъ уничтожить эту бумагу; или же самъ князь Александръ Даниловичъ повелѣть соизволилъ сжечь документъ (2).

Запрятали бумаги; долго и долго довелось имъ лежать подъ спудомъ; но не зарыли Балки своихъ талановъ въ землю. Семей-

---

(1) Всѣ распоряженія екатерининскаго правительства, относившіяся до дѣйствующихъ лицъ монсовой исторіи, шли въ слѣдующемъ порядкѣ: 1725 годъ: 13 февраля возвращены царевнѣ Прасковьѣ ея имѣнія, нѣкогда подарокъ ея Монсу; 22 числа — освобожденъ Балакиревъ; 6 марта свобожденъ Столѣтовъ; два дня спустя — указъ о возвращеніи двухъ Балковъ съ матерью; 26 марта — извѣстіе изъ Москвы, что за Матреной Балкъ послано, и т. д.

(2) Запечатаніе документовъ дѣла монсова произведено было Черкасовымъ въ царствованіе Петра II, 20 іюня 1727 года.

ство это, какъ мы видѣли, всосало въ плоть и кровь умѣнье происками, интригами, заискиваніями достигать цѣлей своего тщеславія и честолюбія. Балки, достойные питомцы своей маменьки и дяди, не унали: нѣтъ, они продолжали скользить среди отмелей и камней придворной жизни. Искушенные опытомъ, они были чрезвычайно осторожны. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ, и именно нашъ пріятель Петръ Федоровичъ, вмѣстѣ съ оберъ-шталмейстеромъ Куракинымъ шутками своими имѣлъ способность развеселять именитыхъ особъ, льстить Бирону, и хотя ни къ какимъ уже дѣламъ допускаемъ не былъ, но получалъ за свои способности чины и скончался 4 октября 1743 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта и дѣйствительнаго камергера (1). Дочери младшаго Балка (2) сдѣлали прекрасныя партіи: одна вышла за оберъ-егермейстера Нарышкина, а другая вышла за извѣстнаго Сергія Салтыкова.

Что до сестры Балковъ, дочери Матрены Ивановны — Натальи Федоровны Лопухиной, то трагическая судьба ея извѣстна (3): Матрена Ивановна не дожила до катастрофы, постигшей Наталью Федоровну въ 1743 году. Дѣти Лопухиной видѣли возвращеніе матери изъ Сибири и при императрицѣ Екатеринѣ II сами выдвинулись на служебномъ поприщѣ: такъ второй сынъ Лопухиной былъ генералъ-поручикомъ, третій дѣйствительнымъ камергеромъ и проч. Затѣмъ упомянемъ также и о томъ, что фамилія *Монса* встрѣчается еще разъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Такъ въ царствованіе Анны Ивановны на скамьяхъ «рыцарской академіи» (нынѣшній первый кадетскій корпусъ), среди сыновей аристократіи и дѣтей разныхъ иноземцевъ мы встрѣчаемъ *Бернгарда Монса*. Поступилъ онъ въ кор-

---

(1) Описаніе Алекс.-невск. лавры, соч. *Павлова*. Спб. 1842 г., стр. 91.

(2) Въ «Russische Günstlinge» и запискахъ Екатерины называютъ его Павломъ, но въ указѣ 8 марта 1725 года о возвращеніи Балка младшаго изъ ссылки онъ названъ Яковомъ.

(3) «Русск. Вѣстн.» 1860, кн. XVII. — «Русск. Рѣчь» 1861, статья: «гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ». Въ высшей степени интересенъ слѣдующій фактъ, относящійся до Натальи Лопухиной (урожденной Балкъ): сосланная въ 1743 году въ Селенгинскъ, она въ нетерпѣливомъ ожиданіи возврата на родину измѣнила лютеранской вѣрѣ и приняла православіе. Подобное *обращеніе*, нѣтъ сомнѣнія, совершено было въ надеждѣ привлечь къ себѣ милость государыни, но оно только привлекло вниманіе читателей «Петербургскихъ вѣдомостей», такъ какъ въ нихъ оповѣстили объ этомъ событіи: «1758 годъ. № 24, вторникъ 24 марта. Извѣстіе изъ синода о обратившихся въ грекороссійскую вѣру: таковыхъ за 1751, 52, 55 и 57 года было: изъ сибирскихъ инородцевъ 2720 человѣкъ, да въ томъ же 1757 году, 21 іюля, обратилась въ православіе содержащаяся въ Селенгинскѣ Степана Лопухина жена Наталья Ѳедорова.» — Указаніемъ на это извѣстіе мы обязаны князю Н. Туркистанову.

пусъ въ 1735 году, выпущенъ въ 1741 г. въ армію прапорщикомъ. Какъ доводился новый прапорщикъ знаменитому камергеру: былъ ли онъ племянникомъ его или находился въ болѣе отдаленной связи родственной, намъ неизвѣстно (1); неизвѣстна также и судьба этого, едвали не послѣдняго изъ Монсовъ, имя котораго встрѣчается въ числѣ именъ разныхъ знатныхъ и старинныхъ дворянскихъ фамилій. Рыцарская академія, какъ извѣстно, съ самаго начала была чисто *шляхетскимъ* заведеніемъ.

Оставляя главнѣйшихъ членовъ фамилій Балкши и Монса и ихъ потомство, скажемъ нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ двухъ невольныхъ виновниковъ монсовой и собственной погибели. Судьбы Балакирева и Столѣтова въ послѣдующія царствованія совершенно различны: на долю перваго выпалъ вѣчный смѣхъ и шутовство во дворцѣ, на долю второго — долгое скитанье по тюрьмамъ и позорная смерть на плахѣ.

Причины этого явленія лежали нетолько въ обществѣ, въ которомъ они жили, но и въ ихъ собственныхъ характерахъ: Балакиревъ былъ шутъ по профессіи, по страсти; если онъ «принялъ на себя шутовство» еще при Петрѣ и этою «спеціальностью» успѣлъ проложить себѣ дорогу во дворецъ, то въ послѣдующее время, при Биронѣ, онъ тѣмъ скорѣй нашолъ возможнымъ обратиться къ прежней професіи: она его кормила, одѣвала, вообще съ избыткомъ обезпечивала его содержаніе. Въ это время дѣйствительно житье было разнымъ шутамъ, шутихамъ, дуракамъ и дурамъ, карламъ и карлицамъ. Ими полнились темненькіе и низенькіе покои «зимняго

---

(1) Бернгардъ *Монсъ* получилъ при выпускѣ слѣдующій интересный атестатъ: «геометрію и практику скончалъ, регулярную фортификацію началъ, рисуетъ тушью, поросійски говоритъ хорошо и переводитъ съ нѣмецкаго на россійскій языкъ, скопонируетъ легкаго французскаго автора, универсальную исторію до новѣйшихъ временъ обучилъ, всѣ генеральныя карты Гибнерова малаго атласа прошолъ; сочиняетъ нѣмецкія письма безъ диспозиціи хорошо, фехтуетъ въ контру, верховой ѣздѣ и танцовать обучался». См. *Именн. списокъ* всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ Сух. шлях. кад. корп. штабъ-оберъ-офицерамъ и кадетамъ. Спб. 1761 г. стр. 130. Говоря о послѣднемъ изъ извѣстныхъ намъ Монсовъ, сдѣлаемъ кстати замѣтку, дополняющую скудныя наши свѣдѣнія о родителяхъ Виллима Монса и вообще о его семьѣ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка: 9 ноября 1703 года, какъ значится изъ купчей помѣстнаго приказа, жильцы Петръ и Сидоръ Уколовы продали иноземкѣ, *вдовѣ* Матренѣ Ефимовнѣ, иноземца Ивановской жены монсова, да дѣтямъ ея, *капитану* Филимону, да брату его Виллиму Ивановичу, да дочери ея дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ Монцовымъ, вотчины свои въ курскомъ уѣздѣ (слѣдуетъ перечень четырехъ деревень) за 1550 руб. Изъ этой замѣтки видно 1) что отца молодыхъ Монсовъ и третьяго брата Виллима въ 1703 году небыло на свѣтѣ, 2) достатокъ вдовы такъ былъ великъ, что она покупала уже деревни. (Дѣла по имѣніямъ частн. лицъ, к. LXXXVI.)

дома». Скоморошническій орденъ имѣлъ своими членами представителей разныхъ старинныхъ княжескихъ фамилій. Въ обществѣ столь знатныхъ и столь талантливыхъ особъ могло ли быть «досадительно» Балакиреву? Правда, частенько доводилось ему таскать за волосы сотоварищей, бить другъ друга по щекамъ, колотить другихъ палками и быть въ свою очередь битымъ по икрамъ, кувыркаться, кататься по полу, драться до крови: но вѣдь все это дѣлалось въ высокомъ присутствіи герцога Бирона и другихъ вельми знатныхъ персонъ для общей потѣхи; въ этой потѣхѣ наконецъ принимали дѣятельное участіе многіе аристократы. Впрочемъ и отказываться-то отъ участія въ потѣхѣ было несовсѣмъ удобно: современникъ свидѣтельствуетъ, что Балакиревъ однажды за подобный отказъ былъ «жестоко битъ батоги». Шутъ же онъ былъ добрый, остроумный, и шутки его никогда никого не язвили, но еще многихъ часто рекомендовали (1).

Въ то время, когда Балакиревъ смѣхомъ заглушалъ слезы, шутками облегчалъ боль отъ княжескихъ пиньковъ и затрещинъ, кувырканьями и прыганьемъ разминалъ ноги, избитыя палками, въ это время пріятель его Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ короталъ дни въ Нерчинскѣ.

По возвращеніи изъ Рогервика въ 1725 году Столѣтовъ проводилъ время на «свободѣ», потомъ служилъ при дворѣ цесаревны Елисаветы и постоянно вращался въ мірѣ сплетень, интригъ и разныхъ козней придворныхъ чиновъ мелкой стати. Съ этимъ міромъ онъ издавна обыкся. Онъ не обращалъ вниманія на то, что аристократы «гордили» съ нимъ, вообще относились къ нему, къ каторжнику, весьма презрительно, впрочемъ не зато что онъ былъ въ каторгѣ (въ то время многимъ была она знакома), но за его низкое происхожденіе. Столѣтовъ не обращалъ вниманія на ихъ презрѣніе, онъ все-таки продолжалъ соваться въ кружки князя Бѣлосельскаго, князя Куракина, князей Долгорукихъ и др.; находилъ себѣ милостивцевъ, старался быть имъ полезнымъ. Человѣкъ не безъ способностей (2), но тщеславный, самоувѣренный, болтливый, онъ скоро поплатился за то, что вновь отдался интригамъ и сплетнямъ дворцоваго міра. Въ 1731 году, по розыску, за вины Столѣтова сослали въ

---

(1) «Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны». «Общез. Вѣсти.» 1857 г. № 16.

(2) Такъ Столѣтовъ интересовался современной литературой, попросту — любилъ книги, читалъ, списывалъ разные стихи и чуть ли самъ не кропалъ ихъ въ подражаніе своему покойному патрону, Монсу. Нѣкоторые, по времени, недурны. См. въ Приложеніи XI, №№ 1 и 2, два стихотворенія, писаныя рукой Столѣтова.

Нерчинскъ. Вины его на этотъ разъ вполнѣ неизвѣстны; пострадалъ онъ вообще за связи и службу Долгорукимъ. Въ отдаленномъ Нерчинскѣ онъ пользовался свободой, былъ принятъ въ домѣ начальника, могъ заниматься чѣмъ угодно, ходить куда угодно; но бездѣйствіе, а главное жизнь вдали отъ той сферы, среди которой онъ взросъ, скоро его озлобили и вызвали на рядъ опрометчивыхъ поступковъ. Онъ сталъ расказывать важныя тайны дворцоваго быта, хорошо ему извѣстныя. Говорилъ о царевнѣ Катеринѣ Ивановнѣ и князѣ Михаилѣ Бѣлосельскомъ, о Аннѣ Ивановнѣ и герцогѣ Биронѣ, высказывалъ сочувствіе къ цесаревнѣ Елисаветѣ, заявлялъ надежды на ея восшествіе на престолъ, и къ довершенію же собственнаго несчастія поссорился съ комендантомъ Нерчинска, своимъ непосредственнымъ начальникомъ. Результатомъ всего этого были: доносъ, судъ и пытки въ Екатеринбургѣ и страшный розыскъ въ Петербургѣ; завязалось толстѣйшее дѣло (1), продолжавшееся облѣе года. Столѣтовъ, столь же малодушный въ бѣдѣ, сколь самонадѣянный и заносчивый въ счастіи, оговорилъ знакомыхъ, пріятелей, приплелъ къ дѣлу родную сестру и зятя, являвшихъ къ нему во время ссылки чувства глубокой привязанности; клепалъ и на себя, то запирался, то приносилъ повинныя нетолько въ противныхъ словахъ, когда-либо сказанныхъ, но даже въ мысляхъ, какія только зарождались въ его головѣ и служили «къ умаленію чести ея императорскаго величества».

Развязка, по своему времени, была обыкновенная: 12 іюля 1736 года колодникъ Егоръ Столѣтовъ казненъ смертью: отсѣчена голова на с.-петербургскомъ островѣ, на рынкѣ. Тѣло его зарыто, по указу ея величества, тамъ же на Петербургской-сторонѣ, близь церкви Спаса-преображенія господня, въ Колтовской (2).

Читатели наши, надѣюсь, не упрекнутъ насъ за то, что мы такъ долго удерживали ихъ вниманіе на такихъ личностяхъ, каковы камергеръ Монсъ, его сестра, племянники, секретарь, слуги и проч. Безъ сомнѣнія достаточно было ясно, что герой настоящаго очерка заинтересовалъ насъ не потому, что самъ по себѣ заслуживалъ бы вниманіе изслѣдователя старины: нѣтъ, а потому, что расказъ о

---

(1) Дѣло о Столѣтовѣ на 367 листахъ; въ немъ довольно много подробностей для знакомства съ дворомъ Анны Ивановны.

(2) При постройкѣ новой каменной церкви на этомъ мѣстѣ въ 1861 году найдено нѣсколько скелетовъ въ цѣпяхъ.

немъ и его семействѣ выдвигаетъ нѣкоторыя новыя стороны въ жизни и характерахъ Петра и Екатерины, а главное — новыя черты для знакомства съ петровскимъ обществомъ.

Такія личности, какъ Виллимъ Монсъ, ничтожныя въ нравственномъ отношеніи, но брошенныя случайностью въ водоворотъ дворцовой жизни, поднятыя счастіемъ и интригами придвинутыя къ императорскому престолу — всегда интересны именно въ томъ отношеніи, что характеристики ихъ даютъ возможность ближе ознакомиться съ обществомъ того времени, заглянуть такъ-сказать за пышныя декораціи и вообще перенестись въ ту среду, въ которой подвизались того времени полководцы, деньщики, министры, посланники, важныя духовныя лица и т. под. дѣятели. Въ отношеніяхъ своихъ къ фавориту всѣ они, стоящіе, по официальнымъ источникамъ, на какихъ-то ходуляхъ, разоблачаются — и мы видимъ предъ собою не автоматовъ, начиненныхъ громкими фразами панегиристовъ, — нѣтъ, а людей изъ плоти, костей и крови, живыхъ, то-есть съ человѣческими страстями и слабостями.

Наша родная историческая литература, вообще говоря, мало еще представляетъ очерковъ и разказовъ, преслѣдующихъ одну цѣль: вскрывать завѣсу надъ частнымъ бытомъ нашего общества за ту или другую эпоху и лицомъ къ лицу ставить съ характеристическими его представителями и представительницами. Мы съ недоумѣньемъ и даже съ насмѣшкой смотримъ иногда на изслѣдованіе о какой-нибудь личности, имя которой не попало въ тѣ учебники да обзоры, по которымъ мы узнали родную исторію.

Мы осуждаемъ подчасъ этихъ дерзкихъ, которые осмѣливаются «останавливать просвѣщенное вниманіе достопочтенныхъ читателей и читательницъ» на какихъ-то фрейлинахъ, статсъ-дамахъ, мелкихъ сторонникахъ — какого-нибудь царевича или посвящать многія главы на знакомство съ безвѣстнымъ выродкомъ какой-нибудь нѣмецкой слободы.

Но мы забываемъ одно: что наша исторія рано или поздно должна же обхватить общественный и частный бытъ каждой эпохи со всѣми ея характеристическими *мелочами*, повидимому столь *неважными*, что при этомъ неминуемо должны же мы будемъ приблизиться къ личностямъ, хотя и не заявившимъ себя государственной дѣятельностью, но зато игравшимъ роль въ обществѣ своего времени; мы забываемъ, что очень часто какой-нибудь, теперь неизвѣстный, камергеръ или забытая фрейлина, или царица, неигравшая роли политической, въ лицѣ своемъ несравненно скорѣе дадутъ намъ возможность ознакомиться съ образованіемъ, съ нравственнымъ развитіемъ, съ тѣмъ кодексомъ правилъ и взглядовъ тогдашнихъ на об-

щественныя приличія, отношенія другъ къ другу, къ низшимъ и къ высшимъ себя и т. под., нежели всѣ «патентованныя» историческія лица. Словомъ, мы не хотимъ вѣрить, что первыя лица зачастую несравненно ярче знакомятъ насъ съ общимъ видомъ той *среды*, надъ которой подымались только нѣкоторыя исключительныя личности.

Итакъ, если что иногда и можетъ по этому поводу вызвать наше осужденіе, такъ это отнюдь не та задача, не тѣ лица, съ которыми дерзаютъ знакомить насъ нѣкоторые изслѣдователи старины, но развѣ неумѣнье, неискуство ихъ въ составленіи историческихъ картинъ.

Къ этому предмету мы однако еще возвратимся, а теперь позвольте сказать послѣднее прости Виллиму Ивановичу Монсу. Трупъ его убранъ, снята и голова съ позорнаго шеста, и мы, невозмущенные страшнымъ зрѣлищемъ, можемъ съ спокойнымъ духомъ сказать слѣдующее:

Монсъ есть одинъ изъ первыхъ по времени нумеровъ въ той длинной фалангѣ фаворитовъ-временщиковъ, которые отъ времени до времени являются въ русской исторіи XVIII вѣка. Для нихъ (за немногими исключеніями) ничего не существовало кромѣ произвола, направленнаго къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей, предъ ними все кланялось, все ползало; для нихъ небыло законовъ, небыло правды, небыло отчизны...

Монсъ еще дѣйствовалъ сравнительно съ своими преемниками скромно, робко; онъ не могъ вполнѣ развернуться, потомучто въ глазахъ его постоянно гуляла по спинамъ именитыхъ птенцовъ дубина царская, либо брызгалъ кровью кнутъ заплечнаго мастера, сверкала сѣкира палача, да болталось на висѣлицѣ гніющее тѣло какого-нибудь сановника. И все-таки, при этихъ *нравственныхъ сдержкахъ*, фаворитъ Екатерины *восемь лѣтъ* неустанно нарушалъ указы, былъ приточникомъ и прибѣжищемъ всякой неправды, имѣвшей только возможность повергать къ его стопамъ богатые презенты...

ПРИЛОЖЕНІЯ

I

Письмо попа Александра 18 іюня 1698 года къ Петру I о стрѣлецкомъ возстаніи (1).

Милостивый Государь!

... достоинству вашему писалъ, государь, къ Москвѣ изъ полку своего князя Михаила Григорьевича, о непослушаніи и о зачатіи воровства четырехъ полковъ стрѣлецкихъ, о чемъ уже чрезъ прежнюю почту милости вашей отсюда не безвѣстно, нынѣ же государь та ихъ окаянныхъ зачатая воровская злоба ясно ими показана; писали государь тѣхъ четырехъ полковъ всѣ полковники, что они вышедъ изъ Торопца, пошли къ рѣкѣ Двинѣ, и стали быть всѣмъ полковникамъ во всемъ непослушны, и случась всѣ четыре полка въ одно мѣсто, забунтовали на указныя мѣста, гдѣ имъ велѣно стоять до указу не пошли, и полковниковъ отъ себя отбили, и выбрали ко всякому полку по четыре человѣка выборныхъ своихъ стрѣльцовъ, кому ихъ въ томъ воровствѣ управлять, и пошли всѣ къ Москвѣ, и здѣсь, государь, бояре приговорили, видя ихъ всеконечное воровство, послать противъ такихъ плевосѣяльниковъ и враговъ креста Христова твои государевы рати, за ихъ бунтъ; и если непокарятся, то мечь гнѣвомъ твоимъ да смиритъ ихъ; и Алексѣй Семеновичь съ ратными людьми, которые прилучились при семъ зломъ случаѣ на Москвѣ, и которые поспѣшили по грамотамъ изъ ближнихъ городовъ; да съ ними жъ, государь, съ пѣхотными полки генералъ Петръ Ивановичь, и пошли съ Москвы іюня «16» дня, а станъ былъ сего государь числа въ Тушинѣ, и сего жъ числа пошелъ съ того стана Алексѣй Семеновичь къ Воскресенскому монастырю;

(1) Въ одинъ день съ этимъ письмомъ духовника государева отправлено донесеніе князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго. Посл. помѣщено въ III т. соч. Устрялова, стр. 474. Письмо попа Александра, приложеніе къ I главѣ нашего очерка, является впервые въ печати, также какъ и всѣ послѣдующіе документы, служащіе приложеніями къ III, IV, V, VI, VII и XI главамъ.

а про нихъ бунтовщиковъ слухъ есть, что они сего числа будутъ на Волокъ ламскій отъ Москвы за девяносто верстъ; а воскресенскій, государь, монастырь на половинѣ, какъ отъ Москвы, такъ и отъ Волока, по 45 верстъ; а котораго, государь, случатся числа, и что въ томъ дѣлѣ учинится, и то время покажетъ; и отъ насъ милости вашей о томъ впредь небезъизвѣстно будетъ, и о всемъ пространнѣе донесено тебѣ, премилостивому моему государю, будетъ, чрезъ другія письма, и въ которыхъ приказѣхъ то дѣло обрѣтается со всякою вѣдомостью хотѣли послать выписки до лица милости вашей. Пространно, государь, писать о возвращеніи къ намъ милости вашей, за склонною волею твоею не смѣю, понеже приспѣло время для избавленія христіанскаго народа, ко устроенію въ лучшую пользу, тебѣ моему премилостивому государю, нынѣ быть при послахъ, для совершенія зачатаго своего дѣла.

Однакоже государь отъ всего своего сердечнаго рвенія, тебѣ моему государю, по должности моей, доношу, что зѣло государь и здѣсь крайняя нужда зоветъ тебя премилостиваго моего государя, не оставя насъ сирыхъ своихъ до конца, дабы намъ не погрязнуть во глубинѣ сіи нашедшія на насъ напасти, и чтобъ воровскіе бунты и всѣ ихъ замыслы разорвать безмедленно, недождався къ нимъ предводителя, и чтобъ впредь долѣе то ихъ воровство множиться не попустилось.

О корабельномъ государь здѣшнемъ поведеніи о всемъ къ тебѣ, моему государю, писалъ прежь сего числа. Пожалуй премилостивый государь прикажи о манжерахъ меня по милости своей увѣдомить. мастеровъ ли мнѣ отъ милости вашей, кому ихъ лить, ожидать, или готовые ихъ за моремъ промышлять, и каковымъ быть нашихъ бомбандирахъ и на галерахъ, а объ иномъ корабельномъ дѣлѣ пространнѣе донесетъ тебѣ государю господинъ адмиралъ комисаръ.

За симъ желая здравія твоего премилостиваго моего государя, понъ Александръ Бога моля челомъ бьетъ.

Съ Москвы, іюня 17 дня (1698 г.)

II

Письмо Катерины къ Петру I, 7 декабря 1708 г.

Allerdurchleuchtigster und gnädigster Herr Ohiemb,

Ich gratülire Ew. Majestet zu den erhaltenen Siegen und wünsche, dass ich bald alhier die Gnade haben möge Ew. Majestet aufzuwarten und zu versichern, dass ich mit einem tiefestem respect alle Zeit verharre,

Gnädigster Herr Ohiemb,
Ew. Majestet

unterthänigste
Catharina.

Ismaelof, den 7 December 1708.

III

Стихи Виллима Монса на нѣмецкомъ языкѣ; одинъ куплетъ, первый.

1

Wo ist Mein freier sinn
Ach das ich nicht mehr Mein Eigen bin
Balt gehe ich, balt steh ich
Und weiss doch nicht wohin
Wass hat der Völker Macht
Vor ein Verhängniss auf mich bedacht
Hier sindt zur Stelle, all Unglücksfälle
Die mich allein, erregen solchen Pein, и т. п. (1)

Стихи Виллима Монса на слободскомъ языкѣ.

2

Ach sto gest swet i fswete, ach fso pratifnaje,
ne magu schit ne umerty, sertza tasklywaja,
Dolgo ty mutzilsa, net upokoy sertza,
Kupido wor proklaty, welmy radagitsa.

Probil streloyu sertza, leschu bespamety,
ne magu ja atznutza, i otzi my plakaty,
taska welykaja, schnotze krawawaja,
rudoju sapeklosa, i fso prabitaja. (2)

Стихи Виллима Монса

3

Welche Hoffnung, dass zu Kriegen,
Was mich mit Flammen überstreut,
So gewillet dennoch Mein Vergnügen,
Auch noch auss der Unmöglichkeit,
Den darf ich gleich den platz nicht nennen,

---

(1) Изъ записной тетради Монса; приводится какъ образчикъ его стихотворства; всѣ ошибки орѳографіи подлинника сохранены.

(2) Изъ записной тетради Монса; приведено какъ образчикъ его стихотворства на русскомъ языкѣ; за незнаніемъ автора писать порусски написано имъ нѣмецкими буквами.

Will ich doch in gedanken Brennen,
Biss an Mein Letzes Lebens Zeit.

4

Welt ade ich bin dein müde
Ich will nach dem Himmel zu
Da wird sein der rechte friede,
Und die stoltze seele ruh ;
Welt bei dir ist Krig und streit
Nichts denn lauter eitelkeit.
In dem Himmel alle Zeit
Friede ruh und seligkeit.
. . . . . .

IV

Письмо Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина къ Монсу 3 августа 1717 г. (1)

Благородный господинъ камеръ-юнкеръ государь мой Вилимъ Ивановичъ.

Униженно вашему благородию благодарствую за комплиментъ вашъ, который отъ васъ господинъ Бестужевъ дмитрей Петровичъ мне справилъ; при семъ прилагаю писмо от оного господина Бестужева по которому прилежно прошу его и меня одолжит не замешкав сто червонных изходатайствоват и также деньги вручит сему листоподателю с росписко имянно господину Авраму Ѳаннотену (H. Abraham von Notten), онымъ ваше благородіе по прежнему меня обяжете за что напротив вам госуларю моему отслужит потщуся, і всегда неотменно со многимъ почтениемъ пребуду вашим государь мой всепокорно послушным слугою Алексей Р. Бестужевъ.

Гамбурхъ августа «3» S. H. 1717.

P. S. (Помѣщенъ адресъ Алексѣя Бестужева).

На оборотѣ: «A monsieur Monsieur de Monss gentil homme de la Chambre de la Majesté Czarinne à Amsterdame.

(1) Всѣ приводимыя письма тщательно провѣрены нами съ подлинниками.

V

Александры Салтыковой, урожденной кн. Долгоруковой, къ Матренѣ Ивановнѣ Балкъ (17 окт. 1719).

1

Гасударыня мая матрена ивановна много летно здравъствуй купно са всеми вашіми! писмо миласти вашей получила, въ каторомъ изволите ответъствавать на мое писмо, каторое я къ вамъ писала из кенезъ Берха; за что я вамъ, матушъка мая, Благодаръстъвую и въпреть васъ прашу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою маею радастію ожидать буду . . . . . (1) прашу на меня и неизволте прогневатъца, что мешъкала за нещастіемъ моимъ, на оное ваше писмо ответъствавать; понежа у меня батюшъка канешъно боленъ огреваю четыря недели истенъно въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить маими писмами; ежели дастъ Богъ Батюшъку лехъча, буду писать простърано на будущей почте Сердешъно сердешно сожелею о вашей балезъне изволька мъне отъ писать если вамъ лехъча до сего времени изволте ка мъне отписать если вамъ лехъча до сего времени изволте ка мъне отписать писмо мое отъ егана изволилъ получить такошъ надеюса, что онъ намъ данесетъ обавсемъ прастъранъно, каторая челабитъная послана къ царскому величестъву такошъ и всемилаштивой гасударыне царице екатерине алекъсеевне, изволте осведамитъца и камъне отписать, какъ изволятъ принять; а я въ бедахъ сваихъ инова претъстательстъва неимею кромя ея величестъва и ане камне пишутъ, что мушъ мой хочетъ на меня бить чаломъ, что бутъта я ево покърала и ушъла; я етава не баюса извесна всемъ въ митаве и много на то свидетелей сыщу не толка ныне что будетъ я неимела въ чемъ батюшъке доехать принуждена была себе делать до последъней рубашъки сие (?) онъ увесъ ссобою ту бабу, которая завъсемъ хадила; она снимъ уехала ссабою ли ане забрали или у людей оставили пускай его людеи стой бабаю пытаютъ мне была ничаво негде брать я уже была лавъно савъсемъ обрана и отъ нево разъбита токъмо имела при себе несколка из маихъ алмазавъ и то у меня паследняя аграбилъ, какъ поехалъ въ Петеръбуръхъ сказалъ мне: ежели не дашъ хателъ да смерти убить, я ему с великаю радастію и то отдала толка обобралъ и самъ билъ (?) на что есть свидетели. Въ протъчемъ астаюсь на миласть вашу благонадежна что по своему обещанію меня оставить неизъволите слуга веръная до смерти.

Ізваршавы октября 17, 1719 г.

---

(1) Неразобрано слово.

2

Къ М. И. Балкъ, 14 ноября 1719 г.

Гасудараня мая матрена иванавъна многолетъно здравствуі купно со въсеми вашеми! о себе моя гасудараня донашу, еще въ бедахъ своихъ зъживыми обретаюса; писмо ваша, чрезъ господина белашицъкова каторое послано, я здесъ получила; за что вамъ, матушъка мая, благодарствую и прошу меня неоставить въпреть, чево срадастию моею желаю; токъмо выразумела из писма вашева, что вы еще въ болезне сваей обретаитесь, о чемъ серъцомъ моимъ сажелею и желаю, светъ мой, какъ наискорее притъти до савершенънаго здаровья; а что вы изъволите писать, что писма ка мне будите посылать чрезъ Белашецкова, я чаю лутче чрезъ господина Бестужева, понежа я ево просила, каторые писма вы изволили чрезъ нево посылать веръно камъне дохадили, а что вы мне изволите писать, что бы я остерегаласа дашъкова, его ныне у насъ нетъ, отпушъченъ къ москве, желею, что я прежде не ведала я бы нарошъно при немъ гаварила, что надлежитъ другимъ ведать.

Пача въсево васъ прошу, изволте меня садеръжать, по своему обещанию, веръно такошъ где вазможъно упоминать въ миласти ее величеству, гасударане циа (?), въчемъ на миласть вашу безсумненъною падежъду имею, такошъ прашу матушъка мая изволте камъне писать пространъней, что изволите услышить въ деле моемъ какое будетъ са мной миласердие и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюса что вы извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластивое будетъ решеніе на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видеть

остаюсь вамъ веръная до смерти александра.

Прошу от меня покъланитъца ее миласти анъне ильинишъне.

3

Матренѣ Ивановнѣ Балкъ, 25 октября 1720 г. (1)

Государыня моя матрена ивановна многолѣтно здравствуй купно со всѣми своими!

Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государыню, симъ моимъ писаніем трудить и просить, дабы, по своей ко мне склонности, се приложенное мое просителное письмо еѣ величеству всемилостивѣйшей государыне царице вручить изволили, чрез которое я ее величеству рабски доносила о приезде моемъ к москвѣ. О семъ і вамъ, моей государыне, объявляю, что я то учинила неведая об отпу-

(1) Все письмо за исключеніемъ подписи — рукою секретаря.

ске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петеръбурха, ради великой нужды, а именно чтоб мне сыскат верных свидетелей, и очистит себя в сносныхъ животахъ, в чемъ на меня мужъ напрасно бьетъ челом, о которой моей нуждѣ прошу донесть словесно всемилостивѣйшей государыне царице понеже я об оной вышеупомянутой моей рабской суплике именно ея величеству необъявила; при семъ васъ, мою государыню, прошу содержать меня в прежней любви вашей, и упоминат в милости всемилостивѣйшей государыне царице. Такожде и неоставить меня безвестну въ делѣ моемъ; понеже я ныне кроме васъ приятелей въ санктъ-Петеръбурхѣ неимѣю, а наипаче васъ, мою государыню, прошу уведомит меня, какъ ея величество, всемилостивѣйшая государыня царица изволитъ принят от васъ мою нижайшую суплику, зачто вамъ, моей государыне, всегда благодарить и служить, по своей должности буду; впротчемъ остаюсь вамъ, моей государыне, служебно должна Александра.

P. S. Сего моего посланнаго человѣка отдаю в волю вашу; прошу неизвольте оного ко мнѣ отпущать напрасно без всякой ведомости приездъ, токмо мне принесетъ пущую пѣчаль. Такождѣ васъ, мою государыню, прошу изволте об отпуске оного человека согласитца съ аннои ѳедоровной юшковой, понеже я той стороны имѣю некоторую пужду.

Из Москвы «25» октября 1720 г.

VI

Вилимъ Монсъ подъ видомъ женской персоны къ Александрѣ Салтыковой 1719 или 1720 г. (1)

Sdrawstwoy matouska alessandra grigorgefna, bose dai wam dobrago sdorowje; sa fse Sameistwa wassei, selaju dabie piessange etage was magu goschudarinu ftobrom strafge sastalla, sa katorrom at fsewo fsewo swogewo sertza selaju, praschu wass maju gaschudarinu, dabie ja ne astaflenna biela piesangem wasiem, kotoraja prinimaju sebe sa weliekaje stasge, kogda ja uwieschu at wass ksebe piesmo wasche, to bog moi swiedetel, sto ja sweliekoi radassju wosprimagu i trut fsoi stolka prilagaju gettu wasemu, sto bogu annomu fsedam, i storajuscha stobie skore akonssat srobrom, sastajange, kf semu selanju, i nadejusa sio fskore posle prasnika, tokmo was praschu ne iswolde pezallitsa, i sebä beswremena sakrusat ab onom dele, fso bogom budet ustraena, ponese gege weliezeswo welmi kwam milasliewa, i ni wies kak saselegiet ab was, takkosde i ob radiedele wassem, pri schem astajus wam magei gaschudareine wernaja wam uschufnesza.

---

(1) Собственной рукой Монса, на *слободскомъ* языкѣ.

VII

Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ къ Монсу

1

2 ноября 1719 г.

Государь мой Вилимъ Ивановичь!

Прошу васъ, государя моего, быть о мнѣ всенадежным, и во всепочтѣннѣйших писаниях вашихъ неоставить меня, въ чем есть весьма благонадеженъ, изволте, государь мой, мнѣ поверить, что я зело обязуюсь верным ко услугам вашим быть, при вашей корошпанденціи изволте оныя писма ко мне при всеприятном вашем писаніи присылать; я оные в надлежащее место верно и во всякой сохранности отправлят буду; понеже мнѣ оное извесно и весма секретно содержать буду, в чем изволте быть паки всенадежны и я в том вам весма услужит потщусь и сестру вашу, государыню мою, утруждать оным неизволте (1). При сем же полученное писмо прилагаю и со многим почтением пребываю вам государю моему слуга вѣрный Петръ Бестужевъ.

Из Митавы «2» Ноября, 1719 г.

2

6 февраля 1722 г.

Государь мой, Вилим Иванович!

Понеже здеся каргопольского драгунскаго полку при дворѣ государыни царевны (рота) (?) весма плоха і еѣ высочества повелела мне вас просит чтоб вы ізволили доложит еѣ імператорскаго величества государыне царіце Екатерине алексеевне і о томъ ваше старание приложит чтоб его імператорскаго величества доложит дабы повелено было на смену каргопольской роты із гранадерскихъ конных полков роту с афицеры определит воосо̀бливую службу ея высочества, которую-б могли называт здеся еѣ высочества гвардиею і чтоб до генералитета так и до полку дела неимела, но толкоб под еѣ высочества указом была, а провиантом і фуражемъ доволствоват оную роту изволит от своих амтов, но толкоб жалованье офицерамъ і редовымъ із военной колегіи или от камисариата . . . . . (2) присылалос понеже (и мунди-

(1) Дѣло идетъ о секретной кореспонденціи Монса съ А. Г. Салтыковой; какъ видно Матрена Ивановна писала къ ней отъ имени брата, доколѣ Бестужевъ не предложилъ безопаснѣйшаго способа къ передачѣ писемъ непосредственно отъ самого Виллима Ивановича.

(2) Два слова неразобрано.

ровъ и стола) хотя своего прибавитца здеся полутчей делат; во истинну еѣ высочеству не без стыда, что оберраты употребляют за собою княжескую гвардию с изрядным убором; за что еѣ высочество обещает вамъ удоволствоват чесно посему . . . . . (1) покорно прошу какъ скоряй уведомит і пребываю вам государя моего слуга верныі петръ бестужевъ. Із митавы 6 ѳевраля 1722.

VIII

Артемій Петровичъ Волынскій къ Виллиму Монсу 1720—1724 г.

1

14 іюня 1720 г.

Государь моі і любѣзныі другъ

Я за особлівое несщастіе себѣ прічітаю, что неведалъ вашего отъезду и зело удівляюся что вы такъ тайно збѣжалі, і что за прічіна не знаю! Прошу васъ, Государя моего, уведоміть, когда ихъ величество сюда изволятъ прібыть, чтоб мнѣ о томъ вѣдать а я зело жалѣю, что невідалъ васъ прі отезде, понеже и яб неотсталъ, также изволтѣ с моей стороны поценять Петру Ѳедоровічу, чтоб онъ забылъ мою прозбу; сімъ окончавъ остаюсь

вашъ Государя моего
вѣрно обязанныі слуга
А : волынскоі.

Із S. P. B. Іюня 14-го 1720 г.

Прі сем кланяетца вам слѣпоі бандорка и репортом ожідаетъ, куда повѣлено будетъ репортовать, однакож за слѣпотою одному ему невозможно ехать, но просіт, чтоб мнѣ проводіть.

2

30 декабря 1720 г.

Государь мой любезныі другъ и братъ вілімъ івановичь

Письмо ваше, государя моего, от 21 декабря, я получилъ, за которое зело благодарствую, а о себѣ доношу, что я нещастлівъ моімъ сюда приездом, понеже такъ немогу, что девятои день, и надворъ не могу выттит, нетокмо куда ездить, от чего в превелікомъ страхе, чтоб не причлося мнѣ въ іное, однакожъ свідѣтелствуюся богом і всеми, кто меня видел, понеже жалеютъ, хто здес есть все посещаютъ істінно такова себѣ мученья нікогда не видалъ : заваліла у меня мокротою

(1) Слово неразобрано.

горло і грудь, такъ что нетокмо свободно есть і спат немогу, и уже от сідѣня спіною тронутца немогу, а ежели лягу, то такъ заліваетъ мокрота, что и духъ захватітъ, і такъ в сутки мнѣ разве достанетца уснуть два часа, и то сідя, оклався подушкамі, однакож хто у вас можетъ повеpіть, еще бъ ежелі сия болезнь мнѣ пріключілася в петербурхе, тобъ пред глазами відімо было; пожалуй мой батюшка донеси премилостівой матери, всемилостивейшей царіце Государонѣ, что сотворіла со мною рабомъ своім милость, ежелі случітца к слову, чтоб милостиво предстателствовала, кленуся богом, что неімѣю німалой прічіны, за чем бы могъ до сего времени здес медліть; однакож какъ скоро нетокмо свобожусь, но хотя мало полехче будетъ, поеду, а теперь сижу какъ уродъ, облепленъ в пластыряхъ, і голова, и горло, и на грудяхъ и обвязан весь. Пожалуй, мой батюшка, неоставить меня писмамі своімі, ибо мнѣ ніхто такъ неудевителенъ, что андреянъ, которой такъ меня забылъ, какъ недоброй человѣкъ, сколко пропустілъ оказей, хотябъ от него строку видел; между тем же приехал к неронову человѣкъ, с которым онъ к нему писалъ, а ко мнѣ нічево. Изволте меня по совесті разсудіть с ним, такъ же и сестре изволь обявіт, которой прошу отдать з благодареніемъ мой нижайшей поклонъ, прітомже и всей вашей любезной фамиліи, а на особлівые писма чтоб непрогневаліся, истинно і к вамъ пішу черезъ силу, также пожалуй поклонись от меня дмітрею андреевичу (1), которой с вамі водномъ списке здес запісанъ в бѣглецахъ, а протчіе во временщікахъ, о чемъ изволіте уведомітца от других, а паче от князь андрея (2). Также разглашено здес про василья дмітреѣвича, что онъ ліпенъ весма милости Государыни царіцы, і бутто уже нікуды не годітца, что ему извол сказать, і от меня отдать поклонъ.

Что же, Государь мой, изволіли писать об лошеді, по которую я нарочно в деревню послалъ, толко какъ слышу, сказывал мнѣ матвей и люді мои, что очень хороша стала і чиста, і ежелі такову увижу, то я человеку степана василевича (3) неотдамъ, ибо какъ бы нісмотрели, однакож такъ нелзя, какъ в глазех, того ради посмотрю, ежелі мошно, то пошлю к вам; будеже еще неіскрепчала, то отдам князь андрею вязимскому, у котораго бережняе будетъ, а онъ пріплетъ к вам по лѣту, о калмыке князь Ніколаю я посылалъ, а сам сво невідалъ, понеже и онъ спостелі невстаетъ, такъ боленъ, также і князю александру черкаскому посылал, и сверхъ того князь грігорью алексѣвичу говорілъ и своімъ людем пріказалъ, чтоб искалі. Инаго вамъ, моему государю, доносіть неімею, токмо прошу непременно меня в вашей милості і любви содержат, почітая истінным і вѣрным вашим слугою, яко есмь і пребуду.

---

(1) Шепелеву; «путевой маршалъ» двора Екатерины.

(2) Вяземскаго.

(3) Лопухина.

Вашъ, Государя моего, покорный і вѣрнообязанный слуга і братъ
А: волынской.

Изъ москвы. Декабря «30» дня, 1720 г.

На томъ же листкѣ записка къ Петру Балку:

Государь мой Петръ Ѳедоровичь

Сего часу прислал ко мнѣ князь Ніколай, что люді ево калмыка твоево поімалі, я ево велѣл, к себѣ привесть, і буду держать скованова у себя в домѣ, а когда будетъ оказія велю к вам отослать.

Вілім Івановічь изволь покрічат на андреяна полѣхче, ибо я тепер получилъ от него письма, только чтоб впредь так недѣлалъ и оказей непропускалъ.

3

2 февраля 1721 г. (1)

Государь мой и любезный другъ и братъ Вилимъ Ивановичь!

Ваше, государя моего, благопріятнѣйшее писаніе, отъ «21» прошедшаго генваря отправленное, исправно принять получилъ, за которое вамъ, государю моему, зѣло благодарствую. Такожъ и за показанные ваши, заочныя мнѣ дружескія милости и благодѣянія; прошу и впредь меня неоставить, въ горестномъ моемъ отлученіи, въ чемъ я на васъ моего друга вѣрную надежду имѣю. О себѣ доношу, что я намѣренъ былъ конечно ѣхать отсюда тридесятаго или тридцать перваго числа, прошедшаго, какъ и къ ихъ величеству чрезъ мои всеподданнѣйшіе доносилъ, однакожъ еще удержала меня покупка лошадей и протчаго, что мнѣ здѣсь принять надлежитъ, для посылки въ Персію. О чемъ хотя ежедневно посылалъ къ здѣшнимъ управителямъ, которымъ то отправить и отдать мнѣ повелѣно, однакожъ немогъ и по сіе время сдѣлать, того ради принужденъ здѣсь затѣмъ остаться, но хотя отдадутъ или нѣтъ, только далѣе седьмаго числа сего мѣсяца не буду мѣшкать, и брося все поѣду всеконечно, понеже слава вышнему отъ болѣзни моей имѣю нѣкоторую свободу, а здѣсь живучи уже отъ страха сердце надсѣлось. Однакожъ прошу васъ, моего государя и друга, въ томъ меня охранить, что я послѣ того термина здѣсь остался, въ чемъ вѣрно васъ обнадеживаю, что ниодного дня больше жить небуду, токмо сіе для прочихъ прошу умолчать; симъ окончивъ остаюсь вашъ, государя моего, вѣрный другъ и покорный слуга

Артемей волынской. (2)

Із москвы 2 февраля 1721.

---

(1) Письмо писано рукой секретаря.

(2) Отсюда собственноручно.

Прі сем прошу ѣе величеству доложіт понеже я увідѣлъ. что в можайскіх вотчінахъ бѣзделные жеребцы, того ради отдаю грузінцову (1) двухъ жеребцовъ, которые нынѣ покупаютца, ибо обѣ лошеді изрядные, а сторгованы за триста за трітцеть рублевъ, вместо которыхъ бѣру у нево такіх коі тошъ негодны. Обѣ серые и грівы свалілісь а отдаю одінъ вороной а другой саврасоі, от которыхъ чаю, обновітца тамошнѣі заводъ.

Прості (2) мой батюшка, друг мой вілімъ івановічь, прошу вас ежелі буду жівъ, неоставіть, а буде умру помінать.

Також прошу отдат поклон мой сестре вашеі милостивой Государынѣ моей і всеи вашей любезной ѳамілі.

4

9 февраля 1721 г.

Государь мой и любезныі другъ и братъ вілімъ ивановичь

Увѣдав нашу істінную дружбу и любовь, просілъ меня іванъ петровичь талстой, чтоб я его вамъ, государю моему и другу, рекомандовалъ и просілъ вас; того раді прошу, дабы вы, государь мой, изволілі его в свою дружбу и любовь прінять, і такъ содержать, за котораго я безсумненія обѣщаюсь порукою быть, что онъ вашу дружбу, какъ і сомною имѣетъ чісто содержать будет и можетъ быть впротчем верныі вам слугою, вчем и тядя твоі слепецъ общеі наш камратъ вам порукою будетъ; ибо я здес между імі дружбу добрую сосводнічелъ; а слышал я, что и с вамі у него хотя прямой дружбы, однакож пріятелями былі, того ради дай боже, чтобъ я впрямую дружбу васъ сосводнічалъ, какъ и надѣюсь, что может быть постоянна собѣ стороны, сім прекратя остаюсь, вашъ, государя моего, вѣрно обязанныі и чістосердечныі другъ і братъ і покорныі слуга А. волынскоі кланяюся. в москвѣ 9 ѳевраля 1721.

доношу вам толко тайно

Получилъ я ведомость из астрахані, что идутъ к терку незваные гости, которыхъ, хотя нехочетца, однакожъ встречать надобно, ибо оставіть нельзя, чтоб непотчівать, хотя у меня и мало такіхъ с кем потчівать, только конечно надобно ітіть туда, хотя мнѣ і небѣзтруда будетъ, понеже слышу, что ихъ немало, о чем донесено и военной колѣгиі, которой бы надлежало послать указ к кропотову, чтоб онъ комнѣ хотя два полка отправіл, также чтоб і к донскім казакам послалі указ послушной; а без того я могу и пропасть, ежелі итіть толко своімі, понеже у меня болше 3000 нѣтъ, а іхъ съ 30,000. однакожъ хотя ко мнѣ прібавокъ будетъ ілі нет, однакож мнѣ нейтіть невозмо-

---

(1) Управляющему можайскихъ вотчинъ государыни.

(2) Отсюда на двухъ отдѣльныхъ лоскуткахъ, вложенныхъ въ письмѣ.

жно и пойду конечно, хотя пропаду; а то прічтут, что у меня матушкіно серце, которово во мнѣ и с робятскихъ лѣтъ небывало.

5

23 іюня 1721 г.

Государь мой и любезныі другъ вілімъ ивановичь.

Хотя я от васъ чрез андреяна пісма і неполучілъ, однакожъ несумнѣваю премены в вашей, государя моего, любві і пріязні, но імею всегда на вас верную надѣжду; о себѣ доношу, что вастрахань прібылъ, которую нашолъ пусту і совсем разорену, а іменно крепостей здешніхъ стены во многихъ местахъ развалілісь а худы все: также и башни некоторые чаю изволятъ упасть скоро; гварнізонъ здешней такъ справенъ, что в пяті полкахъ выбралъ я с неболшим с 2000 годныхъ ѳузей, и то на сілу; драгунскихъ лошедей по табѣлю толко одна, а мундіры, какъ на драгунахъ, такъ и на салдатахъ ні на одномъ, и адіннатцет лѣт недавано; от чего многие ходят в балахонахъ, а вычтено у ніх съ 34,000 которые денги в казані и сеі; также провіанту по пріезде моем нашол я толко съ 300 четвертеі, да прі мнѣ вывезлі съ 5000: и тако, по істиннѣ, что нівіжу, все надобно вновь дѣлат і такая пришла на меня напасть, что незнаю, за что прінятца, ктомуж особлівоі на меня божеі гневъ, что аѳіцеры здесь такіе, что въ редком путь, а протчие и дуракі, и пьяніцы, которымъ невозможно быть ні над бѣстіею, нетокмо над людмі, і ктому теперь пришло, что ні послат, ні пріказат нічего невозможно. Еще ж ведомості здес непрестанно изъ терка подтверждаютъ, что непріятелі такъ прішлі в сілу, что уже и проездъ струдом; которых (непріятелей) сначала было несколко сотъ по нынѣ умножілос и до 6000 которые какъ около терка, такъ и около гребѣнскіхъ казаковъ все разорілі и пограбілі, о чем какъ в сенат, такъ і в каллегію чаю не одну стопу бумаги измарали, но революціі о томъ ніоткуды нѣтъ; но знат што не пашу тысечу рубятъ! однакож я нехотя оставить прінужденъ зделат туда транспорты забравъ отсюды всех салдат і драгунъ, і сам с німі, а здесь покіну толко для караулу і то ссоломеным ружьемъ; я васъ, мой батюшка, прошу показат ко мнѣ милость і внушит о томъ всемилостивейшей царіцѣ государынѣ, чтоб показала надомною, рабомъ своімъ, милость, о чем я і чрез мое всеподданнѣйше просілъ, которое прі сем посылаю и прошу вручіт; ибо я віжу, что нарочно такъ делаютъ і оставілі, чтоб я пропалъ, чего и искат сам еду; я віжу, что идолы тѣ болше делают добра, нежелі господа наши, ибо хотя я неімел указу, однакож відя сію напасть, прінужденъ просить аюку хана, чтоб онъ помогъ мнѣ, которой тотчас обѣщалъ мнѣ от пяти и до шти тысечь калмыкъ послать тудаж к терку, на что у меня и лутчая надежда, а что там зделаю, незнаю; поістіннѣ я теперь в такоі дісперацііи, что сам себѣ нерад, понеже здесь дѣл тма, а там пропа-

даетъ; однакожъ оставя все, прінужденъ туда ехат, чтоб там і всего непотерять; болше сего пісать к вам неімѣю. токмо прошу показать ко мнѣ какую нібудь милость нынѣ кропотов скомандою бѣз всякаго дѣла, хотяб от него мнѣ уже далі олінъ полкъ, понеже я ні с чем еду, то бъ я с помощію вышняго надѣялся, что нібудь зделать а теперъ, хотя и еду, токмо напрасно, понеже у меня регулярныхъ и дву тысечь небудетъ, которымі можетъ быт от терка отбіть мочно, но чтож в том ползы. Ежелі на ніх неітіть і неучініть им такова разоренья в жіліщах ихъ, какое чінят оні нам; то чем я от терка отступлю, а оні паки тожъ будут делать, того ради, по моему мнѣнію, ежелі на ніхъ не ходіть, то бы мнѣ луче и на терке быть уже незачемъ, понеже когда я им пріездом моим нічего неучіню, то відімо будет знакъ, что мы ихъ бутто боімся, что увідя могутъ к нім и другие многи пристат, которые теперь бутто еще держатца, бутто под страхом, и тако, Боже сохрані, может оттого прямая война родітца, однакож у нас того несмотрятъ что впередъ будет; сімъ окончавъ, остаюсь вашъ, моего государя, верныі другъ і покорныі слуга Артемей волынскоі. Із астрахані іюня «23» д. 1721 г.

6

25 сентября 1721 г. (1)

Государь мой вѣрный другъ и любезный братъ!

Вопервыхъ благодарствую вамъ, государю моему, за ваши учиненныя мнѣ заочныя дружескія благодѣянія, и потомъ доношу, понеже послалъ я къ ея величеству, всемилостивѣйшей царицѣ государынѣ Араба съ Арабкою и съ двумя Арабченками, съ поручикомъ Карцовымъ, который посланъ съ нѣкоторымъ репортомъ въ военную коллегію, а притомъ и мои ему нужды поручилъ; того ради, васъ моего государя и друга, прошу, о чемъ оный васъ будетъ просить, въ томъ меня неоставить, такожъ и его въ вашей милости содержать. А что здѣсь дѣлается, ссылаюсь на его вамъ изустное доношеніе, ибо оный на здѣшнее на все самовидецъ, а и на постороннія дѣла отчасти извѣстенъ, между тѣмъ и о моемъ каторжномъ житьѣ онъ вамъ донесетъ; симъ окончивъ, паки васъ, государя моего и друга, прошу меня въ прежней вашей милости и дружбѣ содержать, въ которую вручая мя и тако остаюсь вамъ государя моего и друга вѣрный и покорный слуга А. Волынскоі. изъ Астрахани, сентября «25» д. 1721 г. (2)

P. S. «Прі семъ которую я подарилъ вам лошедь, надѣюся, что на весну мошно вамъ на ней будетъ ездить, того ради посылаю вамъ, моему другу, турецкоі мушпукъ серебреной і с наперстью и с решмою; прошу в память услугъ моіхъ і верноі любви прінят.

---

(1) Рукой секретаря.

(2) Отсюда собственноручно.

«За тем прошу вас, государя моего, обявить моі должноі поклонъ, хотя я и словесно пріказывалъ государю моему Петру Ѳедоровичу такожъ государю моему Степану Василевичу съ Натальею Ѳедоровною (1).

7

5 декабря 1721 г.

Государь моі і любезныі другъ і братъ!

Не роспространяя инаго, токмо прілагаю прі сем мое всеподданнѣйшіе прошеніе ко всемилостивѣйшей матері царіцѣ государонѣ, ис котораго все моі нужды изволіте увідеть, и прітом васъ, моего государя и друга, прошу, оное ѣе велічеству на единѣ вручіть; а прочелъ-бы алексѣй васильевичь (2) того раді, изволте излучить, чтоб онъ тутъ былъ; я сам чрез Бога прошу показать свою дружескую ко мнѣ милость впредстателствѣ к еѣ велічеству; а о делах здешніхъ пропастныхъ много васъ трудіть нехочу, токмо ссылаюся на посланные моі пісма к алексѣю васільечу, общего нашего друга, також и княз Грігорья алексѣевича, которые изволіте увідеть, чаю и узнат, каково мое бѣдное жітье; за тем немогу вас много трудіть, толко прошу, для милости божьей, зделайте со мною милость, чтобъ я вечно вотчаяніи непропалъ, сімъ прекратя остаюсь вашъ, государя моего и друга, верныі і покорныі слуга А. волынскоі із гребѣнскова казачья щадріна городка. 5 декабря 1721 г. Прі сем прошу, отдать поклонъ моі милостивоі моеі государонѣ, сестре вашеі, і всеі вашеі ѳамиліи моімъ милостивымъ.

Намеренъ я былъ подъ вашимъ ковертом послат государонѣ царіцѣ мое пісмо, но сказалъ мнѣ блеклоі, что вы посланы к городу, того раді оное послалъ под ковертомъ Алексѣя василевича.

8

28 января 1722 г.

Государь моі любезныі братъ і верныі другъ вілімъ івановичь

дружеское ваше, государя моего и брата, пісаніе из москвы здесь прінято, я получилъ, вонемогу напісать, чтоб беспечалі было, тогда однакожъ всегда вамъ, моему другу, благодарствую за ваше дружеское истінное неоставленіе, за что всевышніі саміхъ вас милостіво неостави. Прі сем доношу, что я по окончаніи известныхъ вам терскіх дѣлъ, съ которымі доволно было труда, но, слава вышнему, відітца что надобно было, то все неупущено. Чего и я поістиннѣ не-

(1) Лопухинымъ.
(2) Макаровъ.

чаялъ, ибо незапное дело было и вооженося (?) рядъ дѣлу. Однакожъ порубилі и вполонъ побралі сколко смоглі и броділі по болотам и по степямъ, какъ хотелі и такъ сщастліво сію начатую на востокѣ компанію окончал, а шпаги из ноженъ невынімалъ (однакожъ трудовъ моіхъ і вамъ из взятыхъ вленъ малчіка изряднаго челом бью) потомъ, мнѣ прішло ктому, что ні там зімовать стало (бес хлеба дурно), ні сюда итіть с малымі людмі нелзя, і такъ уже прішла мнѣ бѣда не шутка, понеже ѳакціею детакъ моіхъ калмыковъ намеренъ былъ итіть на меня бахта гирей бѣшеной салтанъ кубанскоі, вчемъ меня одінъ владелецъ престерегъ, что я уведавъ, пріпужденъ політічно дать знат хану, что я ѳакцію ихъ знаю, и чтоб онъ ведал, что если будетъ мнѣ от кубанцевъ, пакость то онъ в томъ ответъ дастъ: і с темъ отважася, положілся на волю божію и 22 декабря (с свіреным войском убрався) пошелъ, что ні будетъ; и хотя по істиннѣ с таким трудом, какова еще сроду невідалъ, однакож бѣзбѣдно, и сюда сего, генваря 8 числа, со всеми, слава вышнему, прибылъ, токмо дни праздніка рождества до смерті мнѣ незабыть, а день новаго года пріслучілося торжествоват на голой степі бѣзводы и бѣздровъ; но за все прошедшіе труды и бѣзпокойствы нынешняя почта пріпесла мнѣ велікую радость, а то уже со всемъ было укоренілся здесь зімовать і для того пріпасать было сталъ и местічко теплінкое, понеже моі хоромы зело бѣспокойны. Но слава всевышнему, что мілостію всемілостівѣйшеі Государони нашеі милостиво свободілъ; за что незнаю, какое благодареніе могу пріпісать, понеже сіе выше моего ума дѣло; и тако неотменно отсел с первой недели поста поеду; естлі дастъ богъ, поуправясь, неотложилбы я ні до завтрея, токмо некоторые бѣзделіцы навязалісь, которые неучредя, ехать нехочетца; дай всевышній прібыть и чтоб уже не токмо рукі, но слѣды ногъ ихъ императорскаго велічества получить радуюся всеподданнѣйше целовать; болѣе сего распространять нехочу ні о чемъ нынѣ, понеже самъ буду к вам непісанная, но живая грамотка, тогда изволте читать о всемъ беспотпіси, а сказывать есть что, хотяб кто былъ і на том свѣтѣ, столко ж сталъ бы сказывать, а я и терекъ держу нелутче ада, около котораго жівутъ илі звері илі черті; о чемъ донесетъ вам пространно Господінъ блеклой; сімъ окончивъ, остаюсь вашъ, государя моего і друга, верныі братъ і покорныі слуга Артемей волынскоі. Із астрахані 28 дня генваря 1722.

9

8 февраля 1722 г. (1)

Государь мой благонадежный другъ и братъ!

Нынѣ нпаго вамъ государю моему и другу доносить не имѣю, токмо посылаю ко всемилостивѣйшей императрицѣ государынѣ къ употре-

(1) Рукой секретаря.

бленію стола здѣшніе дичи; сколько сыскать могъ, пять драпъ, и 21 фазанъ, да кабаньихъ поросятъ шесть, которой заводъ у меня въ домѣ отъ дикихъ кабановъ завелся. И ежели въ цѣлости сіе привезено будетъ, прошу васъ, государя моего пристойнымъ образомъ ея императорскому величеству донесть, и экскузовать меня, дабы непрогнѣвалася, что такую бездѣлицу дерзнулъ послать, въ надеждѣ ихъ величества комнѣ рабу матерней милости, и отъ простоты моего усердія, чтобъ милостиво изволили принять и кушать, о чемъ я просилъ и Алексѣя Васильевича; симъ окончивъ, остаюсь вашъ, государя моего и друга, верный и покорный слуга Артемей волынской. Изъ Астрахани. Февраля 8 дня 1722 г.

10

28 февраля 1722 г. (1)

Государь мой и истинный другъ и братъ Вильгемъ Ивановичь! Доношу вамъ, что я сего февраля 21 дня, изъ Астрахани выѣхалъ и сюда въ Царицынъ вчера прибылъ, до котораго верстъ за десять недоѣзжая дошолъ было конца такимъ образомъ, что и ночью спалъ, и такъ привезли меня къ полынье, подлѣ которой подъ моими санями съ двумя коренными лошадьми ледъ проломился, и понесло меня, какъ бы на плоту въ полынью прямо, но еще тѣмъ Богъ спасъ, что переднія лошади удержалися на крѣпкомъ льду, и потомъ вытащили и сани; токмо такихъ я добрыхъ товарищей имѣлъ, что не хотѣли отстать отъ меня, кои за мною ѣхали, одни за другими пятеро сани вляполися въ воду и поплыли, и такъ билися нѣсколько минутъ, доколѣ прибѣжали оставшіе съ оглоблями и съ возжами, и такъ славабогу вытаскали людей и возы; однакожь что было перепортили такъ, что рѣдко что годится, а прочее все пропало; и такъ мнѣ сдѣлало убытка около 400 рублей; чего ради принужденъ перемѣшкать здѣсь два дня, а потомъ такимъ же путемъ ѣхать до Саратова; но что дѣлать, хотя съ убыткомъ и бѣдами, однакожъ дай только Боже видѣть ихъ императорское величество; и потомъ васъ, чему обрадуяся всѐ сіе забвенію предамъ; симъ прекратя и остаюсь вашъ, государя моего и друга, вѣрный и покорный слуга А. волынской.

Изъ царіцына. Февраля 28, 1722 г. (2)

P. S. Паче другова убытка зело мнѣ жаль перуковъ, понеже что было все, тутже и любимые ваши два, никуда негодятца. Тутже перуки все поліняли толко осталис чорные и те без глянса; я вас, моего друга и брата, прошу, потрудитца два перука, тупе, и около полъдю-

(1) Рукой секретаря.
(2) Отсюда собственноручно.

жины чулковъ (естли у васъ цветныхъ нѣт) сыскать, однакож я слышу, что и вас заставіла неволя щеголять и рубашки уже слышу, что почали вы сманжетами носить, что за велікое удівленіе почитаю и вовсе небуду верить, нежели глазами моимі увижу.

Ежелі, государь мой братецъ, не сыщетца для меня інова двора в слободе, не мошноль вам поговоріть господину бідлоу, чтоб он переѣхалъ на загородной свой двор, а мнеб слоботцкой уступил, понеже, какъ вам известно, что мнѣ конечно надобно быть к преображенскому бліже; а ктому ж, когда буду (въ) слободе, то надеюся, что и выб со мною жіли. однакожъ, какъ і вы знаете, что доктор скупъ, то невозможноль, хотя с наймомъ, яб и тѣмъ былъ благодаренъ, толко чтоб быт к вам бліже.

11

28 іюля 1723 г.

Государь моі и благонадѣжныі другъ і братъ вилімъ івановичь!

Я за особлівое несщастіе себѣ причитаю, что ніединаго писма от вас, государя моего. неполучилъ, хотя многократно к вамъ писал, однакожъ віны моей нікакой незнаю, что отдаю на ваше разсужденіе. прі сем доношу анета моя ротіла мнѣ трепіцу, которої далі имя анна, и девка изрядная естлі будет жива, чаю карліца будетъ, чемуб я и рад былъ, понеже когда будетъ неглупа тоб уповал, что будетъ вместо авдотьюшки (1) в милости и яб болше нежелал, чтоб она со всемъ была такова, какъ она, чтобъ себѣ за особлівое сщастіе прічитал, мнеж бы бѣзубытку. Пред сим я просил всеподданнѣйше всемилостивѣйшую государыню нашу императріцу о милостівом позволеніи, чтоб государыня цесаревна анна петровна соізволіла оную под свою высокую протекцию принят от купели, о чемъ такожъ и еѣ высочество всеподданнѣйше просил, однакожъ до сего времені несподобилис того высокаго указу получит, что за особлівое несчастие причитаю; и імею великую печаль, непрогневал лі тѣмъ? того ради, васъ, государя моего і друга, прошу уведомит меня о том, по милости своей, нет ли на меня гнева, от котораго, боже сохрані, куда я годенъ буду, лутче хочу умерет, нежелі чем прогневат и пакі вас, государь мой прошу пожаловат ко мнѣ отписат и из сего сумненія меня вывести; вашъ, государя моего и друга верныі і покорныій слуга А. волынскоі. Из астрахани іюля 28 дня 1723 г.

При сем отдаю должной поклон моі милостивоі государинѣ мосіі, матренѣ івановнѣ и всей вашей любѣзной фамиліи.

Надѣюся я, что вы, государь мой, извѣстны о проішедшеі здес бѣзделицѣ? понеже какъ слышу, что уже ихъ величеству донеслося, того радіі прінужденъ я всеподданѣйше трудіть еѣ величество, всемі-

(1) Любимая карлица Екатерины.

лостивѣйшую императріцу государоню и донесть подробно, какъ было из чего; і вы изволіте увидет, естлі моя хотя малая віна. богъ свідетель, что я сіе за особлівое несчастіе почітаю, паче же печалюся смертелно, можетъ быть, что их императорскому велічеству нетакъ донесено, какъ было; того ради, боюся ихъ величества гнева.

12

28 мая 1724 г. (1)

Мой милостивой государь, Вилимъ Ивановичь!

Который пакетъ я вамъ, государю моему, при отъѣздѣ моемъ, вручилъ, для самаго бога пожалуй, государь мой, покажи со мною милость, изволте неумедля вручить всемилостивѣйшей государынѣ, и притомъ побить челомъ, чтобъ показала надо мною, рабомъ своимъ, божескую милость, изволила бы подать его императорскому величеству и притомъ милостиво объявить: что понеже я желалъ, чтобъ его величество, по первому моему меморіалу, изволилъ спросить меня, однакожъ такъ сдѣлалось, что изволилъ подписать, въ такой силѣ, что ни правды, ни вины моей знать *неизволитъ, кромѣ лѣсу и людей* (2).

И тако сіе склоняется къ тому, чтобъ я *показалъ, что моя правда, и что моя вина* (3). Того ради, какіе я посылалъ жестокіе указы о лѣсу въ Сінбирскъ, и сколько разъ посылалъ, и зачѣмъ оный лѣсъ въ Астрахань не бывалъ, тому всему въ прошломъ еще году прислана отъ меня въ кабинетъ обстоятельная вѣдомость; чтобъ изволилъ приказать, кому изволитъ вѣрить, а собливо желалъ бы я, чтобъ высмотрелъ Павелъ Ивановичъ. (4)

Людей, что я оставилъ 1000 человѣкъ въ Астрахани: первое не для моей прихоти, а если то сыщется, приказалъ бы меня за то хотя четвертовать; второе: такая крайняя нужда была, что Михаилъ Аѳонасьевичь людей у меня побралъ съ 400 человѣкъ, и естлибъ не онъ, тобъ ни провіантъ отправлять, ни судовъ таскать было некѣмъ; третье: что я и оставилъ не собою, но по письму Михаила Аѳонасьевича, съ котораго копію тутъ приложилъ (5), а въ прочихъ дѣлахъ я такъ дѣлалъ, какъ вѣрному рабу надлежало; и для того и правду и вину мою написалъ тутъ, чтобъ показала государыня божескую милость, изволила бъ его императорскаго величества попросить, чтобъ самъ изволилъ прочесть, а потомъ какъ его воля, ибо изволитъ изъ того усмотрѣть: добрый ли я человѣкъ или нѣтъ?

Также прошу и о другомъ меморіалѣ, который я, по приказу все-

---

(1) Рукой секретаря.
(2) Подчеркнуто въ подлинникѣ.
(3) Подчеркнуто въ подлинникѣ.
(4) Ягужинскій.
(5) То-есть приложилъ при меморіалѣ.

милостивѣйшей государыни, вручилъ вамъ, о томъ припомянуть (1), а что с шуръями (2) зделается о томъ вамъ жена моя донесетъ і паки васъ, государь мой милостивой, прошу показат надо мною милость вчемъ я благонадѣженъ пребывая и остаюсь вашъ, государя моего, покорныі і верныі слуга А. волынскоі. Изъ села Петровскаго. Мая 28 дня. 1724.

13

Года и числа неизвѣстнаго.

Государь моі, любезныі братъ и истінныі другъ вілгельмъ ивановичъ.

Прошу вас, государь моі, пріпомнить о поданіи меморіала, і по немъ о ісходатаіствованіи мнѣ жалованья; понеже управляю я свое дѣло уже 16 мѣсяцовъ, а жалованья нікакова не получаю; того ради, чтоб оное повелено было выдать; и впред учініть мнѣ окладъ денежноі и хлѣбноі, дабы могъ себя там содержать, ибо как вам известно, что мнѣ бес того содержать себя невозможно; к томуж будутъ мнѣ непрестанные отлучки, которые требуютъ особліво излишніхъ росходовъ.

второе прошу, чтоб опредѣліть ко мне таварыща, понеже какъ віжу нынѣ, что у меня больше дураковъ, нежелі умныхъ. И тако с трудомъ дѣла и прі мнѣ будутъ, а ежели мнѣ куда отлучітца, то, по истіннѣ, некому вручіть будетъ. Того ралі, везде возможноль одною головою все зделать, естлі не будетъ несколкіхъ добрыхъ помошніковъ; а я-бы уже и одному радъ былъ. Також, моі батюшка, прошу вас особліво пріпамятовать о том, что мнѣ прі отпускѣ обещано, понеже мнѣ нічто такъ непотребно, какъ сія милость.

А затем уже прошу і об извезстном вам дѣлѣ, чтоб о склонності дѣвушкіноі доложіть, і к совѣршенію сіе прівесть, такъ какъ вамъ с тоі стороны говорено; а больше и я нынѣ не требую .. (3)

IX

Иванъ Максимовичъ Шуваловъ къ Виллиму Монсу. 13 апрѣля 1722 г. (4).

Милостивый государь мой, Вилимъ Ивановичъ!

Доношу вамъ. моему государю, въ лапстрандѣ съ господиномъ Лиевеномъ обрѣтаемся всегда въ спорахъ о зачатіи границы. Надлежитъ начать отъ кирки Вироласкъ, понеже другова мѣста такимъ званіемъ нѣтъ; а онъ толкуетъ, называя отъ себя заливъ: виролоскомъ. По

(1) Отсюда собственноручно.
(2) Слово это неразборчиво.
(3) Конецъ письма отрѣзанъ.
(4) Рукой секретаря, кромѣ подписи.

приходу тое кирки такожъ новыми милями продолжать границы нехочетъ, а представляетъ старыя мили, которыя въ половину новыхъ, или мало больше. Прошу, милостивый государь, неоставить меня въ своей милости. Иного къ доношенію неимѣю, токмо остаюсь въ вашей милости моего государя нижайшій слуга Иванъ Шуваловъ. Лапстрандъ. 13 апрѣля 1722 года (1).

X

Петръ Андреевичъ Толстой къ Виллиму Монсу

1

9 Декабря. 1723 г.

Государь моі вилим ивановичь!

Прошу вас, государь моі, вначе (2) ея величеству всемилостивейшеі наше государынѣ императрице при моем рабском поклонѣ донесть, что для каторых дѣлъ я отправлен в москву, оные начал изправлят и с помощию божию уповаю быт исправным. Токмо зѣло мнѣ печално, что се время вещи, каторые выписаны из италиі в москву, еще непривизѣны; однакож ожидаемъ их вскоре; а прочие здѣс начали дѣлат, и прошу вас, государь моі, неумедля прислат ко мнѣ рисунокъ кавалерні ея величества, безмерно трудно здес сыскат мастерицъ, каторыя шит умѣютъ, хотя и есть некоторые, токмо плохи, однакож буду и о том старатся повозможности; еще моі государь, прошу донесть, что, по указу ея величества, дворы, где стоять государынямъ царевнамъ, по требованию василья салтыкова, очищены и ему оные вручены, а имянно на чистом пруде двор полковника петра иванова сына лачинова, на котором жилых теплых 9 покоевъ: другой подле тогож, иноземцовъ вахрамея да петра меллеровъ, на котором 8 покоевъ. Я опасаяся либо вещи из италиі умедлятся, сыскал здес в запас бархатов красныхъ одного цвету с шесть сот аршин также и других цвѣтов немало и заказалъ их до указу продават, грановитая полата, хотя и сделана была до моего сюда пріезду, но нынѣ все велел переделат, и вскоре чаю поспеетъ, также и другие полаты, для ея величества будут готовы, и впрочем сколко богъ поможет уповаю изправится и пребываю вашего благородия покорноі Петръ Талстой.

Из москвы, декабря «9» дня 1723 г.

---

(1) Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, отецъ знаменитаго фаворита Елисаветы Петровны — Ивана Ивановича, отправленъ былъ Петромъ въ Выборгъ въ 1718 г. для описанія и положенія на планъ морскихъ береговъ до устья рѣки Урпалы и чрезъ рѣку Воксу до Ладожскаго озера. Въ 1722 году онъ былъ оберъ-комендантомъ Выборга и размежовывалъ земли между Швеціей и Россіей согласно нейштадскому договору.

(2) Слово неразборчиво написано.

2

18 декабря 1723 г.

Государь моі вилим ивановичь! Свеликою моею горестию услышал я здѣс, что их величество неизволят быт в москву, к празнику рожества христова, и по истиннѣ, государь моі от тяжких размышленеі едва жизнь моя нескончевается. Того ради, свеликим прилежанием вас, моі государь, прошу отписат ко мнѣ причину, для чаго их величествы походъ свой изволили отложить, притом же прошу донесть ея величеству, всемилостивейшей нашей государынѣ императрице, что здесь предуготовление чинится с великим поспешением, и вещи из италиі привезены преизрядные, токмо неможем кроит платья на пажеі и на гайдуковъ без мѣры, такъже, прошу неумедля прислат ко мнѣ рисунокъ кавалериі ея величества, за тем остановилос дѣло, о чем я к вам, государь моі, писал и напред сего; впрочемъ с почтением пребываю покорной вашъ слуга Петръ Талъстой. Изъ москвы, декабря «18» дня 1723 года.

3

Неизвѣстнаго года и числа.

Государь моі вилимъ Ивановичъ. Сиго часа были у меня дербенды, каторые присланы от тамошняго наипа, и обявили мне, что наипъ прислалъ сними къ ея величеству, всемилостивой нашей государынѣ императрице, одну девочку горского народа; того ради прошу вас, моего государя, доложить ея величеству, понѣже оные дербенды желают, чтобы им самим оную девочку ея величеству придставитъ. А присланной от наипа — племянникъ ево, каторого и ея величество знать изволитъ. И что ея величество изволитъ повелет, прошу, государь мой, меня уведомить покорной слуга П. Талъстой.

XI

Стихи, писанные рукой Егора Столѣтова, найденные въ его бумагахъ.

1

Охъ свѣтъ мой горкій моей молодости,
Печально терпѣть, не имѣю радости,

Мои утѣхи въ плачь ся превратились,
Мои роскоши уже пременились,

Тяжкая туга меня сокрушаетъ,
Злая же печаль жизни мя лищаетъ,

Хоть пойду въ сады или въ виноградy,
Не имѣю въ сердцѣ ни малой отрады,

Другъ мой сердечный прочъ отъѣзжаетъ,
Меня бѣдную въ горѣ оставляетъ,

Иже обязанъ союзомъ сердечнымъ,
Въ любви сопряженъ, въ вѣрности нелѣстной,

Который во всемъ хотѣлъ быти вѣрнымъ,
Мнѣ же до смерти никакъ неотмѣннымъ,

Нынѣ отъ очей моихъ онъ сокрылся,
Ахъ горе, горе, уже удалился.

Кого бѣдная сердечнѣ любила,
Того несчастьемъ своимъ утратила,

Возьму съ печали преострые мечи,
Промолвлю въ горѣ такія азъ рѣчи:

Безчастный той день, въ онъ же азъ рожденна,
Почто на свѣтѣ тако сотворенна,

За вѣрность мою легко мнѣ умрети,
Вѣчный слухъ будетъ ахъ! объ моей смерти.

Пробью на мечи свои бѣдныя перси,
Отъ чего умру, ты самъ другъ мой вѣси.

2

Охъ! жалю несносны, гдѣ златыя лѣта
Очи, которые заживаютъ свѣта
Зѣло убо тяжко оныхъ погубити
О коль есть прискорбно, безъ зрѣнія жити.
Не жаль ли то тяжко утраты зраки
Да быся вернули во обитель паки,
Кто убо-бы не радъ сицевой годинѣ,
Кто убо-бы зѣло не тѣшился нынѣ,
Днесь-же азъ презѣльно оными страдаю,
Сердцемъ, всѣми члены, въ полы умираю.
Понеже вся радость отъ мене лишена
Яко глава моя лютѣ уязвлена,

О злобное время не полно-ль ти было,
Что и въ прежнія лѣта тѣмъ меня язвило.
Нынѣ наипаче горесть мнѣ являетъ,
Ясности пріятной отлучить желаетъ.
Убо-азъ надежду полагаю въ Бозѣ,
Онъ мя да врачуетъ въ милости на мнозѣ,
Аще и зла болѣзнь меня обложила,
Главу, умъ, мысль, волю жестоко смирила,
Аще и никто мнѣ о семъ не поможетъ,
Но Ты, о всещедрый и всекрѣпкій Боже,
Ибо всю надежду на тя полагаю,
И отъ тебя пріяти всяку благость чаю.

КОНЕЦЪ

ОПЕЧАТКИ, ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ

стр.	*строк.*	*напечатано:*	*должно читать:*
2	св. 2	пародъ	порохъ
6	сн. 10	боярынь и боярышень, ...	съ боярынями и боярышнями,
13	сн. 4	еще въ 1703 году, ...	въ началѣ 1703 года,
—	сн. 2	не позже 1705 года.	въ томъ же (1703) году.
14	св. 1	пѣснямъ, ...	пѣнямъ,
—	св. 2	великими	воинскими
23	сн. 9	Объ этомъ	О подобномъ
24	сн. 5	лйибшокорь тики	большой критики
29	св. 14	пропроливаю	проливаю
30	св. 8	Поводъ	Подводъ
31	св. 12	въ августѣ	30 сентября
32	сн. 3	актами	фактами
36	св. 9	вдовствующей герцогини курляндской, ...	нѣкоторыхъ важныхъ особъ,
40	сн. 7	въ III ч., ...	въ Рос. Родосл. книгѣ. Спб. 1856 г. ч. III,
41	сн. 18	вотчее	вотшче.
43	св. 9	тебя	тебѣ
50	сн. 4	Мяппа;	Маппа;
51	сн. 12	облеченныя	облеченныхъ
58	сн. 6	успѣвая	успѣвалъ
—	сн. 5	ловелась;	Ловеласъ;
59	сн. 7	ближнихъ аристократокъ; . . .	близкихъ къ государынѣ аристократокъ;
60	св. 2	героинь	персонъ
—	сн. 9	иной разъ	они иной разъ
—	сн. 4	связь	съ ними связь
65	св. 20	подалъ	послалъ
66	св. 19	письма, къ ней обращаемыя, .	письма Салтыковой къ Балкшѣ
74	сн. 1	Выше мы сказали, что Монсъ не затруднялся	Монсъ не затруднялся
75	св. 19	въ это время какъ члены . . .	въ это время члены
—	сн. 3	въ канцелярскія	за канцелярскія
80	св. 13	любопытнымъ	любопытенъ
92	св. 14	характеръ полнаго	характеръ полный

стр.	*строк.*	*напечатано:*	*должно читать:*
100	св. 4	обшива	обшивали
—	сн. 13	рапорты о разныхъ помощникахъ	рапорты отъ разныхъ помощниковъ
101	св. 16	состоявшій при дворѣ	состоявшій въ посольствѣ при дворѣ
112	св. 15	Былъ онъ—читаемъ въ официальномъ документѣ — былъ онъ...	«Съ 1716 года—гласилъ официальный документъ — по нашему указу, Виллимъ Монсо употребленъ былъ въ дворовой нашей службѣ при любезнѣйшей нашей супругѣ, ея величествѣ императрицѣ всероссійской; и служилъ онъ оттого времяни при дворѣ нашемъ, и былъ въ морскихъ и сухопутныхъ походахъ...
114	св. 14	неутомимаго, задарившаго семейство	неутомимаго въ задариваніи семейства
115	сн. 18	тягость	тягостно
117	св. 12	заѣдемъ	зайдемъ
118	св. 19	спросилъ Смирновъ	спросилъ Суворовъ.
121	св. 22	Суворовъ, по незнанію или по осторожности	Суворовъ по осторожности,
—	св. 24	Суворовъ спросилъ	— Для чего Монсъ такъ долго не женится? спросилъ Константиновъ.—«Если Монсъ женится, то кредитъ потеряетъ...» И помолчавъ Суворовъ спросилъ:
124	сн. 9	Грузиновцы	Грузинцовы
126	св. 14	о ходатайствѣ ихъ	о ходатайствѣ имъ
127	св. 9	маленькаго роста и бѣдный . .	маленькаго роста, некрасивый и очень бѣдный
131	сн. 16	То-то чины-то будутъ...» . . .	То-то чины-то будутъ! шаркать и присядать понѣмецки станетъ чиновно.»
133	св. 17	изъ награды	изъ наградъ
135	св. 20	государей, ...	государя,
143	св. 10	больше ничего не бирывавъ. . .	а больше ничего не бирывалъ.
144	св. 10	отпустилъ	отпустила
145	св. 3	я имъ недоволенъ	я имъ былъ недоволенъ
147	св. 9	заключеніе, ...	злоключенія,
150	св. 15	того же требовали его указы) должна была быть	того же требовали его указы (1), должна была быть:

Пропущенное примѣчаніе къ слову «указы» приводимъ:

(1) Государь продолжалъ вѣрить въ силу своихъ многочисленныхъ указовъ; въ нихъ онъ видѣлъ лучшее средство къ исправленью разныхъ недуговъ окружающаго его общества. Такъ и теперь, 13-го ноября 1724 года, Петръ обнародовалъ слѣдующій указъ: «понеже многіе, покинувъ прямыя судебныя мѣста, опредѣленныя о томъ, бьютъ челомъ придворнымъ служителямъ о дѣлахъ, *а иные плуты*, бѣгая обличенія, сіе дѣлаютъ и даютъ многія дачи, какъ и нынѣ

стр. строк.	*напечатано:*	*должно читать:*

то въ дѣлѣ Монсовомъ и Столѣтовомъ и прочихъ явилось; того ради е. и. величество указалъ объявить, что если кто впредь дворцовымъ служителямъ о какомъ дѣлѣ станетъ подавать какія письма, кромѣ повелѣнныхъ доношеній, и давать посулы, тѣ будутъ наказаны политическою смертью (кнутомъ и каторгой); а кто изъ дворцовыхъ служителей вступитъ въ то, или его поймавъ, его императорскому величеству не представитъ, тотъ будетъ казненъ смертію. Однако исключаются сіе: ежели кто изъ дворцовыхъ служителей увѣдаетъ о какихъ преступленіяхъ въ чьихъ должностяхъ и донесетъ, сіе не только не запрещается, но и повелѣвается. Однакожъ донесши болѣе въ то никакимъ образомъ не входить, не точіо что брать, подъ вышеписаннымъ же наказаніемъ.» См. *Голикова* X. 110.

150	сн. 2	что имъ	что отъ него
153	сн. 16	фамилій	фамиліи
157	сн. 4	На этотъ вопросъ можно	На этотъ вопросъ только отчасти можно
159	св. 7	многое для характеристики . .	много интереснаго для характеристики
160	св. 14	о взяточничествѣ Монса.	о взяточничествѣ Монса и о важнѣйшемъ его преступленіи.....
—	сн. 10	примѣчаніе (3). Измайловскій яхонтъ Монсъ поднесъ въ презентъ Екатеринѣ; камень былъ ограненъ и употребленъ въ коронаціонномъ уборѣ.	
161	св. 1	канцелярія не стала требовать новыхъ подробностей, и въ декабрѣ	канцелярія не стала требовать новыхъ подробностей, видимо боясь запутать въ дѣло еще нѣсколько вліятельныхъ лицъ—своихъ друзей или милостивцевъ: вотъ почему, нѣоткладывая дѣло дальше, въ декабрѣ
164	сн. 4	*и нынѣшняго года не пережить.*	*и нынѣшняго года не пережить.* А какъ онъ умретъ, станетъ царствовать свѣтлѣйшій князь (Меньшиковъ)...

168 къ примѣчанію (1, добав: Представивъ изъявленія скорби о кончинѣ Петра I со стороны служилой знати, высшаго духовенства, нѣмцевъ и солдатства, мы сдѣлали было сводъ толковъ, приговоровъ и разсужденій нисшаго духовенства и *простого народа* надъ усопшимъ монархомъ. Но потомъ выкинули все это мѣсто по слѣдующимъ двумъ причинамъ: 1) по обстоятельствамъ, неинтереснымъ для гг. читателей, и 2) потому, что предметъ такъ-сказать *посмертныхъ толковъ* о преобразователѣ Россіи самъ по себѣ такъ обширенъ и интересенъ, что долженъ послужить содержаніемъ отдѣльнаго изслѣдованія.

Оговорку эту мы нашли необходимымъ привести потому именно, чтобы насъ не упрекнули въ односторонности расказа о смерти Петра I, а главное, чтобъ сколько-нибудь пояснить слѣдующія слова на стр. 168:

«Въ то время, когда бушуютъ страсти примученныхъ поборниковъ старины и народности, когда изрыгаются слова ненависти уже безсильному властелину, что дѣлаетъ его преемница?»

170 къ примѣч. (1) добавить: Достойно замѣчанія, что первымъ по времени распоряженіемъ новаго правительства относительно Монсовъ былъ словесный указъ ея величества: «изъ пожитковъ бывшаго каммергера Монса статую Марсову золотую с каменьи отослать в куншт-камору к господину Блюментросту»

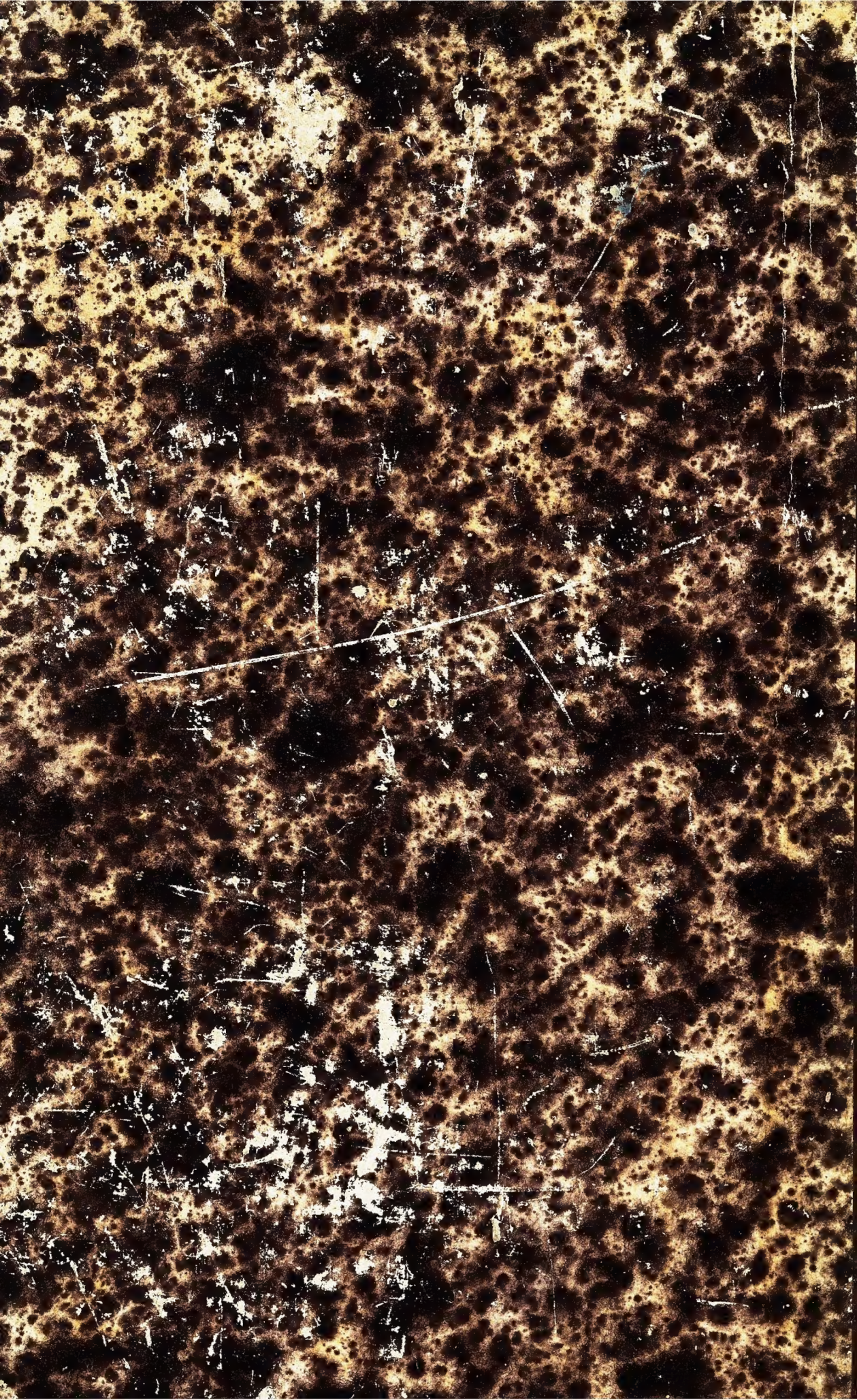
стр.	*строк.*	*напечатано:*	*должно читать:*

9-го февраля 1725 г. (Ук. ея велич. изъ канцел. Вышн. суда.) Сообщено намъ П. Н. Петровымъ. Объ этой статуѣ см. выше, стр. 105.

173	сн. 5	Такъ Столѣтовъ интересовался	Такъ Столѣтовь, какъ извѣстно уже намъ, интересовался
—	сн. 4	и чуть ли самъ не кропалъ ихъ	и самъ кропалъ ихъ
174	св. 16	облѣе года	болѣе года

180 св. 2 къ третьему стихотворенію Монса добавить слѣдующій второй куплетъ:

Und allsso Lieb ich Mein Verderben,
Und heg ein Feuer in Meiner Brust
Daran Zu Letzt ich doch Muss sterben
Mein Untergang ist Mir Bewusst.
Dass Macht ich Lieben wollen
Wass ich Gelt VerEhren sollt,
Dennoch geschiehts Mit grosser Lust...

181	св. 1	Александры Салтыковой, ...	Письма Александры Салтыковой,
185	сн. 13 и 14	репортом... репортовать...	(слова эти не разобраны)
195	сн. 15	съ 400 человѣкъ, ...	съ 700 человѣкъ.
197	сн. 9	покорноі Петръ	покорноі слуга Петръ
196 и 197		примѣчанія вторыя: Слово это неразборчиво.	вычеркнуть, такъ какъ слова разобраны и напечатаны какъ слѣдуетъ.

NB. Въ Приложеніяхъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, вмѣсто *і* въ печати *и*, слово «Астарахань» (такъ оно въ подлинникахъ) напечатано «Астрахань».